Д. ГОРБАЦЕВИЧ

ДВА МЕСЯЦА В ГОСТЯХ У КОЛХОЗНИКОВ

(Заметки американского туриста)

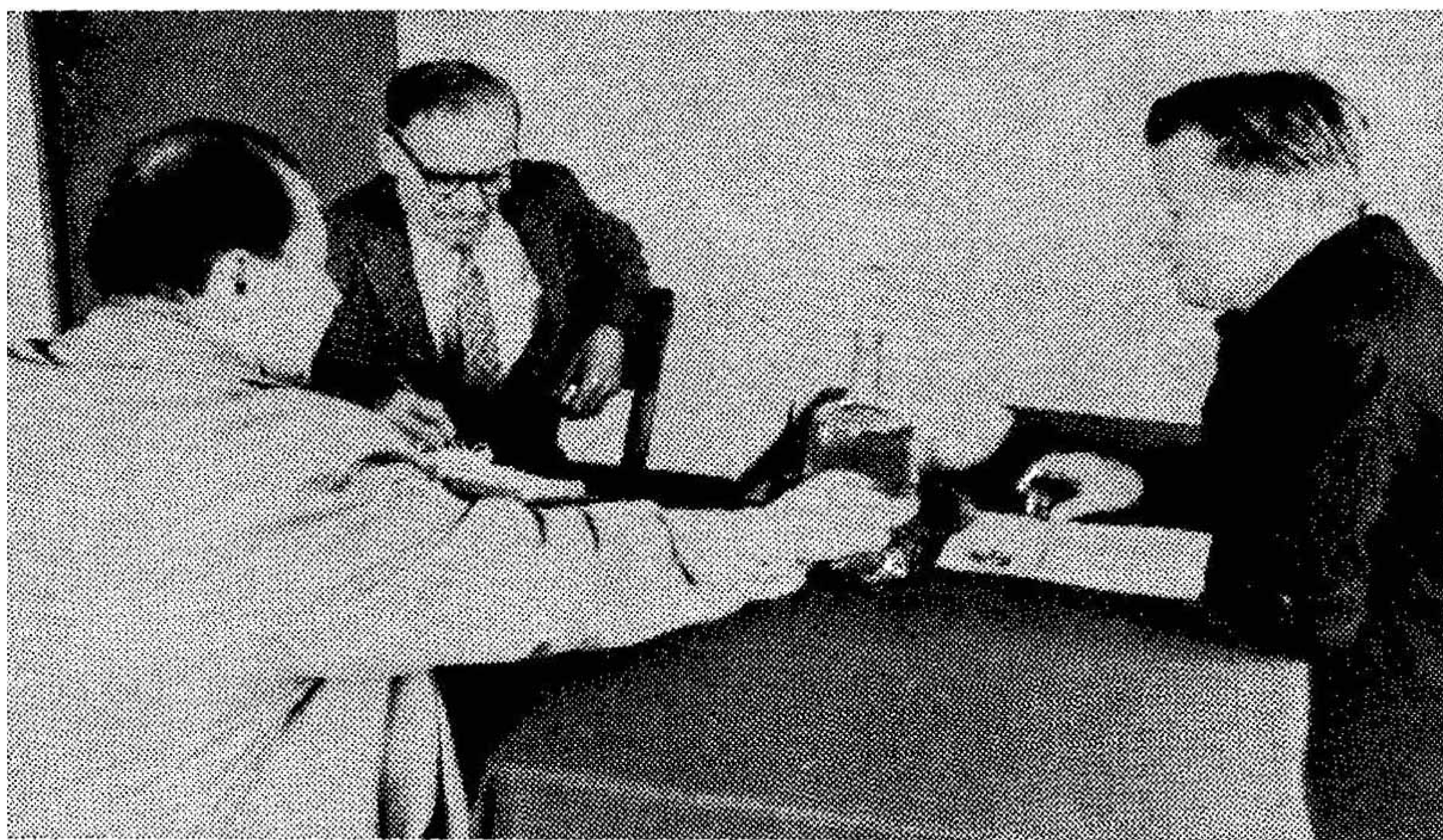
С 22 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

НЬЮ ИОРК 1967 ГОДА

1 асобнік
Надрукавана рэпрынтна калектывам
"Вольная Думка"
2016

Интервью дает председатель колхоза им. Дзержинского А. В. Гусаков.

Свой скромный труд я посвящаю дорогой матери, зверски убитой гитлеровцами в 1942 году.

1. „АЛЕКСАНДР ПУШКИН"

Так называется советский теплоход, курсирующий между Ленинградом и Монтреалом, Канада. Построили его в Восточной Германии и его плавание началось весной 1966 года. Шестиэтажной высоты, ширина — 24 метра, длина — 176 метров, водоизмещение — 19.860 тонн, скорость — 20 морских миль в час, на 700 пасажиров. Постоянных служащих — 360.

Расстояние от Монтреала до Ленинграда — 4.354 мили покрывается в 13 дней, в среднем 363 мили в сутки. По дороге и обратно заходит в порты Лондона, Дании и Гельсингфорса, высаживая пассажиров и принимая новых, на что теряется ровно 24 часа.

В этих портах туристы могут брать автобусы два часа для поездки в города и окрестности.

Из Монтреала по реке Св. Лаврентия требуются 28 часов для выхода теплохода в океан. Река — широкая, крутая, неглубокая, берега высокие, мало заселенные, покрытые редким лесом и местами густым кустарником.

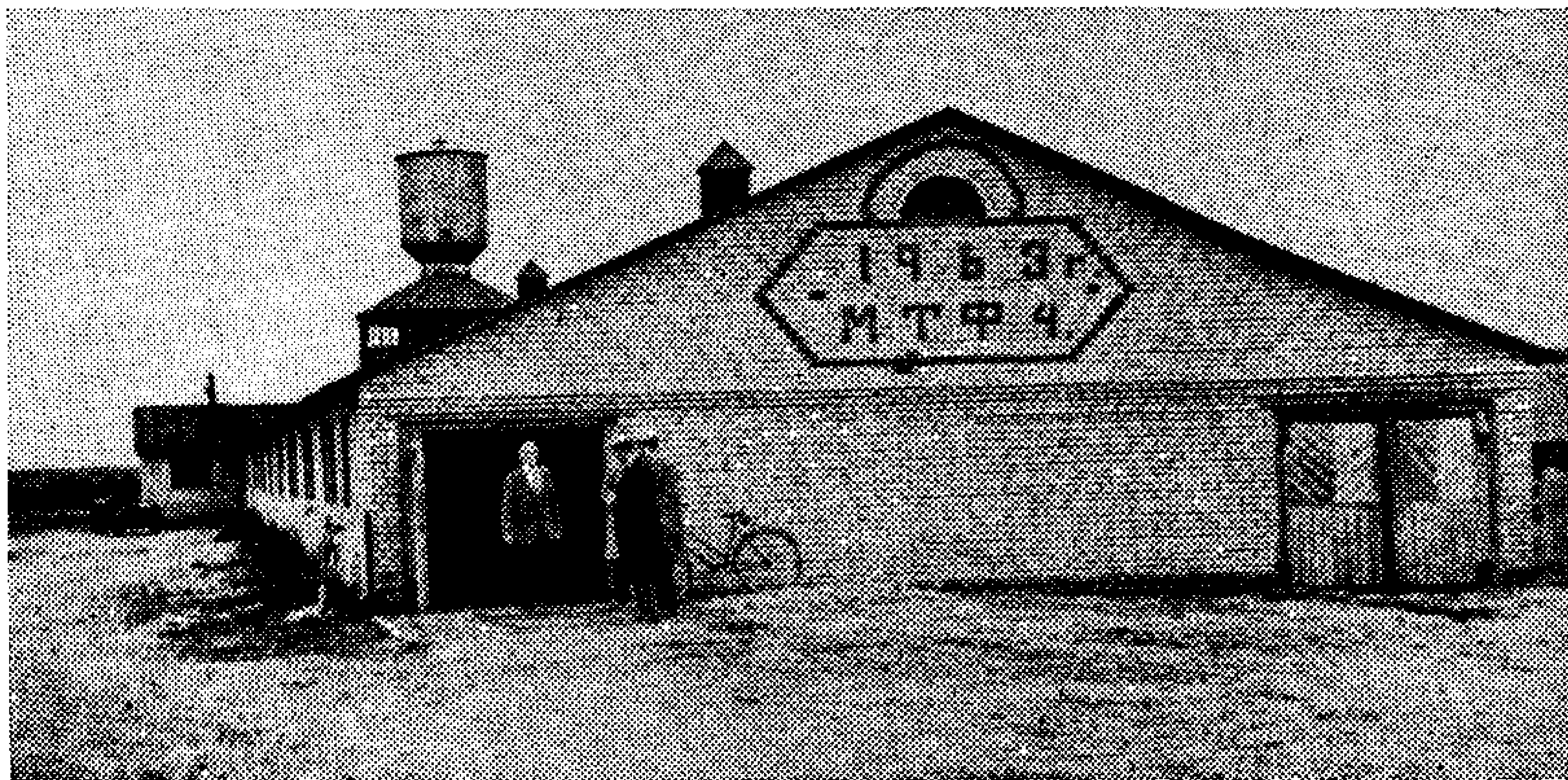
„Пушкин" имеет большой ресторан, обслуживающий пассажиров в две смены, большую танцевальную залу, ежедневно кино, пять периодически торгующих кабаков, три большие палубы, библиотеку, места для различных игр, басейн для детей и прочее. По сторонам много мест для прогулок. Раз в неделю устраиваются безвозмездные концерты, на второй день капитанский вечер-встреча с пассажирами, в последний день — проводы гостей начинающиеся угощением вином, водкой.

Кормят пассажиров в уютных ресторанах хорошо, блюда свежие, большие, даются и добавочные для гурманов, пища вкусная, разнообразная. Продажа сувениров, в кабаках — водки, американской и канадской виски на канадскую валюту. Только с приходом теплохода в Ленинград — продажа начинается на рубли.

Обращение служащего персонала с пассажирами хорошее, атмосфера чисто русская, гостеприимная. Каюты пассажиров небольшие, уютные, с телефонами.

Вояж на „А. Пушкине" в летние месяцы — июль, август и сентябрь — одно удовольствие: море спокойное, волны небольшие, пароход идет плавно. Но 13 суток на воде — немного монотонно, утомительно, особенно, если известно, что можно было бы совершить это путешествие в 8-9 дней без задержки.

Отплыл пароход из Монтреала утром 4 июля 1966 года, приплелся в Ленинград утром 17 июля. В таможне старательно роются в багаже, чего то ищут, всякие мелочи проверяют. Словом, — бдят...

Молочно-товарная ферма колхоза.

2. ТУРИЗМ В СОВЕТСКУЮ ДЕРЕВНЮ. — ВПЕЧАТЛЕНИЕ БРАТЧИКА О КАРПАТОРОССИИ. — НАКАЗАЛИ БРАТА ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ОТЗЫВЫ БРАТА-ТУРИСТА

Туризм в советскую деревню — сравнительно новое дело в политике советского правительства. До этого считалось безопасным, выгодным для казны, впускать иностранных туристов только в большие города, отстроенные, приведенны в приличный вид после гитлеровского разрушения, в сопровождении приставленных к ним гидов, чтоб иностранцы полюбовались только внешностью СССР, не отнимали разговорами драгоценного времени у советских граждан, занятых стройкой коммунизма.

Туристов изолирували от советского населения, чтоб они не проникли чего доброго, в глубины ленинизма, а советское население не пострадало от буржуазного поветрия. В этом, так сказать, вся суть московской туристической политики сосуществования с капиталистическими странами: долларами мы, мол, не брезгаем, валюта ваша нам даже очень пригодится, но посмотреть на нас, на наше социалистическое строительство, можно вам лишь издалека, не вдаваясь в излишние для вас подробности, разговоры.

Допуск туристов в советскую деревню (главным образом эмигрантов, имеющих там родню), протекает теперь не совсем гладко: едут туда не группами, а в одиночку, чтоб повидаться с родными и, может быть, в последний раз взглянуть на свое родное попелище. Приходится, разумеется, впускать чужинца в советский огород без гида, иначе было бы невыгодно для казны, зазорно для туриста, не нуждающегося в няньке в своей родной деревне.

Но тут искушенное в диамате туристическое начальство нашло выход из затрудненя не во вред государст-

венным интересам, хотя и не без ущерба для деревенских туристов. Еще до моего от'езда в советскую деревню летом 1966 года, из статьи Д. Сысака в филадельфийской карпаторусской газете „Правда", основанной Обществом Русских Братств в США 64 года назад, — мне стало известно о мытарствах туристов, очутившихся визави с деревенской властью, не особенно церемонящейся с людьми:

„Когда мы прибыли (Даниил Сысак с женой) к месту нашего посещения и пошли к начальству в милицию заявить о нашем приезде, то нам, после проверки наших паспортов и виз, заявили просто с моста: „вам вне села Белобожницы нельзя дальше ни шага". Сиди, значит, в одной деревне два месяца, а затем отправляйся во-свояси.

В советском посольстве в Вашингтоне, при заполнении анкеты, были указаны места предполагаемых посещений. Маршрут там утвердили. Это нисколько не смутило милицейских: „Да, мы видим, что амбасадор (сов. посол) знает свое дело, а мы тут имеем свои законы, так что вне Белобожницы нельзя дальше". Пришлось, разумеется, пойти на „блат", и супругам Сысакам удалось все-таки выйти из затруднений, побывать в соседних селах, хорошенько присмотреться к колхозному житью-бытью.

Прежде всего, как людям религиозным, им бросилось в глаза церковное запустение. Церкви повсюду „позапираны", превращены в музеи, а то и в комсомольские клубы, или складочные помещения.

Не вдаваясь в комментарии других подробностей в интересных статьях Д. Сысака, заключим наш экскурс в его туристические приключения замечанием, что оказанное ему гостеприимство не обошлось без неприятностей для его брата, смещенного с должности районного

инспектора училищ на учительскую службу и лишения места бывшего у него шофером родственника: „стукачи" всетаки проявили усердие, а милиция показала, что она еще умеет нагонять страх, раздражать неприятностями и своих людей и иностранных гостей.

Да в кои это веки и в каких это цивилизованных странах все еще наказывают брата в СССР за критические статьи другого брата в далекой Америке? Да вряд ли до подобной примитивной мести дошли дикари в африканских джунглях, а к ней не стыдятся прибегать в социалистической стране, протендующей на мировое господство.

3. ПОЧЕМУ НЕ ВСЕМ ДАЮТ ВИЗУ В ДЕРЕВНЮ?

Почему в деревню одним дают визу, другим отказывают? Как это делается? Многие, прожившие за границей десятки лет, хотели бы посетить свою родину, родных, оставшихся пока в живых, знакомых, друзей детства.

Московские заправилы требуют поручительства от сов. гражданина, выписывающего своего родственника к себе в гости. Письмо к родственнику с краткой его биографией жизни за границей посылается в советское консульство, там оно обсуждается, копия посылается в Москву, там проверяют, пишут свое заключение, отправляют в область, которая, проверив, направляет все бумаги в соответствующий район, последний посылает представителя КГБ к родственнику, по дороге он заходит к своим стукачам (сыщикам, поставленным районной властью), справляется о гражданине, выписывающем родственника из-за границы, идет в дом поручителя, осматривает чисто ли в нем, какое у него хозяйство.

Поручитель потом едет в район КГБ и там дает полную справку о своем крошечном хозяйстве и биографию

свою и своего родственника, желающего приехать к нему. В КГБ все бумаги просматриваются и отсылаются обратно в область, а оттуда в Москву, а из нее идет — инструкция в консульство.

Если хата старая, неопрятная, усадьба запущенная и выглядит бедно, — вам откажут в выписке родственника. Но не скажут, почему. Если же едет женщина из-за границы к родственнику, то хата должна быть новенькой, чистой, хозяйство в полном порядке. Тогда только можно расчитывать на получение визы в деревню.

Мне предстояло преодолеть еще большие затруднения: я был автором двух книг против Сталина и его жестокой системы ,угробившей миллионы невинных людей в СССР, хотя мумию Сталина давно выбросили из мавзолея, а его впервые Н. Хрущев разоблачил еще в 1954 году на партийном 20-м с'езде. И меня, как я узнал впоследствии, пустили навестить родных потому, что мои два брата погибли на войне с гитлеровцами. Но всю мою родословную описали, а меня особо взяли под надзор стукачей.

Есть ли основания для чрезмерных стеснений туристов? Какова их цель? Боятся шпионов? Шпионам, конечно, в деревне нечего делать. Шпионы узнают в городах, где расположены военные об'екты, заводы, работающие на оборону и прочее. В деревне ничего этого нет. Советская власть боится, что в деревне узнают от приехавшего всю правду о жизни в капиталистических странах, в которых, конечно, имеется много плохого, но немало и хорошего, годами созданного. Об этом туристы передают втихомолку родным. Во всеуслышание говорить об этом опасно. Большевики-сталинцы внушали себе, что их социалистическая жизнь-лучшая в мире, благодаря заботам славной партии Ленина (а прежде — партии Сталина).

А эта партия все кормит народ щедрыми обещаниями вот уже 50 лет. И в Москве думают, что народ так понимает или должен так, наконец, понять. Приезжий, зная очковтирательство правящей партии, очутясь среди своих сородичей, тоже говорит, что за границей плохо, в России лучше. Это при публике. Наедине не скрывают настоящую правду. А некоторые слушатели просто недоумевают и говорят: „у вас плохо, у нас лучше, так почему же ваши приезжают к нам в гости, а не наши к вам?! А когда им говорят в высоких заработках профсоюзных рабочих за границей и большой пенсии для стариков (больше, чем месячная плата в СССР), то получается гробовое молчание . . .

Наедине и в небольшой семье мне приходилось говорить правду в беседе с советской интеллигенцией. Когда я говорил, что я, профессиональный обойщик, зарабатывал больше ста долларов в неделю и теперь, будучи на пенсии, получаю 120 долл. в месяц, а рыночные цены на пищу, одежду и обувь (кроме высокой квартирной платы) ниже советских цен, то мои собеседники задумывались и долго не могли ставить мне другие вопросы, связанные с жизнью в капиталистических странах. И я, заканчивая разговоры о жизненных проблемах, ссылался на украинскую поговорку: „цэ дило треба разжувати".

4. НЕ ИСТРЕБИМЫЙ ГРАД ПЕТРА

В Ленинграде, по транзитной визе, я задержался только 40 часов — не нашлось места в переполненных туристами отелях. Город — герой в минувшей войне выдержал жестокую 900-дневную осаду гитлеровских полчищ, потеряв более 2½ миллиона одних умерших от голода. Разрушения были огромными, но за 20 лет град Петра, которого не могли испепелить крупповские пуш-

ки, самолетные бомбы, залечил свои раны, отстроился, индустрия ожила, население увеличилось. И стало тесно.

В юго-восточной окрестности Ленинграда вырос город с пятиэтажными домами, школами, театром, асфальтированными широкими улицами. Глубокое и красивейшее в мире метро достигает и этих заселенных окрестностей. Центр города — в бедном, полузапущенном состоянии. Витрины, окна, двери на всех улицах, бульварах непокрашены.

Тролейбусное и автобусное сообщение по утрам и вечером беспрерывное. На некоторых линиях один вагоновожатый на 2-3 вагона без кондукторов в порядке самообслуживания — четырехкопеечная монета опускается в ящик за проезд в каждом вагоне в один конец. „Зайцев" штрафуют в полтора рубля — их ста новится все меньше.

Отстроен и покрашен Эрмитаж — богатейший в мире музей изящных искусств. Вход — 30 коп., всегда толпа посетителей, 950 человек обслуживающего персонала.

Реставрирован Исаакиевский собор (теперь музей), внешнея покраска местами облупилась. Внутри — все выкрашено, позолочено в 1963 году. Посетителей туристов много. Одна иностранная туристка спросила гида: почему не служат службы? — Теперь — музей, а не церковь, был ответ.

Восстановили, украсили древесными насаждениями Петропавловскую крепость, монетный двор. Поблизости заканчивается постройкой Площадь Октября под парк. В городе много памятников — Марксу, Энгельсу и другим иностранцам, не принимавшим участия в русском революционном движении, им почему-то партийцы угодничают, Ленина больше всех завалили памятниками, почтили из наших Н. Чернышевского, и никого из других

старых революционеров, например, изнывавших в Петропавловке М. Бакунина, П. Кропоткина — видимо все ожидают очереди, благоволения высшего партийного руководства, более всего заботящегося о своих личных благах, отличиях, чем о дедушках и бабушках революции. В Ленинграде, как и в Москве, заметен большой процент измельчавшего народа, жертв гитлеровского нашествия.

5. МИНСК ПОСПЕШАЕТ ЗА МОСКВОЙ

В строительстве разрушенный Минск соревнуется с Москвой: за последние шесть лет его расширили, разукрасили, превратили действительно в столичный город Белоруссии, который, по своему благоустройству и красоте, может состязаться с лучшими американскими и европейскими городами.

И в самом центре, и в окрестностях Минска строятся дома, конторы, гостиницы, бульвары. Гостиница „Минск" обновлена, позади ее заканчивается новая, более роскошная, модернизированная. Большая площадь Ленина закончена, украшена дорожками и грядками цветов. Построена шестиэтажная гостиница „Беларусь", прилегающая к этой площади. Новый расширенный ж. д. вокзал, при нем роскошная автобусная станция, широкая площадь, по ее сторонам 5-7-этажные дома, асфальтированные улицы, бульвары, украшенные грядками живых цветов. Много жилых домов на окраине.

Отстроен на 90% разрушенный гитлеровцами Слуцк, Бобруйск, Барановичи, превращенные в большой индустриальный город. Не мог узнать Бреста, который посетил в 1934 и 1937 гг. Много новых домов, расширяются улицы, как в Америке, асфальтируются по сторонам деревья, как в Киеве и в городах центральной России.

В стороне от крепости большой двухэтажный музей. На месте разрушенной гитлеровцами центральной кре-

пости строится парк недалеко от реки Буг, границе между Польшей и СССР. Центральная крепость буквально разрушена. Узкие, но длинные, дугообразные двухэтажные укрепления вдоль реки не разрушены, но повреждены со стороны, обращенной к границе Польши. Они сохраняются и служат атракционом для туристов и горожан.

Музей посвящен исключительно геройской борьбе партизан с немцами в брестской крепости.

Побывал я в Солигорске — новый город комсомола, 35 тысяч душ, в 35 километрах от Слуцка, построенный за пять лет после открытия в 1959 году на пустыре огромных залежей соли — две шахты, которые работают в три смены и обслуживают солью Белорусь, Болгарию, Прикарпатья и другие места.

В Слуцке льняной завод работает в три смены, очищает 2½ тонны в смену, волокно идет на экспорт за границу, на свои ткацкие фабрики, не справляются с заготовками, намерены построить еще один такой же завод. Планируют, однако, не всегда удачно, наугад: в Слуцком районе, например, построили два сахарных завода, а сырья не хватает на один, и второй завод стоит уже два года без дела, а другой работает всего восемь месяцев в году.

В Слуцке имеется также большой консервный завод, макаронная фабрика и другие, обслуживающие несколько районов с их быстро растущим населением после войны.

Судя по румяным, полным лицам, в Белоруссии хватает жиров для питания, и в этом смысле разве только москвичи могут с ней состязаться по упитанности, хотя одежда и обувь у беларуса не такие уж фасонистые, как в столице, а в магазинах выбор мануфактуры не особенно велик.

Старый базар с южной стороны превращен в парк. В тени между деревьями скамейки, зигзагобразные дорожки, по сторонам травка-муравка. Западная часть застроена жилыми домами, лавками. Бывшее шоссе асфальтировано, по сторонам деревья. Название — Центральная улица.

Самая большая в городе церковь св. Николая, которая в 1934 году служила ссыпным пунктом колхозного зерна, доставляемого государству в виде налога, давно снесена. На ее месте роскошный мраморный Дом Культуры с залами для комсомольских митингов, физических игр и других развлечений молодежи.

Для проветривания летом двери Д. К. открыты. Я зашел в помещение для справки.

— Что вам нужно? — раздался голос средних лет женщины-сторожа, сидевшей на лавке при входе в залу.

Новый дом в провинциальном городе.

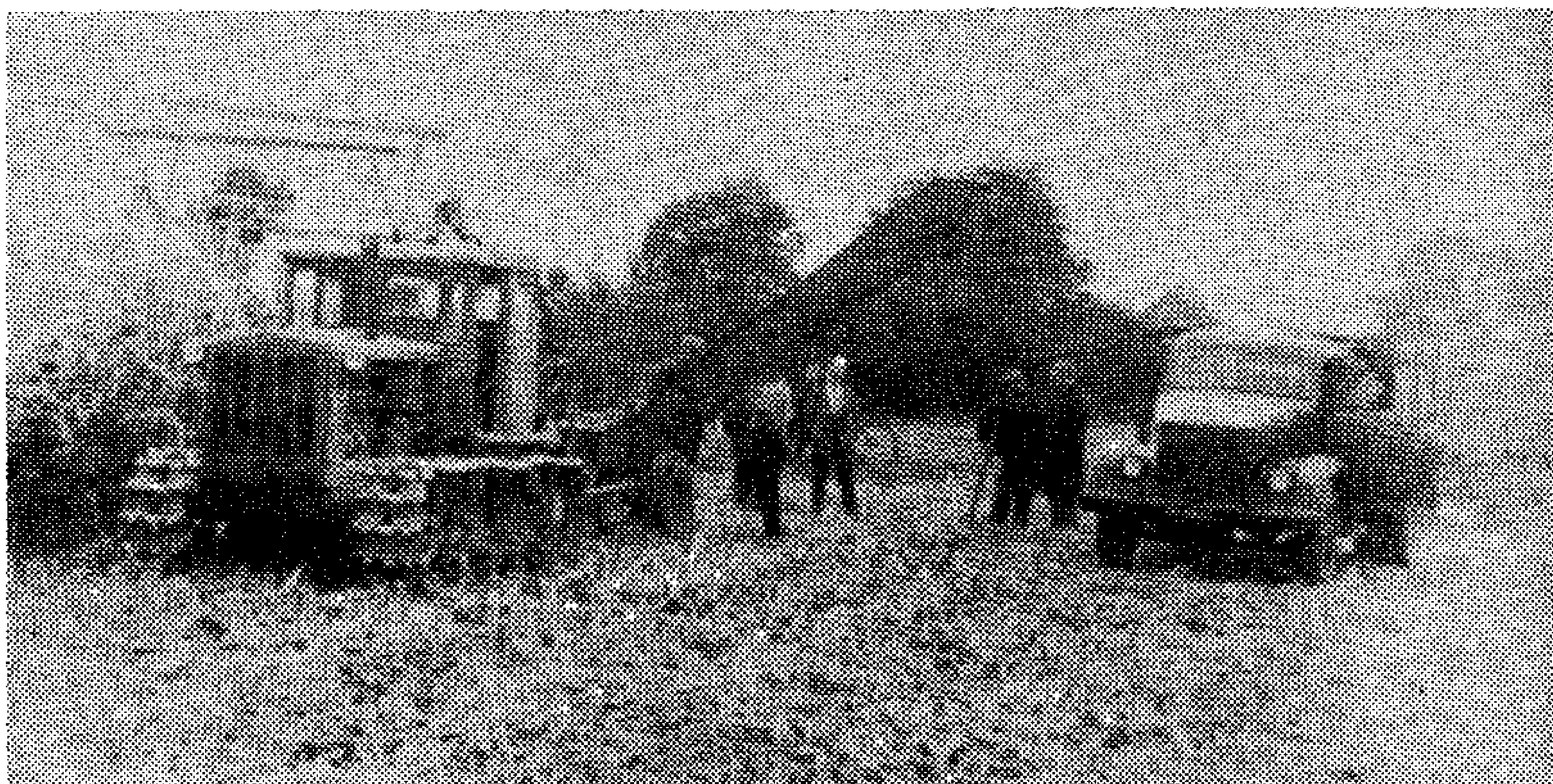
— Мне нужна уборная.

— Она не работает, идите вот туда, за сарай.

Между сараем и Домом Культуры в правой стороне — вывеска на почерневшем, без покраски, деревяного дома — особняка: „Библиотека имени Н. Крупской". Зашел и туда. Много книг на полках. Распределены по отделам. Я показал удостоверение от общественной русской библиотеки Фармы Рова о том, что я — библиотекарь и хочу познакомиться с постановкой библиотечного дела у советских людей.

Две библиотекарши хорошо приняли меня, познакомили со своей библиотечной системой. Как раз выдавались книги подросткам для чтения на дому и подготовки к поступлению в среднюю школу.

Посоветовавшись, предложили мне ознакомиться с новой библиотекой, расположенной на другой стороне Центральной улицы, в новом небольшом отеле. Там небольшие две комнаты заполнены книгами на русском и белорусском языках. Старые и новые классики. Центральное место занимает сочинение Ленина на белорусском языке.

Уборка кукурузы комбайном.

6. В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Ах, родина! Какой я стал...
Язык сограждан стал мне как чужой.
В своей стране я словно иностранец.

С. Есенин

Вот и моя родная деревня, где я родился, вырос, которую оставил восемнадцатилетним юношей, уехал за океан на заработки.

Встретила меня родная деревня холодно, без ласки, тепла. Повидимому она не ждала меня, не узнала, забыла. Как и я не узнал ее. Мы оказались чужими через 54 года.

По старому остались не замощенными улицы, пыльные, ямистые, ухабистые. По обеим сторонам вдоль длинной улицы одинаковые двухметровые, почерневшие без краски, заборы и ворота во дворы. Дворы широкие. По одной стороне стоят одиноко небольшия старые и изредка новые хаты с потемневшими стенами без покраски и такими же соломенными и из черепицы крышами. Покрашены плохой краской только окна.

Рядом с хатами, но не взади, как прежде, а на другой стороне, — небольшие сараи. В них по утрам мычат от скуки одинокие коровы, хрюкают свиньи, копошатся и кудахтают 10-15 кур в каждом дворе. Широкие полугектаровые усадьбы — сплошные огороды и сады с повисшими на подпорах до земли ветками обильных плодов, укрошающими летом убогую и безлюдную деревню.

Сады служат не только украшением, но, главным образом, подспорьем для колхозников. Это — единственное крошечное хозяйство колхозника, дающее большую помощь всем живым существам в одиноких хатах и в небольших сараях.

Дворы поредели. Из каждых трех хат оставлена одна. Остальные перенесены 40 лет назад на столыпинские хутора. Между дворами много простора, свободно гуляет ветер, солнце щедро освещает и согревает широкие дворы.

Вокруг деревни, как под зонтом, расположены на возвышенных бугорках небольшие хутора по 20 и больше дворов. Тридцатиметровые широкие, но такие же пыльные улицы, как в деревне. По сторонам такие же почерневшие заборы, но местами растут и украшают хутора 40-летние липы и вязы выше дымоходов в хатах.

Размещение построек на хуторах такое же, как и в деревнях. Размер усадьб тоже такой же, дома, хотя новой стройки и просторные, у многих лицевой стороной с окнами обращены к усадьбе, а стенами без окон — к улице. Да еще без покраски. Вид многих хуторов унылый, беднее, чем деревни. Среди таких дворов становится скучно, грустно, ощущается отсутствие культуры, планирования, системы.

Если с середины поля взглянуть на деревенский пейзаж, то вы увидите себя окруженным кольцом деревень и хуторов, соединенных проселючными дорогами. Вид всех — деревень и хуторов — летом зеленеющий от сплошных в каждом дворе плодовых деревьев и местами высоких лип, вязов и вербы, утопающих в зелени и служащих украшением колхозных и совхозных дворов.

Колхозное хозяйство

Укрупненные колхозы охватывают до четырех километров, считая пахатную землю, пастбище, лес и луга. Хозяйства разделены на две-три части. В центре — колхозные конторы, почта, мастерские, слабое прикрытие для сельско-хозяйственных машин. Большинство машин сто-

ят без прикрытия в колхозном дворе. Кое где начали строить кирпичные мастерские, клубы, лучшие хлевы для скота.

Пока хорошо оборудованы хлевы для молочных коров и свиней, выкармливаемых на мясо. Все это механизировано: машинами доят коров, заготовляют сечку с мукой на корм, свиньям построены роскошные места для отдыха, автоматические машины тянут из погреба картошку, моют, варят ее, мешают с мукой и при нажатии электрической кнопки корм идет по трубам прямо в кормушку, с обоих сторон которой располагаются свиньи, отделенные стойлами одна от другой. Корм дается в обрез, три раза в день.

После кормежки свиней загоняют в лежачие места, полы и желоба каждый раз моют резиновыми насосами. Молодняк и матки загоняют в просторные солнечные места, загороженные загородью по 30-40 в каждом. Летом молодняк гонят пастушки в поле, на пастбище.

Молочным буренушкам, телятам и поросятам даются все блага жизни — их хорошо кормят и регулярно поют, чтобы больше получить от коров молока, а от свиней мясо, нужного для обжорливых горожан.

Везде стометровые артезианские колодцы. Для коров порезанная кукуруза сложена в квадратные кучи при хлевах, часть сена тут же в стогах. Остальное сено и солома в стогах на покосе. Солома идет на постил коровам и на сечку, которую мешают с мукой и дают раз в день, чтобы больше получить молока. Мука в мешках в особых помещениях при коровниках.

Картошка для свиней с поля ссыпается по желобам в подвальные помещения, а оттуда насосами подается в большие котлы, где она проходит сначала мойку, затем варится, разбавляется с мукой и идет по трубам в желоба для свиней.

И мельницы и лесопилки расположены вблизи колхозных центров. Одно колхозное правление во главе с председателем для всего колхозного хозяйства. Агрономы и землемеры выполняют свою работу. Бригадиры на местах выполняют заданную им работу. Все посевы, сады и огороды подразделены тоже. Пасут коров вблизи коровников. Но учет на местах идет в общую контору. Таких непроизводителей-учетчиков в колхозе советские статистики насчитывают до 16%. Но их насчитывается не меньше 20%. На все уходит много бумаги, тратится много времени, а пользы от этого никакой.

7. СОПРОТИВЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМ В БЕЛОРУССИИ

Как известно, Белоруссия пережила страшное гитлеровское нашествие. В Слуцке немцы сосредоточили четыре дивизии для борьбы с партизанами, оперировавшими в лесных пущах, болотах. В семи верстах от Слуцка — большая деревня Прощицы. От нее проселочная дорога в деревни Гольчицы, Каличицы, Нива, а по сторонам поселки. В середине ее образовалась нентральная зона между партизанами и немцами. Два часовых на лошадях днем и ночью сторожили один — в деревне, другой в поле с биноклем.

Крестьяне в этих и других деревнях, прилегающих поближе к лесу и болотам, почти все партизанили, но временами спали дома, работали, пахали, сеяли. Когда же каратели выезжали из Слуцка, партизаны, по сигналу часового, уходили в лес. Замешкавшихся в деревне (преимущественно женщин) многих убивали в хатах. Так одновременно погибли моя младшая сестра, двое взрослых детей и мать.

Скот тоже угоняли в лес. Там же беременные женщины рождали детей под кустами. Для устращения ка-

ратели часто загоняли всех попавшихся людей в гумно, хлев и поджигали. Однажды, расказали мне, заперли в помещении 60 душ. Подняли ужасный вопль: „спасите"! К счастью, прибыл старший немецкий офицер, приказал выпустить. Молодых послали в Германию на работы, стариков освободили.

В этой партизанской зоне пространством в сотни квадратных верст погибло 37½ тисяч людей. Попытки гитлеровцев преследовать партизан в лесу обходилось слишком дорого: немцев расстреливали из-за толстых деревьев охотничьими ружьями. Пробовали прощупывать лес пулеметными очередями, — ничего не получилось. Устраивали по дорогам заставы — ночью их убивали по 20-40 человек. Они мстили колхозникам: жгли хаты, целые деревни. Так продолжалось 2½ года.

Партизаны кормились в соседних деревнях, их снабжали продовольствием, теплой одеждой зимой. По этой причине пострадал мой шурин, но спас от увода в Германию трех дочерей. Молодежь до 16-тилетнего возраста выловили, кроме партизанившей — более 3½ миллиона молодняка попали в Германию. Многие не вернулись.

8. КОЛХОЗНЫЙ БЫТ. — ДЕРЕВНЯ ЕЛЕКТРИФИЦИРОВАНА

Деревня не осталась неподвижной, прежней — ее тормошили, видоизменяли: в неповский период, например, из нее выкраивали хутора (Ильич Ленин все испытывал, не брезгал даже столыпинскими идеями), и потому деревню порядочно разгрузили — из каждых 3-4 хат на месте осталась одна, а остальные перенесены на ленинские хутора в десять дворов (теперь уже более двадцати) каждый с широкими улицами, большими приусадебными участками.

На улицах старых деревень образовались как бы большие дыры в посрамление старине, а хутора как бы симоволизировали счастливое будущее.

Впрочном, и это форма коллективизации не совсем устойчива, вечна: марксистское руководство не отказалось от замысла полной пролетаризации дервни, превращения колхозов в крупные фабрики со всеми вытекающими из этого последствиями. Но это — музыка еще отдаленного будущего, а пока коснемся нынешнего положения колхозников.

Большинство колхозников живет в двухкомнатных домах с верандой еще довоенной стройки, с прадедовскими широкими печами; строятся и новые дома, более удобные, светлые в 3-4 комнаты, с модернизованной печью меньшого, чем прежде, размера и продушинами в стенках для обогрева помещения зимой.

Обстановка в доме колхозника преимущественно фабричного производства: металлические кровати, матрацы, круглый стол, стулья, комоды, даже диваны в передней, горшки с прежними ухватами, узкие дорожки на покрашенном полу, конечно портреты знаменитостей (без икон), другие орнаменты, — словом, деревня прихорашивается, старается держать городской фасон. Кстати, надо отметить изчезновение из крестьянских хат древних постояльцев-тараканов, клопов, блох.

При доме у колхозника погреб для картошки, огурцов, капусты. На другой стороне (а не взади, как прежде) хлев-сарай для домашней животины. Неудобством можно считать отсутствие в домах умывальников, горячей и холодной воды — ни канализации, ни водопроводов, вода доставляется из колодцев (один на 4-5 дворов).

Нет больше соломенных крыш, дома (новейшие) покрыты черепицей, цементными дранками с водостоками. Белоруссия получает светильный газ с 1960 года из При-

карпатья (у нее есть и собственный газ), нефть, но эксплуатируется пока только нефть как более ходний товар.

Прикарпатский газ доставляется в деревни в большом количестве в баллонах, но им еще мало пользуются: установка газовой плиты обходится в 55 рублей, а баллон газа — 2 р. 50 коп., которого хватает на 5-6 месяцев, но белорусы не особенно падки на это новшество, не расстаются со своими удобными прадедовскими печами.

Надо заметить, что все деревни в Белоруссии давно электрифицированы, за освещения дома и сарая с колхозника взнимается каждые три месяца в среднем три рубля. Он также вносит казне 49 рублей налога в год за свою усадьбу, имущество. Пенсионер от налога освобождается, но платит четыре рубля страховки за имущество.

Приусадебные участки, постройки находятся в пожизненном владении колхозника, переходят к его наследникам, если они работают в колхозе, иначе постройки продаются, а казенная земля остается для других.

Огород для первых колхозников, вступивших в колхозы в первые годы организации колхозов, состоит из пятидесяти соток ($1/2$ гектара), а позже вступивших — 30-40 соток (меньше акра); в саду 10-20 плодовых деревьев, у немногих 10-15 ульев пчел, — таково богатство приусадебного участка.

Для коровы полагается сено, которое дается колхознику отавой (второй покос), выработавшему минимум трудодней за первое полугодие: меньше трудодней — меньше сена. В стороне еще дается колхознику полакра земли. Навозом от коровы удобряется огород для овощей, а часть его отводится под клевер, жито, овес — это корм для своей живности: коровы, 3-4 свиней, 12-15 кур, кота, собаки.

Колхозник любит хорошо поесть: на столе у него сало сырое, вареное, жареное, шкварки (излюбленное блюдо белоруса), яйца вареные и сырые (сырые пьет на закуску вместо чая, кофе), супы молочные, мясные, каша гречневая, просяная, кислое молоко, летом помидоры и огурцы в сметане, сыр, творог, компот, белый и черный хлеб. Иногда он балуется и мясными блюдами — курица, колбаса, домашняя ветчина. Он не богач, но и не морит свою душу.

Колхоз возглавляет председатель, назначает бригадиров, дает распоражения где, когда вспахать поле, что посеять. Посевные планы вырабатываются агрономами совместно с землемерами, одобряются правлением колхоза, избираемым на два года. Деревенское население распределено по бригадам. У бригадиров свои постоянные рабочие, а в случае срочной работы он набирает дополнительных рабочих по деревням за день раньше (косьба, сбор яблок, овощей и проч.). За неявку на работу и вовремя в первый раз делается выговор, во второй — штраф два трудодня, в третий — еще больше. Если по болезни не явился — давай справку от доктора.

У всех колхозников имеются коровы, в больших семьях две коровы. Сено выдается по числу выработанных в первом полугодий трудодней. У вдов, малосемейных — меньше сена. В больших семьях, работающих — в пять раз больше. Я косил, убирал сено, — калхозникам дали на это целую неделю. На уборку картошки полагается тоже неделя, только раньше колхозной.

Если колхознику понадобится с'ездить в город, бригадир дает свободного от работы коня с упряжкой, возом и кормом для него за плату в один рубль на весь день. В случае совершения преступления в деревне, звонят в город и через минут пятнадцать появляется на мотоциклетах милиция.

Продовольственные магазины вблизи каждой деревни обслуживают и прилегающие к деревне ленинские поселки в 20-25 дворов. Там все: хлеб, соль, консервы, рыба, ветчина, колбаса, яйца, водка, пиво, папиросы, табак, вино, мебель, велосипеды, мануфактура. Водка продается только на вынос.

Больше баптистов, чем коммунистов

Коммунистов в деревнях маловато, в партию принимают и малограмотных. Сперва проходят искус в комсомоле, а когда навострятся — зачисляют в партию. В одной большой деревне оказалось больше баптистов, чем коммунистов, — видимо молитвы более доходчивы, чем ленинизм. Но желающие получить высшее образование должны начинать с комсомола, иначе не примут в высшую школу, хотя и подбирают по отметкам. Обходят это затруднение поступлением на фабрики, заводы, откуда группами отправляют в университеты, институты для изучения нужных предприятию наук, профессии. Не обходится и без взяток заведующим — в стране социализма любят подмазку...

Культурно-просветительная работа в деревне в застое. Много школ, клубов, книг. Но летом некогда читать, все заняты работой. Воскресенье — выходной день колхозники отдыхают, собираются, беседуют за рюмкой самогона, а книги запыливаются на полках. Зимой больше свободного времени, но все та же бесплодная трата времени. (Летом даже не все читают газеты, а выписать каждый колхозник обязан „добровольно" одну-две).

Полевые рабочие болтаются без дела даже поздней осенью или ранней весной. Но из-за отсутствия средств, техники ничего не предпринимается для очистки полей, лугов от зарослей, кустарников, ненужного мелкого ле-

са. Даром никто не хочет работать, а государственные средства тратятся со всем не на цели культивирования запущенной колхозной земли . . .

Закусочные

На всех больших автобусных станциях, на короткое растояние или дальнее, происходят десятиминутные остановки. Везде имеются большие стоянки для автобусов, небольшие закусочные, уборные под крышей со стенкой от станции. Вырыты ямы, над ними, стоя, пассажиры отправляют свою нужду. Мокро, вонь, гадко . . .

В закусочных можно получить несколько кусочков селедки, колбасы, жареной печенки, рыбы. И рыба и печенка хорошо приготовлены, приятный запах. На десерт стакан молока кислого, сладкого, яблочный компот, кофе. И кусок хлеба ржаного или ситного. Салата нигде нет: есть картошка, горошек, и только в больших закусочных — помидоры, огурцы.

Свои советские привыкли к такой пищи. Для заокеанских гостей — застой в желудке. Приходится без зелени и даже иногда картошки есть хорошую свежую рыбу, телячью печенку с хлебом, запивая мутной водицей, называемой кофе. Но дешево: мясная или рыбная порция, хлеб, стакан компота и кофе — 37 копеек.

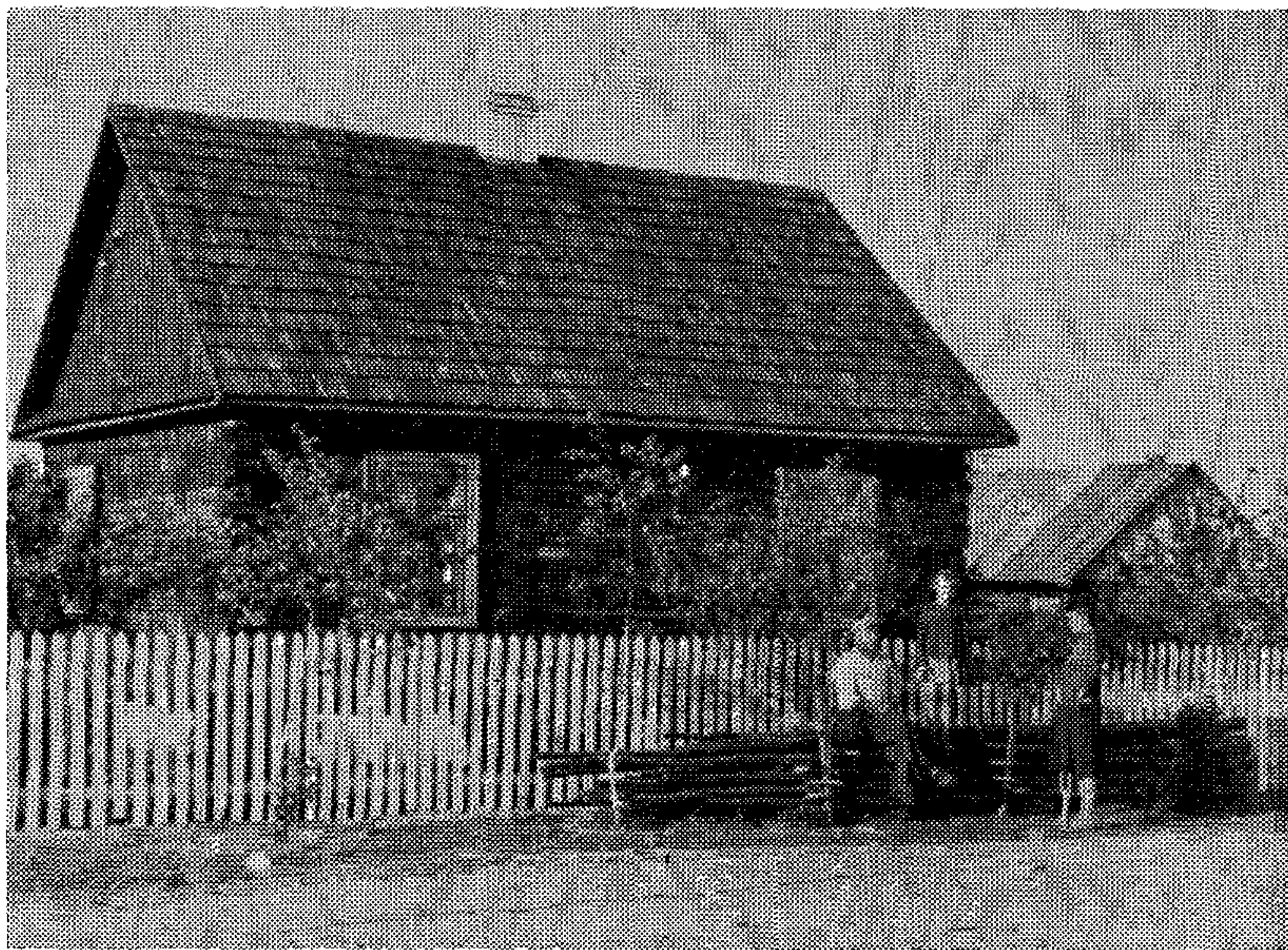
Сидеть долго в закусочных не полагается, хотя есть место и вы ожидаете автобуса. Особенно тогда, когда тихо и спокойно разговариваете с соседом. К вам приходит из кухни в белом фартуке судомойка, молодая комсомолка, наблюдавшая вас в окошечко и говорит, что вы долго беседуете, освободите место для других, хотя вокруг много свободных мест или, если совсем мало клиентов, она просит оставить помещение — идет уборка. Она собирает со столиков посуду, крошки, вытирает пол вокруг столиков.

— Почему так делают? — спрашивал я себе не раз.

— Приказ свыше: в закусочных не позволяется вести беседу даже шопотом: власти думают, что сговариваются против правительства. С раздражением приходится виполнять негласные законы советских самодуров.

Выдача в этих закусочных по-советски: вы должны узнать, что имеется в меню, уплатить кассирше по билетику, получить все, за что уплачено. Если вы ошиблись, и чего либо не хватает, возвращаетесь к коссирше, а там уже очередь. Снова стойка, расчитываетесь с ней, направляегесь к кухне, где тоже очередь, опять ожидаете, наконец, получаеге заказанное, аппетит несколько укрощается, ногам немного прибавляется работы.

На станциях дальнего передвижения в закусочных имеются полные, горячие блюда в 40-50 копеек.

Дом колхозника в деревне.

9. ЗАРАБОТКИ КОЛХОЗНИКОВ И СОВХОЗНИКОВ. — ПЕНСИИ

Заработки в колхозах разные — не везде одинаковая земля, в некоторых чернозем (например в колхозе „Дзержинский", Слуцкого района, 600-800 рублей десятина до революции), и прибыльных предприятиях оплата трудодня выше, чем в отстающих, откуда колхозники стараются уйти в более богатые колхозы или в города. Цены на продукты в магазинах, разумеется, одинаковы для всех, а как только дело доходит до вознаграждения за одинаковый труд, то тут уж и не заикайся о равенстве, „уравниловка" у партийцев бранное слово.

На свою судьбу не могут пожаловаться разве пастухи (два на 150 коров) круглогодовая занятость: за 365 дней выгоняют 700-800 трудодней, примерно — 50-60 трудодней в месяц. Летом заняты с 6 ч. утра до 9 ч. вечера. Зимой кормят скот. За хороший выпас (больше молока) — добавочные трудодни, за плохой — снимают несколько трудодней в месяц.

Личный скот (бурые и рыжие голландки) пасутся по очереди двумя колхозниками на тех же пастбищах, что и колхозное стадо, одновременно, но отдельно от него.

В деревне избавились от помещиков, кулаков, но вместо них появилась новая советская буржуазия, бюрократы, всевозможные опекуны, надзиратели. Вся эта знать живет припеваючи, в лучших домах, с большими заработками, жалованьем, а трудящимся (полевым рабочим) перепадают крохи: месячная, напр., пенсия старику 10-12 р. Матерям-вдовам добавочно 13 р. за погибшего на войне сына. Дешево ценится жизнь советского человека.

Пенсионер, если он здоров, может заняться, например, плотничеством, и тогда сможет зарабатывать на

частной работе 7 р. за девять часов с одним обедом и 5-6 р. — с двумя.

Месячный заработок совхозника — 40-70 р. и 20-30 соток приусадебной земли, 8-часовый рабочий день, шестидневная неделя. Летний день колхозника полутора — два трудодня — взависимости от работы. Совхозники, как и колхозники, живут в деревне, некоторые были лишены приусадебных участков Хрущевым, протестовали, получили обратно отобранное.

В личном пользовании колхозников и совхозников — 1,4% земли. Хаты у некоторых совхозников отобрали, в стороне от них построили хлевы, а подальше — новые дома со всеми удобствами (на 1-2 семьи), сдают их в наем совхозникам за небольшую плату. Это в образцовых совхозах, их еще мало. Пока совхозники еще не вполне пролетаризированы, но в случае перехода на полную зарплату, потеряют свое личное хозяйство. Но уже немногим дали пенсию городских рабочих — 35-45 рублей в месяц.

В 1956 году был издан специальный закон о государственных пенсиях для рабочих и служащих СССР. Для крестьян — только в конце 1964 года. И пенсии колхозникам введены с 1 января 1965 года — на семь лет позже, чем в городах. Право на пенсию пользуются рабочие и служащие — 60-летние мужчины и 55 летние женщины, проработавшие 25 лет. Колхозник получает пенсию в 65 лет мужчина и 60 лет женщина.

Пенсия рабочих и служащих определяется пропорционально заработку: зарабатывающем 35 рублей в месяц (и таких много в СССР) получают все сто процентов, зарабатывающим 50 р. в месяц — 85%, 60 рублей — 75%, 100 рублей — 55% и свыше ста — 50%.

Пенсия стариков колхозников — мужчин и женщин — 12 рублей в месяц. Здесь принимается в расчет доход-

ность приусадебных участков. Небольшие приусадебные участки горожан со старыми домами не принимаются в расчет.

По законам минимальный размер пенсии рабочих и служащих — 30 рублей в месяц, колхозников — 12 рублей. Это в теории. В жизни колхозники получают не больше 12 р. в месяц. Закон — такое дышло, куда повернул — туда и вышло. А советчики научились поворачивать.

Даже нищенской пенсии колхозникам не выплачивает государство, хотя его продукты труда (хлеб, мясо, овощи забирает, плотя минимум за все), а приказано колхозам выплачивать из скудного колхозного фонда, в котором нет даже необходимых средств на очистку земли, постройки для прикрытия дорогих с. х. машин — тракторов, комбаин, сеялок и прочее.

Колхозникам просто внушили, что они выходят на пролетарскую дорогу.

Рабочие и служащие в совхозах приуравнены к рабочим и служащим в городах в отношении пенсионного вознаграждения.

10. КОЛХОЗНЫЕ КЛУБЫ И КИНО

В каждой большой деревне имеются клубы: портреты вождей на стенах, по сторонам на полках много книг, впереди — небольшая сцена для спектаклей и кинокартин.

Летом мало читают из-за полевых рабт. К тому же уборка с полей, огородов, садов требует длинного дня. Работа производится шесть дней в неделю. Седьмой — свободный. Летом книги на полках запылены — не до чтения.

Прежде строили деревянные клубы. Теперь строят кирпичные, просторные, с большой сценой, используя

светлый и красный кирпич. Они безопасны в пожарном отношении. Из такого кирпича строят и дома в деревне. Но их пока немного: пять-шесть на всю деревню. Как и продовольственные магазины, клубы находятся близ хуторов и деревни. Новые школы и бани тоже.

В клубах устраиваются свадебные приемы, танцы. Летом танцуют на дворе клуба, полив песок водой. В это же самое время демонстрируются кинокартины в клубе. Но картины старые военного и довоенного бремени. И публика не интересуется этим старьем. А за вход взимают 20 копеек. Посетителей — 12-17, а на дворе в это время, на танцульках — до 150 душ.

Больше всего читают старых классиков и некоторых из новых советских. Последние обычно пишут по заданию партии: идеялизируют своих героев, восхваляют приспешников большевизма, будущие блага коммунизма. В жизни же, в деревне, ничего подобного нет и навряд ли будет. Такая литература не привлекает читателя, а отталкивает. Особенно молодежь, жаждущую больше знать . . .

То же получается и с сов. газетами: еще кое-как читатель в деревне мирится с „Сельской газетой”. Другое дело чисто партийная газета большевиков. Последние идут на застилку столов и для уборных. Лишь немногие читают партийные органы, хотя и обязаны выписывать одну или две газеты.

Почему мало читают их? Да потому, что жизнь противоречит их писаниям. В жизни — шаг вперед, два — назад. За 50 лет — ни социализма (равенства оплаты за труд) и ни коммунизма — общей коммунальной жизни — с трудом по мере сил и способностей и вознаграждение по потребностям. Пока практикуется чисто капиталистическая плата по труду. Разница: при капитализме — в Западной Европе и в США — много капиталистов.

В Советском же Союзе — один капиталист — государство.

В деревенских клубах бывает и так, как пишет „Сельская газета":

„В нашей деревне Кленовица вечером некуда пойти". „Как это некуда? — спросите вы. — А клуб?"

„Клуб — то есть да вот беда: он как правило, встречает своих посетителей огромным замком. Посмотрит человек на этот замок, и ему становится еще более грустно. Грустно от того, что заведует у нас культурой человек, которого люди зовут не заведующим клубом, а просто ключником — злым разлучником. Разлучает он нас и с книгой, и с кино и другими культурными „ценностями" (Группа колхозников Буда — Кошелевский район. „С. Г." 3 сент. 1966).

Вобщем же, в СССР всегда виноват „стрелочник", а не безрасудная система, лишившая население иниціятивы...

11. ДУТЫЕ НАЦРЕСПУБЛИКИ. — БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК. — ШКОЛЫ

В СССР имеется несколько республик — Великорусская, Украинская, Белорусская, Грузинская, Латвийская, Монгольская и другие. Все они занимают определенную часть территории, но подчинены Москве, управляются ею. Москва — полный хозяин их. Она их организовала, она ими правит, она может упразднить, убить их. Как гоголевский Тарас Бульба поступил со своим сыном: „я тебя, сыне, породив, я тебя и убью".

Отличаются эти ленинские создания одно от другого тем, что им дарованы национальные языки. Язык и культура, например, украинского народа существовали давно. Они имеют историю, литературу. Белорусского же

языка никогда не было, народ не знал его, национальной литературы и истории не имеет. Он взят из музеев, на языке этом, вернее чем-то подобно ему, в провинции, далеко от центра Москвы, балакает деревенский народ.

Ленин „даровал" народу этот музейный язык, чтобы показать, что он является преданным другом всем народностям, населяющим Россию.

В Белоруссии, как и в других советских республиках, имеются местные языки, на них обучают детей в школах, на эти наречия переведены все сочинения Ленина, Сталина и Хрущева, стоявших во главе всех этих, ими созданных республик.

Кем же они управляются? И как? И какие права они имеют?

В 1960 году я посетил города четырех советских республик. Даже заглянул в далекую от центра Москвы — Грузинскую республику. А в Белорусской республике побывал в 11 больших и малых городах, в том числе столичном Минске. Посетил много библиотек, и везде видел многотомные сочинения и Ленина и Сталина. Памятники же Сталина Хрущев все в СССР уничтожил, его мумию выбросил из мавзолея, но книг из библиотек не успел выбросить: его втихомолку свергли свои партийные лидеры.

Колхозное население пользуется бесплатным образованием (вплоть до высшего), больничным лечением, а лекарства в аптеках по рецептам отпускаются за гроши. Получившие образование дети колхозников устраиваются в городах, а многие остаются на службе в колхозах и совхозах агрономами, землемерами, председателями, бухгалтерами, ревизорами, заведующими колхозными конторами, сельсоветами и т. д.

В Белоруссии, конечно, не все дети школьного возраста охвачены всеобщим обучением: в 1962 году, напри-

мер, 12 тысяч детей оставались вне школ, а свыше 20% детей, поступивших в первые классы семь лет назад, покинули школу, не получив семилетнего образования (передовая „Правды”, 15 августа, 1963 года „Школам всенародное внимание”).

В начальных школах в Белоруссии преподается белорусский язык — вплоть до 8-10 классов средней школы, как в США „гай скул”. И как в США, ее обязаны окончить все дети. А потом могут поступать в высшие школы, ремесленные, или оставит учение и работать.

В высших школах преподавание ведется отдельно: по-белорусски и по-русски. По желанию учащихся. Огромное большинство их поступает на русские факультеты. И более 90% школьной молодежи учится и говорит по-русски.

Старшее поколение и окончившая школы молодежь тоже говорит по-русски. Только дети начальных школ употребляют некоторые, подхваченные в школе белорусские слова. В общем, их речь — смесь русских и народных слов, употребляемых в провинции давно.

Бльшие районные и колхозные библиотеки заполнены книгами на русском языке, и имеются только небольшие отделы книг на беларусском языке. Школьные отделы тоже. В них имеются все учебники и специальные пособия, которые школьники берут на дом для чтения, и на белорусском языке.

Колхозники и рабочие совхозов на дом выписывают на русском языке „Сельскую газету” и на белорусском из Минска — партийную газету. Каждый колхозник обязан быть подписчиком этих двух газет. Раз в день почтальоны из сельсовета привозят на велисопедах и газеты и письма. Они же берут полписку.

Все — и старшие и младшие — читают газеты на русском языке. Белорусского языка не любят: все пред-

почитают более культурный и литературный русский язык. Только некоторые дети читают газеты на белорусском языке.

Что касается прав на местах, организаций, собраний, издания органов печати, то их нет ни у кого: партия большевиков владает всем и все должны слепо подчиняться ей, принимать ее постановления, директивы, исходящие из своего центра Минска. Минск же руководствуется директивами Москвы.

Москва всеми республиками распоряжается, все они подчинены ей. Национальные выборы по всему СССР происходят в один день. Кандидатов назначает партия в каждой республике. Оппозиции никакой не допускается. Существует одна партия — партия Ленина (прежде Сталина) для всех. Все обязаны голосовать, и подать за выставленных партией кандидатов. А потому и получается на выборах „99% голосовали за большевиков".

Н. Хрущев даже в бытность свою в США на телевизии говорил, что его однопартийная система лучше американской двухпартийной. А 1 мая 1967 года лондонский корреспондент передал сообщение „Известий", центрального органа правительства в Москве, о статье идеолога большевиков П. Н. Федосева, касающейся многопартийной системы, которая будет разрешена Москвой в будущем, но только не для республик СССР, а для Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и других. У нас, мол, нет надобности в многопартийности, народы все верят нам, лояльны партии большевиков.

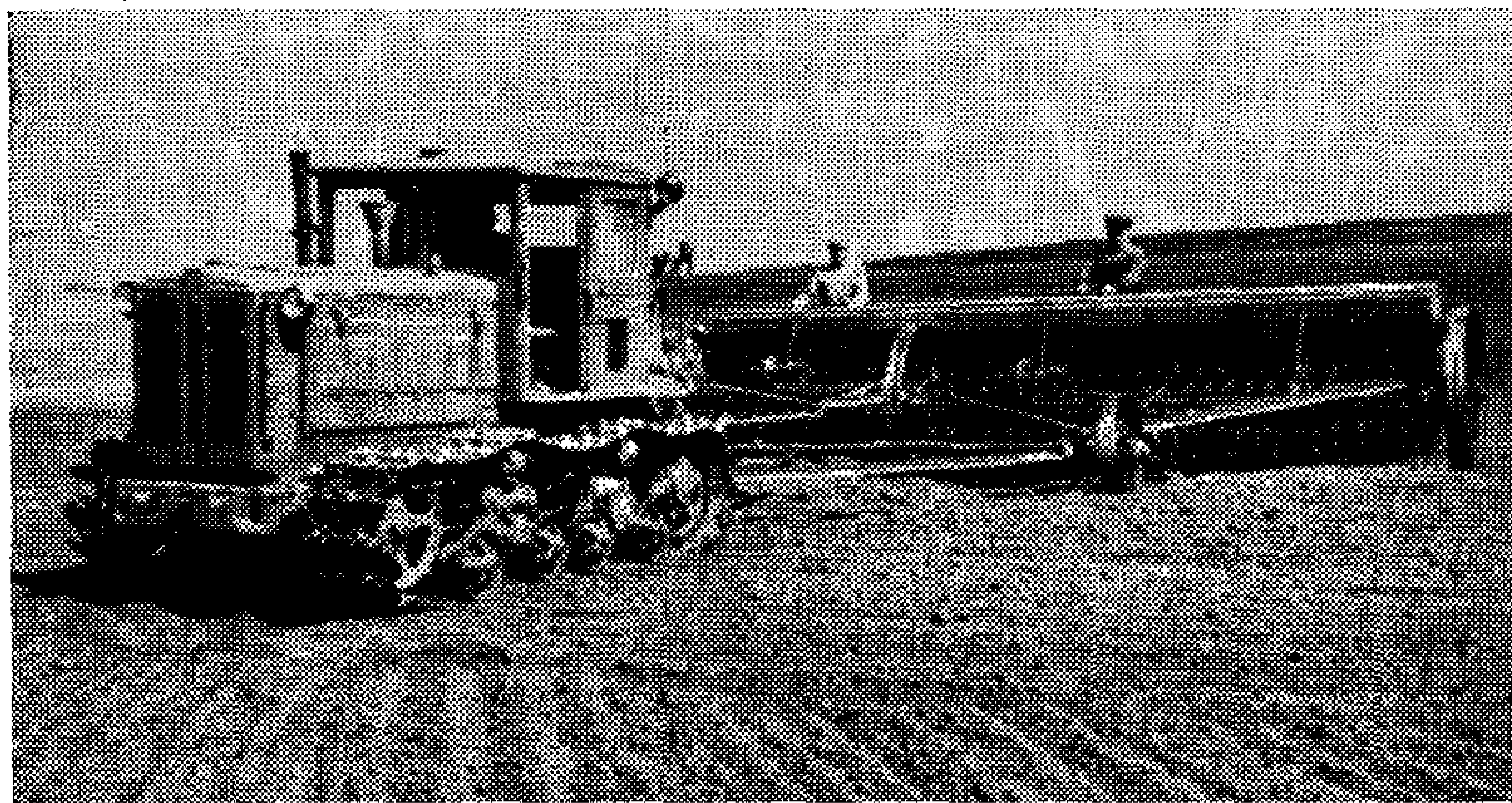
Вот почему утверждают ложно и нахально большевики, что все народы СССР лояльны партии „великого октября, партии Ленина".

Кроме того, партийных кадидатов во время выборов присылают из других районов, областей — местным не доверяют. Конечно, посылают с мест таких кандидатов,

как доярок, надоивших много молока, свинарок, вырастивших много поросят, и прочих „знатных людей" для пускания пыли в глаза тем, которые давно знают все эти замаскированные трюки правящей 50-ый год партии большевиков.

Все они едут в Москву на всесоюзный с'езд, выслушают там доклады Президиума, единогласно примут их, раз'едутся по местам. И до очередных выборов избиратели их больше никого не увидят, не спросят их, не подадут им своих жалоб, если нужно, как это делается в Европе, Америке и даже в некоторых странах Азии. А доярки и свинарки ничего не могут сказать: они ничего в политике не понимают. В Европе с жалобами своих избирателей центр считается, рассматривает их, перерешает иногда, принятые решения.

Ничего подобного нет в СССР и в Белоруссии то же. В Москве обращается внимание только на жалобы о злоупотреблениях с казенным имуществом. Республики на местах беспомощны в борьбе с лихоимством. Они бес-

Осенний сев.

прекословно обязаны выполнять все задания, директивы центра-Москвы.

В Белоруссии даже лояльные писатели не имеют права до сих пор избрать свой президиум с'езда, как об этом говорил в докладе на шестом с'езде беларусских писателей бывший активный партизан, молодой и талантливый писатель Н. Быков.

Коммунисты в других странах, где имеются политические свободы и выборы, указывают на насилия и злоупотребления капиталистов, а в своей стране даже не дают права гражданам на местах выставить своих кандидатов на национальных выборах. Ставят партийцев, привезенных из других районов, и никто не имеет права не подать голос за них и критиковать. Голосующие даже не видят и не знают их, не увидят после этих замаскированных фальшивых выборов.

Пришельцы во главе районных городов

Во всех районных городах во главе пришельцы. Они не знают народа на местах, его жизни. Но они знают одно: выполнять строго задания центра своей республики. А центры этих республик действуют по инструкциям из Москвы.

И народы каждой республики, как древние рабы, беспрекословно обязаны подчиняться своим руководителям, поставленным центром. Свой хлеб колхозы и совхозы, как и мясо, овощи и фрукты обязаны продавать государству за гроши, а государство загребает все барыши.

А полевому рабочему, занятому только летом, колхозы платят от одного до двух рублей за восьмичасовый рабочий день. Более устроенные и с лучшей землей получают еще и натурой — два кило ржи и три кило картошки. И средний заработок полевого колхозника в последние годы не больше одного рубля 25 копеек в день.

Мол, ковыряйся на своей приусадьбе и живи, как хочешь без всякого промысла...

На зарплату можно купить: одну дюжину свежих яиц, семь кило (20 фунтов) хлеба, а на покупку кило сливочного масла приходится работать почти три дня, на покупку кило куриного или говяжего мяса ($2\frac{1}{2}$ фунта) — два дня, сапог — 20 дней, дешевой фабричной материи для рубашки — пять дней, молодой коровы — круглый год.

И без приусадибных участков полевой колхозник и рабочий в совхозе не могли бы даже бедно прожить со своими семьями. Они и так влачат жалкое существование. От безделья и беспросветной жизни на досуге много пьют, а иные занимаются кражей, развратом.

Вот почему и сплошное недовольство в крестьянстве, ропот на свою судьбу, на своих правителей, которые обещают сытую и счастливую жизнь в далеком будущем. Жизнь же человека короткая, все хотят лучше питаться, одеваться, получать больше всего, что им нужно.

А без свободы и элементарных прав ничего нельзя сделать. В Западной Европе и Америке трудящиеся давно добились политических прав, свободы собраний, организации, печати. Ничего подобного нет в СССР. И борьба там идет подпольно за право, волю, свободу. И рано или поздно путем нелегкой борьбы добьются того, что получили трудящиеся в Западной Европе и Америке.

12. НОВИЗНА СОВЕТСКАЯ БОРЕТСЯ СО СТАРИНОЙ

Конечно, СССР — страна контрастов, смешение хорошего с худым, великого с низменным. Революция, две войны потрясли ее до корней, вызвали сдвиги, которые оцениваются по разному.

До революции, например, деревня находилась в состоянии одичания, влачила нищенское существование

без надежд на лучшее будущее. Крестьянина просто держали в темноте, в черном теле. Только в 1905 году отменили телесное наказание, все крестьянские недуги лечили березовой кашей. Крестьяне нужны были только в качестве дешевой рабочей силы для помещика, фабриканта и пушечного мяса для царя.

Если в Центральной России и были кое-какие попытки в смысле просвещения деревни (больше начальных и даже средних школ для деревенского населения), то в Белорусии ограничивались одной начальной школой на целую волость (десяток деревень), низшие 4-класные училища существовали лишь в уездных городах, гимназии — в Минске, иногда в виде исключения и в уездном захолустье. И ни одного высшего учебного заведения на весь, так называемый, Северо-Западный край.

Конечно, с этой политикой темноты теперь покончено: чего-чего, а школ в нынешней Белоруссии изобилие: в Минске — Академия наук, университет, десятки высших технических и профессиональных школ. В каждой деревне начальная школа, баня.

Средняя школа в дер. Козловичи (колхоз „Кирова", Слуцкий район), такая же школа в деревне Прощицы (колхоз „Дзержинского"), в деревне Каличицы (колхоз „Россия") в окрестностях Слуцка с ремесленными мастерскими, станками, залами для игр, гимнастики и проч.

Имеются средние школы во многих других крупных колхозах. Занятия — 6 ч. в день. В некоторых обед из трех блюд — 9-16 коп., оплачиваемый отчасти казной и доходами со школьного приусадебного участка, обрабатываемого учителями и школьниками. Для преуспевающих в науках учеников открывается возможность поступления в высшие школы, и эти деревенские дети уже не прежние беспомощные пастухи, батраки, а культур-

ное молодое поколение, предназначенное для руководства судьбами страны.

В этом смысле Советский Союз и Белоруссия в частности — встали в уровень (если еще и не обогнали) с США и всем культурным миром. Это, конечно, большое достижение, важнее, пожалуй, успехов в запуске спутников и других материальных состязаний, ибо „не единым хлебом будет жив человек".

Меня, бывшего деревенского пастуха с 9-ти до 16-ти лет, лишенного школьного образования, всю жизнь занимающегося самообразованием, один вид здания средней школы в деревне приводил в восхищение, а ко всякому встречному на улице гимназистику я готов был бросаться на шею с поцелуями, а мои сверстники-старички (тяжелая жизнь ускорила их старость) неодобрительно покачивали головой — чего этот „добродзей" связывается с „абармотами", стилягами, развлекающимися на школьных танцульках со своими кралями.

Еще более у них неприязнь к сидящим в колхозных правлениях дамам за пишущими машинками или щелкающими на счетах — „завели эти школы и этих дармоедов на нашу голову"...

Правда, от всей конторской суеты, суматохи, возни, переливания с пустого в порожнее, хлеба у колхозников не прибавится, а на трудодень, гляди, получится много меньше, и хозяйственный мужичок никак не может примирится с новой ситуацией — бюрократическим способом выращивания хлеба по щедринской формуле „комиссия наблюдения за комиссией построения", а тем более оправдать историю о „мужичке, который шесть генералов прокормил", хотя он похвально отзывается о своем родном маршале Соколовском (из Бреста), маршале Жукове и других советских генералах (из мужичков), погнавших в шею гитлеровцев.

Заслуживает одобрения бесплатное медицинское обслуживание всего советского населения, которое пока не по карману даже богатейшим в мире США, ограничившимся „медикером”, — полупомощью только старикам 65-летного возраста со всевозможным крючкотворством. В СССР — 555 тысяч врачей, более 1,600 тысяч низшего медицинского персонала.

В колхозах — больницы, серьезных больных отправляют в городские районные больницы, а то и в областные в исключительных случаях. Выздоравливающие подлечиваются дома навещающими врачами, — у колхозника нет боязни остаться без операции из-за неимения средств, к его услугам и врачи и больницы, а лекарства в аптеке стоят гроши.

13. СОВЕТСКИЕ НРАВЫ

Накануне моего от’езда в СССР мой старый приятель, работающий в большом отеле в Нью Иорке, нашел выброшенный новый портфель с дырой внизу. „Вы — обойщик, заплатайте ее и вам пригодится в дороге этот утиль”, — посоветовал он мне. Я последовал его совету. Дыра оказалась незаметной.

Раз’езжая туристом в городах в 1960 году, я заметил, что все советские чиновники — большие и малые — щеголяют в СССР с портфелями. Он удобен тем, что в него можно уложить мелкие вещи, я взял его в деревню, свыкся, полюбил его, как в свое время гоголевский Акакий Акакиевич свою шинель, с которой не расставался даже в летнюю жаркую погоду.

Меня везде и в городах и в деревне принимали с портфелем за какого-то советского чиновника, а узнав, что я — гость, американец, считали важной персоной. И этот внушительный портфель много помог мне в моем путешествии. Везде со мною обращались уже не на „ты”, а

на „вы". Даже в милиции всех своих стариков и старух величают „ты", а меня с портфелем нигде не „тыкали". При покупке билета на транспорте то же самое. Даже в советских „закусочных" и там — внимание к портфелю.

Город Слуцк. Железнодорожный вокзал, автобусная станция на другой стороне. Между ними — большое пространство для стоянок автобусов, приходящих со всех районов и Брестской области. Автобусы приходят и скоро уходят по расписанию. Часто опаздывают.

Билеты на короткое и дальнее расстояние — до прихода автобуса не продаются. Но у касс всегда полно ожидающих. Становлюсь и я, хотя гостям везде положено продавать билеты вне очереди. На гостей, конечно, как-то смотрят косо, октябрем. Из-за этого я и становился в очередь.

У касс выставлены доски, на них написаны деревни, районы, города, области, куда и где можно купить билеты. Громкоговоритель извещает о приходе автобусов. Хуже всего тогда, когда автобус опоздал. Да еще мест ограниченное количество. Волнение и давка ужасная. Все хотят получить билет. Кассирша же не спешит, хладнокровно смотрит на все и, как на зло, работает вяло, словно три ночи не спала. Да и система допотопная. В окошечко вы суете деньги на билет в деревню или город. Получаете сдачу. Кассирша записывает в тетрадь, берет небольшой талончик в форме билета, записывает на нем цену, куда и когда едете, затем проверяет запись в тетради, билет дает пассажиру. Не особенно скорая процедура. Громкоговоритель оповещает о посадке на автобус. У кассы волнение. Особенно на дальнее расстояния. А кассирша не торопится, записывает, проверяет, лениво дает билеты. Не действует на нее просьбы волнующихся пассажиров.

И подобные истории с билетами на всех пунктах передвижения. Другое дело — в Минске, Бресте — на ж. д. Там билеты, как и в других странах, заранее заготовлены, продаются без затруднений, аккуратно, без спешки, хотя их просят поспешить.

Мне предстояло ехать из Слуцка в Брест, — расстояние 360 километров. Полтора часа ожидал у кассы. Стояло восемь человек. Время прихода автобуса приближалось. Прибывало все больше и больше за билетами. Я стоял третьим у кассы. Автокар пришел. Все зашевелились, как муравьи в муравейнике. Волнение усилилось, когда узнали, что число мест ограничено. Тогда, минуя очереди, начала через головы передавать стоявшим у кассы деньги на покупку билетов и не одного, а нескольких.

Я понял, что тут мне не достать билет, оставил место, ушел искать заведующего, чтобы, как гость, купить его без очереди. Заведующего в конторе не оказалось. Мне сказали: стучите в дверь рядом с кассой и там получите билет.

Стучу. Молоденькая дамочка открывает. Говорю: я гость, еду далеко, у кассы трудно купить билет... Кассирша слышит разговор. Поворачивается ко мне, сидя на стуле, и спрашивает, сколько мне нужно билетов.

— Он свой, стоял здесь, врет, что гость, — кричат хором у окошечка.

Я вынимаю из кармана американский паспорт и показываю им, и с какой то досадой говорю: „я в жизни никогда не врал, а на старости лет тем более не намерен кривить душой”. Все успокоились.

14. ХУЛИГАНСКИЕ ВЫХОДКИ, ЗАЗНАВШИХСЯ СОВЕТЧИКОВ

В Сов. Белоруссии, как и в остальных сов. республиках, много пишут в газетах, журналах, книгах о воспитании молодежи в связи с разговорами о переходе во втором пятидесятилетия от социализма в коммунизм, когда все будет общегосударственным. Собственностью же будет только одежда, обувь и квартира по своему вкусу. Я убедился, что большевики далеко не подготовлены к коммунизму. Много причин этому. Приведу несколько из них.

Идет посадка на автобус. Летом едет много молодежи из деревень, где они гостили. В город везут мешки и чемоданы с овощами из деревни. Молодой парень едет с женой и ребенком. Занимает первые два места впереди. Водитель машины говорит: чемодан большой и требуется плата за него. Три раза спрашивает водитель и все три раза тот же грубый ответ — „попробуй взять". Дверь машины закрыта. Шофер угрожает вызвать контролера. Получает тот же ответ. Шофер вышел, свиснул, приходит лет 55-ти с небольшими усиками контролер.

— Снимите ваш мешок; я не могу смерить длину чемодана.

— А зачем?

— Нужно определить размер доплаты.

— Попробуйте получить.

Контролер об'ясняет, угрожает высадить, если он не даст смерить чемодан. —

Буян согласился. Чемодан смерен.

— С вас следует доплата 30 копеек.

— Попробуй взять, — был ответ.

— Я действую по закону и вы об'язаны уплатить или я вызову милиционера и он удалить вас из машины, — повышенным тоном говорит контролер.

Автобус опоздал. А тут еще особая задержка. Где коротко — там рвется. Пассажиры заполненного автобуса молчат. Я, сидевший сзади, встал и говорю. чтоб не задерживаться надолго, я уплачу 30 к., давая рубль контролеру.

— Я — не нищий, сам уплачу, дело не в плате, а в принципе, — прибавил груб'ян, оттолкнув мою руку с деньгами и окинув меня злобным взглядом. Он был хорошо одет, хорошо говорил по-русски. Был трезвым. А о каком принципе он думал? Аллах его ведает.

Другой случай, каких немало в СССР. 11 часов утра. Моросил мелкий дождик. Я в городе Слуцке. Ожидал такси. В деревню не хотели везти. Все на Минск, 102 километра. Молодая пара с трехлетним ребенком положила свои вещи в такси. Водитель машины пошел в закусочную, сказал, что скоро вернется. Оставившие багаж, с разрешения водителя, тоже пошли кудато. Водитель вернулся раньше, начал чистить машину: с запыленными машинами в Минск не полагается ехать.

Я продолжал стоять вблизи и ждать такси в деревню. Скоро пришли два чисто одетые, пухленькие, с портфелями гражданина.

— Что, машина не занята?

— Занята, — ответил шофер.

— А где же пассажиры?

— Куда-то ушли, оставив чемоданы в такси.

— Раз нет никого — мы займем. И полезли в машину. Шофер продолжал чистить машину.

Скоро вернулись снявшие машину пассажиры и, видя в ней людей, молодая дама в недоумении спрашивает водителя: почему он предоставил ее другим?

— А я что могу поделать, я говорил им, что занята, а они сами влезли в машину.

— Вылазьте из машины, мы первые давно заняли ее, оставив свои вещи взади, — говорит дама.

— В машине никого не было и мы имели право занять ее, — отвечает один из сидевших в машине захватчиков.

— Пожалуйста, освободите машину, у нас ребенок на руках, как видите, и вещи наши давно положены туда, — говорит дама.

— Можете взять другую, эту мы заняли, — был ответ.

— Какие вы нахалы, бессовестные, как вам не стыдно так поступать, вы — просто подлые люди . . .

— Осторожно так выражаться, дама, будете отвечать за оскорбление.

Дама нервничала, сыпала бранные слова в адрес нахалов и, оставив ребенка мужу, пошла забирать вещи из машины.

Я продолжал ждать такси и думал: имеется ли здесь у этих советских чиновников совесть? Даже ребенок, на которого лил дождь, не трогал их. У них советская мораль: бери, что можешь взять. И они взяли, оставив ребенка на дожде. Их мораль — африканских дикарей 17-го столетия. По речи этих бюрократов можно было заключить, что эти два „товарища", выглядевшие по лет 40-ка, — советского воспитания, получившие среднее, а, может быть, и высшее образование, а по своим поступкам они ниже животных . . .

15. ПЬЯНСТВО-ВОРОВСТВО. — ПЬЯНИЦ — РЕЗИНОВЫМИ ПАЛКАМИ

Водочная торговля в СССР прогрессирует. Создатели сов. монопольки Рыкова, как троцкиста и „немецкого шпиона", Сталин послал в потусторонный мир. А его

„рыковка" живет и процветает. А Н. Хрущев позже узаконил и самогон. И деревня, как и город, свободно пьют это чортово зелье и не только одурманиваются головы, а происходит полное вырождение советского населения.

В течение первых пятидесяти лет сов. власти были периоды, когда не хватало в стране необходимого хлеба, одежды, обувы, а рыковки и самогона всегда было вдоволь. И пьют всю эту отраву везде и всюду в СССР. Пьют 40-градусную казенку и такой же крепости самогон не маленькими европейскими стаканчиками, а большими — в три четверти чайного стакана, которые европейцы употребляют для распивки 15-градусного вина. Результаты этого пьянства на 50-м году сов. власти очень печальные. Конечно, советская власть не публикует статистики о количестве выпиваемой рыковки в году. А о самогоне тем более: он делается кустарным порядком и без всякого учета.

Пьянство широкой волной разлилось в Советском Союзе. Об этом часто пишется в советской печати. В августе месяце 1966 года введены резиновые палки для милиционеров, которым предоставлено право беспощадно избивать всех пьяниц в городах, „позорящих социализм". В Минске я был свидетелем этой жестокой расправы не только с пьяницами, но и с лицами, шедшими „неровно" в сопровождении жен, родных. Их брали и на глазах знакомых били до смерти. Позже запротестовала советская общественность и жестокий декрет смягчили — стали бить только сопротивляющихся милиции и дружинникам.

О том, сколько жертв алкоголизма было изувечено и умерло в больницах — этого никто не знает и не будет знать. Резиновые палки, вызывающие отвращение, остались. Деревни этот декрет не коснулся — там нет милиции.

— Посмотрите на милиционеров, что они сделали... какой позор для страны бить... калечить людей — говорила мне с возмущением лет 60-ти гражданка в автобусе на Ленинской широкой улице в Минске. Повидимому эта гражданка приняла меня, едущего с портфелем и зорко смотревшего по сторонам, за какого-то местного или приезжего большого чиновника...

В белорусской деревне до первой мировой воны был обычай справлять с выпивкой свадьбы, крестины, бражничали после похорон и изредка у близких родных по случаю того или другого семейного торжества. Пьяниц деревня не знала. Их там не было. Воров тоже не было. А если и были, то редко и не во всех деревнях.

Теперь же в советской деревне полно воров и пьяниц. Наплодила их советская система. Мало было хлеба у колхозников и совхозников — брали снопы в поле, зерно в карманы при молотьбе. Для коров давали мало сена — брали из стогов колхозное сено ночью. Для свиней и птицы — обворавывали огороды и сады. Ночные сторожа были, и теперь есть, для охраны колхозного и совхозного имущества. Брали так, конечно, чтоб не заметил сторож. Пойманному вору — три года тюрмы.

Ночные сторожа делают об'езд верхом на лошади. Участок об'езда обширный. Позади за ним следовали „воры" и тащили все, что могли. Понемногу, конечно. Иначе сделают обыск, поймают. Нередко было и так: сторож едет и не замечает, что воруют — он смотрит в другую сторону.

Деревенские воры, карманники своих на местах редко грабят. Но за приезжими охотятся. В 1934 году я смело ходил днем из одной деревни в другую. В 1966 году — меня одного никуда не пускали: мол, неудобно у нас ходить одному, будете скучать, вдвом веселее. Я сначала верил им. Но случайно из разговоров узнал — кого

и где порезали, ограбили и когда. Вот почему меня не пускали одного.

В родной деревне был продовольственный магазин, казенный, конечно. Не раз добирались воры. Не удавалось: был хороший сторож. Тогда сама продавщица начала воровать товар в магазине. Была вдова, имела троих детей. Все были не по карману одеты, обуты. И сама блистала новенькой одеждой. Даже построила хороший домик. Контролировали ее раз в три месяца. Она подделала один счет так, что якобы его оплатила. Возникло подозрение. Явился контролер. Доказывал, что счет не погашен. Вечером забрал с собой счет. Ночью же магазин сгорел дотла. Этот счет и погубил воровку. Она созналась. Семь лет тюрьмы, дом конфисковали, детей забрали в приют.

Новый каменный магазин построили на разросшемся столыпинском хуторе. Я часто заходил туда. По вечерам, когда больше всего была торговля. И всегда по окончании полевых работ в лавку заходили молодые колхозники. Не за покупками, а для групповой выпивки. Пить в магазине запрещено, продавщица открывала поллитровку, ее брали на двор, распивали.

В другой магазин меня с моим добровольным и неразлучным гидом загнал дождь. Скоро собралось семнадцать молодых парней в магазине. Вид у некоторых был подозрительный. Дождь продолжал лить, как из ведра. Магазин наполовину заполнился колхозниками. Я обходил прилавки, смотрел какой товар, справлялся о ценах.

Мой гид кивнул головой на дверь. Я пролез через толпу. Он мне шопотом: „береги карманы". Я, конечно, потом был поосторожнее. До этого предупреждения я не знал, что в деревне имеются воры. Я поинтересовался подобными типами. Их, оказывается, имеется немало в каждой деревне: опустившаяся и павшая духом моло-

дежь. Особенно та, которая занята полевыми работами, т. е. работает только летом, зимой же — бездельничает, скучает, играет в карты. Нужно выпить от скуки, чтоб хоть на время развлеться. Читать газеты, журналы, книги — для павших духом неинтересно, непривликательно. И они опускаются . . .

Перед моим приездом в деревню одна вдова долго собирала и копила деньги, чтобы построить лучшую, большую хату. Собрала. Заказала материал. Привезли зимой из лесу толстые бревна. Они подсохли летом. Под осень стала искать строителей. За советом пошла в соседнюю деревню к сестре. Брат мужа сестры плотничал. Договорились о цене. Сказала: имеет деньги на постройку дома.

На вторую ночь этот строитель влез в хату, в левой руке держал фонарик, в правой — нож. Потребовал деньги. Женщина сначала думала, что он шутит, начала говорить, что деньги в банке, при себе их нет. „Строитель" медленно приближал с ножом, она закричала: „спасайте, добрые люди!". Он полосонул ножом по лицу. Ночь была тихая, темная. Соседи с дубинами прибежали на помощь, остановили знакомого им грабителя, связали. в хате на полу в луже крови стонала их соседка. Послали в колхозную контору велосипедиста позвонить в милицию.

Милиция допросила грабителя. Он сознался. Составили протокол. Увезли его в район. Утром был суд, присудивший к высшей мере наказания — так всех грабителей судят в Белоруссии. В тюрьму их не посылают: будет мстить после возвращения. Об этом имеется много фактов.

Минск. Начало сентября. Я на колхозном базаре „Комаровка". Это — один из больших колхозних базаров в городе. Основные товары на базаре — яблоки и груши. Я приехал с колхозниками. Одна из колхозниц на

большой колхозной коммерческой машине привезла три мешка собственных яблок и груш. Весь день продавала, выручила 80 рублей. Вечером же пошла за покупками. Остановилась у одежной лавки. Покупателей скопилось до 30 душ, обоего пола.

— Зачем вы напираете, — слышу женский голос из толпы, — разве нет места . . . Вернувшись ко мне, она коснулась рукой груди. Ахнула . . . Денег не оказалось под кофточкой — ловкие воры их утащили. Они, видимо, видели как клала туда выручку, брала мелочь для сдачи.

Так ловко вышколены советские карманники. У них подозрительный вид, сверкающие, воровские глаза, ходят группами. Милиции не видно, она болтается по улицам.

На этом же базаре, как мне передавали, — ножами режут и защищаются . . . Одну даму прижали с трех сторон в толпе, забрали деньги. Она начала звать милицию. Карманники разбежались. Одна дама говорит, что видила воров и может опознать их. Тогда из толпы выделился один из их товарищей, полоснул ножом по лицу свидительницу, сказав „вот как тебе, другой раз держи язык за зубами", и изчез в толпе.

На базаре „Комаровка" собирается до пяти тысяч торговцев и покупателей. Имеется один вход и выход. И ни одного внутри милиционера. Полнейшая свобода грабетелям!

Справедлива старинная поговорка: там, где пьянство, там воровство, разбой. Алкоголь атрафирует чувства человека, делает пьяниц равнодушными, черствыми, угрюмыми, апатичными.

Самогон в деревне в большом спросе, он в пять раз дешевле казенной рыковки. При Сталине наказывали за гонку самогона. Хрущев снял это наказание, разрешил свободно производить его для своих надобностей, но не

для продажи. За продажу посторонним — штраф 150 рублей в первый раз, 350 рублей — во второй раз, а в случае третьей судимости — тюрьма три года. Суровое наказание, но оно редко принимается: сами коммунисты на местах, любящие выпить на даровщинку, снисходительны к самогонщикам.

Только немногие имеют самогонные „заводы" в деревне. Мне секретно показали один из больших, хорошо закамуфлированных „заводов". Он работает, когда есть спрос на сивуху и обслуживает многих, приносящих зерно, хлеб для закваски.

— Можете держать секрет, покажем наш „завод", — сказала мне одна баба — соседка лет шестидесяти. — Могу здесь — только у вас, — сказал я. У нас в США у некоторых самогонные заводы и без секретов, — добавил я.

Для обеда по случаю моего приезда „завод" работал несколько дней на утеху пятидесяти двум приглашенным гостям, выпившим девятнадцать литров (25 кварт) этого чортова зелья. Одна из женщин с литровой бутылью в руке ходила и наливала всем в стопы размером в три четверти чайного стакана, приглашая выпить и закусить. Выпивший три таких стакана, человек опьяняется, четвертый стакан делает многих одурелыми, от пятого же — даже заправские алкоголики совершенно утрачивают контроль над собой.

Тридцать процентов пили мало, 20% еще меньше, а я с районным доктором пили вино, — остальные, разумеется, выпили больше, чем по полной кварте сорокоградусной отравы. Наутро двое не явились по „болезни" на работу. Шофер казенной машины, привезший утром врача из другого района, должен был вечером вернуться домой: он не мог вести машину — был пьян, хотя за ним

докторша частенько присматривала и предупреждала. Только утром разрешила ему сесть за руль.

На свадьбах и крестинах тоже пьют много. Выпивши, женщины и мужчины, много поют старые народные песни и новые белорусские, созданные в период революции и войны с гитлеровщиной: „Ой, мороз, мороз", „Король", „Примак", „Стенька Разинн" и др.

16. ГОСТЕПРИИМСТВО КОЛХОЗНИКОВ

Гостеприимство русского человека, особенно крестьянина в деревне, в русской литературе давно отмечено. Оно существует с древних времен. Не вытравили его и две мировые войны у последнее полустолетие, ни гражданская война внутри страны, ни жестокий сталинский режим с его пытками инакомыслящих, посылкой миллионов молодых здоровых людей в безлюдные и холодные места Сибири, как рабсилу на уничтожение там холодом и голодом.

Гостеприимство сохранилось у крестьян в деревне и рабочих в городах, я убедился в этом в мои три поездки в СССР в последние 33 года. В городах, как это всегда было меньше гостеприимства, в деревне его осталось больше. Правда, замечается некоторое охлаждение, вызванное тяжелым временем. Но оно живет, передается по наследству.

По деревням района, куда я имел визу и в других районах, я много ходил, встречался с людьми, незнакомыми мне, везде отношение было дружеское, гостеприимное. При встрече с родными в поселках и деревнях и с земляками-соседами, имеющими родственников в США, меня везде радостно приглашали посмотреть хаты, хозяйство, чтобы, по возвращению в Америку, передать родным, как они живут. Я заходил, бегло осматривал хаты, дворы, сараи с птицей, усадьбы с большим количеством пло-

довых деревьев, огороды, полоску клевера, рядом большую гряду картошки.

В хате у гостеприимной хозяйки уже накрыт стол с выпивкой и закуской, полулитровая бутылка водки, вино, хлеб черный и белый, жареное сало с яйцами, кислое молоко, домашняя ветчина, колбаса, сладкие и кислые огурцы, помидоры. Вино пили я и немногие женщины, водку же — остальные, опорожняя бутылку до дна.

Взрослые дети некоторых колхозников, окончившие средние школы, и занимающие ответственные места в колхозах (бригадиры, землемеры, агрономы, учителя), по зову посланцов-детей, приходили для встречи редкого гостя, чтобы узнать, как там живут за границей русские и другие народы, самое главное, — почему Америка посылает свои войска далеко во Вьетнам и ведет там войну.

Со старшим поколением велись приятно беседы о домашнем хозяйстве и бытовой жизни, с младшим, — людьми образовенными, — еще интереснее было разговаривать о жизни в СССР, хотя молодые советские люди избегали касаться политического устройства их страны. Но Сталина, принесшего много зла всей стране, разоблаченного Н. Хрущевым, восковую мумию которого выбросили из мавзолея, свободно критиковали: мертвец не услышит, а живые, даже сталинцы, не станут выдавать и наказывать.

Образованная молодежь неплохо разбирается в политике и экономике своей и других стран. Это я узнал из многочисленных бесед с ней. Она много читает, ее на мякине не проведешь. Жестокое обращение Сталина с народом подорвало доверие к партии марксистов-большевиков. Из года в год обещали дать всяческие земные блага, а получили мало, и этим повредили партии. Теперь внушают народу веру в ученье Ленина, говорят и пишут

много о будущем коммунизме, а действующий ныне советский социализм — хуже западного капитализма: у капиталистов имеется хоть некоторая политическая свобода, права организации, забастовки, издание газет, журналов, книг и прочее.

В СССР ничего подобного нет. Живи так, как хотят лидеры большевиков, читай, что дадут, выполняй задания партии, скотской жизни. Настоящая средневековая жизнь . . .

17. ВЕСЕЛЬЕ В ДЕРЕВНЕ. — Я В РОЛИ СВАДЕБНОГО ГЕНЕРАЛА. — БРАКИ И РАЗВОДЫ

Больше всего колхозники веселятся на свадьбах, они поэтому у белоруссов и называются „веселье": с субботы до понеделка деревня превращается в карнавал. Столы трещат от закусок. Разливное море самогона: казенки дается мало — она дороже самогона в пять раз. Пьют много и большими стаканами в тричетверти чайного стакана. Песни, шум, выкрики, пляска потрясают углы колхозных хат. Безпамятно пляшут, под залихватскую музыку (две гармонии, скрипка, клернет, барабан) во дворе или прямо на улице, вздымая каблуками, безумным потопыванием, викрутасами, обертасами, облака пыли, не помогает и поливка водой мест, где танцуют.

К моему удивлению, я слышу знакомый звук музыки — играют „дикий" твист и 34 молодых пары с улыбками и телячьим восторгом и ужимочками отплясывают запрещенный еще недавно генсеком Н. Хрущевым танец. Времена меняются. Хрущева не стало. Твист пошел гулять по всей необ'ятной матушке России, и добрался до белорусской деревни.

До революций „молодую" (невесту), перед венцом, усаживали на дежу, в которой заквашивается хлеб, и она оплакивала разставание со своей девичьей вольностью;

теперь же, при нехватке женихов на селе (один мужчина на девять женщин), невесте не до плача — она радуется, что завлекла в узы Гименея подвергнувшегося ей муженька.

После веселья или трудового дня, колхозная деревня отдыхает, засыпает глубоким сном. Деревня не освещается, гаснет свет в домах. Тихо, спокойно ночью в колхозе. Только ранним утром, по вековой сельской традиции, в одно и то же время, как по часам, пропоют петухи, и не раз, а несколько раз, снова оживает колхозная деревня: всякая живность свойственным ее природе сигнализирует о своем земном существовании. Пробуждается от сна и колхозник под щебетание птиц, чтоб начать свой долгий трудовой день (с 8 ч. утра по 9 ч. вечера, шесть деньков в неделе) и послужить своей кормилице матушке-земле.

Я в роли свадебного генерала

Нечего и говорить, что в изолированной от внешнего мира долгие годы деревне, я служил предметом общего внимания, хотя, разумеется, за мной неустанно наблюдали „стукачи" — невидимое око власти. Я был желанным гостем на сборищах, пирушках, приходилось разыгривать и роль свадебного генерала: садили рядышком с молодыми, ставили возле меня бутылку вина (знали, что я не пью и самогона и казенной), тарелку с закусками и даже давали столовый нож, остальным гостям полагались только вилки), все подавалось ко столу нарезанными порциями — мясо, колбаса, закуски, всевозможные блюда и прочее.

Все встали, когда я, в переполненной до отказа хате, сказал, что 54 года тому назад оставил родную деревню, уехал на заработки в заокеанскую страну . . . и раз-

дались бурные аплодисменты, треск музыки и шум заглушали хату, казалось не будет конца . . .

В деревне меня приняли радостно, гостеприимно, стайками бегали за мной школьники, чтоб посмотреть никогда невиданного американца, и были очень удивлены, что он такой же человек, как и здешние люди, только „немного лучше одетый".

Играли и танцевали на улице. Я сидел на скамейке в стороне. Меня спрашивали о жизни в Америке русских и как там много еще их осталось, малые и старые с интересом слушали мои ответы.

— А знаете ли вы свою хату, где родились?

— Я не мог узнать даже деревни, а не только хаты, говорю я.

— А вот, здесь, взади она была, — указывает пожилый селянин.

Я оглянулся. За большой ветвистой вербой было пусто, хаты не было. Построек не было, рос большой картофель. Я тяжело вздохнул . . .

Браки и разводы

В первые годы революции легкие браки и разводы горожан коснулись и деревни. Часть деревенской молодежи быстро сходилась и еще быстрее расходилась со своими женами. Это вызвало отвращение отцов и матерей, и они боролись с этим пагубным явлением, навеянным временем.

Все это отражалось на деторождении, воспитании детей. В 1944 году в СССР ввели драконские законы против разводов и число их сильно сократилось. В декабре 1965 г. закон о разводах смягчили, число разводов увеличилось в два раза.

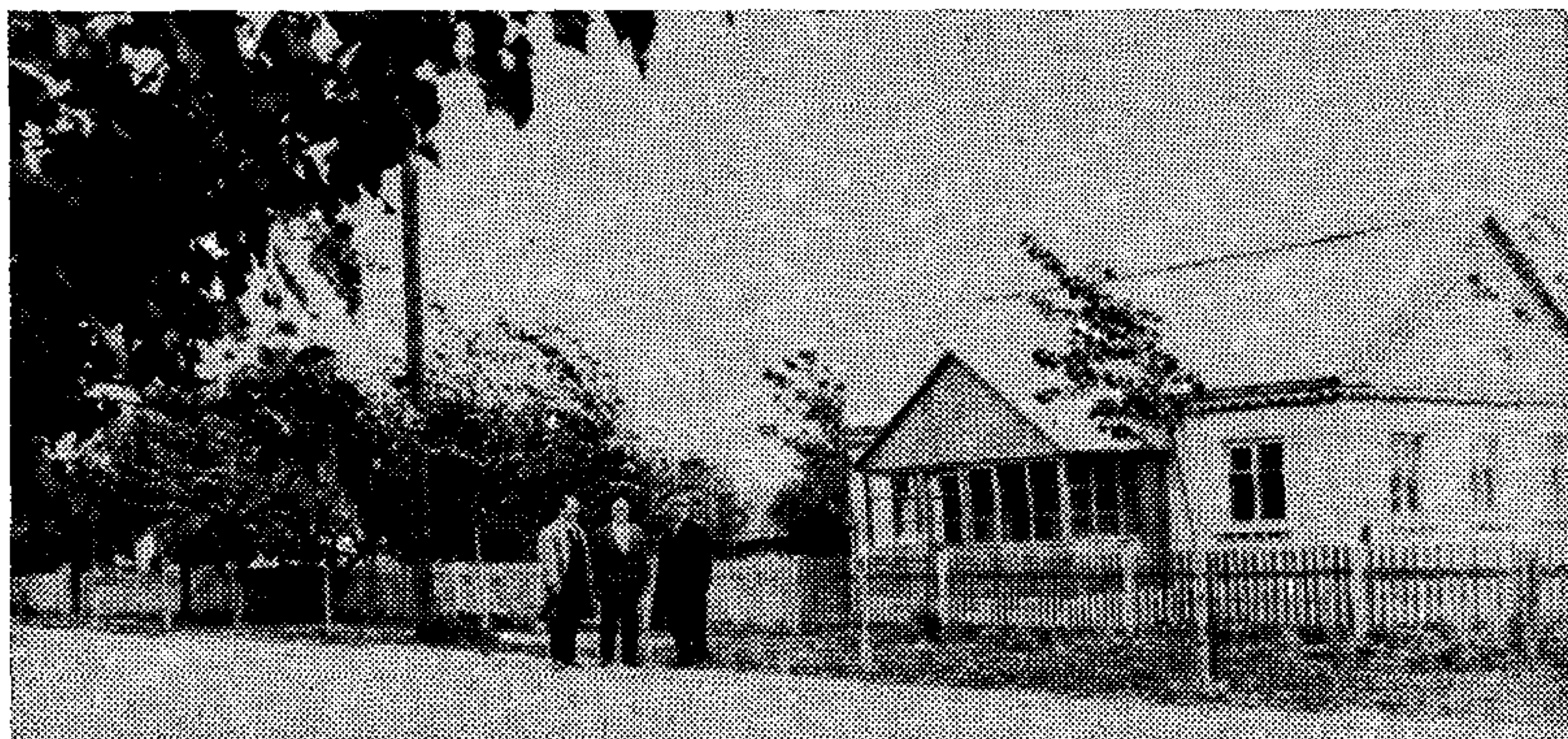
В деревне больше женщин, чем мужчин: 8-9 женщин на одного жениха. И я встречал семейные пары лет 45-

ти, имеющие детей, но мужья в этих семьях платят алименты еще двум вдовам с детьми до 18-тилетнего возраста. На суде свидетельскими показаниями устанавливается, что такие мужчины по вечерам навещали вдов, а вдовы эти, с своей стороны, подтверждали, что такой то ребенок прижит с таким то мужчиной.

В среднем деревенская семья имеет троих детей. А немногие — больше. Сталин обещал содержать на государственной счет многодетных — до 16-тилетнего возраста. Но его обещание не соблюдается и обычно помощь оказывается до пятилетнего возраста.

И в среде многодетных царит нужда, нищета. Живут в старых, небольших хатах с соломенными крышами, стены покосились, внутри грязно, много клопов. Хорошо, что таких семейств немного в деревне — 2-3 в каждой. Кормятся они, главным образом, с приусадебных участков — своего жалкого личного хозяйства.

Дети в таких семействах редко получают среднее образование: старшие должны работать и помогать вырастить младших. Эти все вдовы, мужья их умерли или потеряны на войне. И такие, которые прижили детей от других мужчин.

Это один из домов колхозников.

18. ЛЮБОПЫТНЫЙ ЛЕСНИК. — ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕЛЬНИК

Утро. Сентябрь. Прохладно. Вокруг тихо, спокойно. Небо чистое, голубое. Солнце давно вышло из за дремучего леса и медленно ползет по чистому, как хрусталь, голубому, небу, подымаясь все выше и выше, согревая вокруг накаленную холодной ночью атмосферу.

Я встаю рано, вместе с хлебопашцами, кормящими своим хлебом и свои семьи, и домашних животных и многочисленных горожан во всех городах необ'ятной матушки России. Иду в зеленеющий сад. Ветки яблонь и груш стонут под тяжестью плодов, повиснув на десяти и больше подпорах из крепких жердей, предохраняющих их от полома. Урожай хороший. Яблок и груш за ночь осыпалось много.

Помывшись холодной, как лед, водой на дворе, до завтрака иду в сад подышать чистым воздухом и, захватив с собой два плетеных из ракиты кошика (корзины), собираю опавшие плоды, несу на веранду, чищу: лучшие засушиваются для компота, худшие и отбросы — на корм корове, свиньям, курам.

Вдруг, за двухметровом высоты забором, расположенным у проселочной дороги, выходящей из деревни, быстро мчится лучший советский мотоцикль и неожиданно останавливается, хотя мотор медленно трещит.

— Авария, подумал я, глядя в щели густого почерневшего забора из нетесаных узких досок с заостренными верхами.

Женщины, спеша в поле на работу, приостанавливались у мотоцикла и стоявшего при нем с папиросой в зубах молодого парня лет 27-ми, одетого в чистую, коричневого цвета, рубаху со звездочкой на шляпе, узкие брюки и новенькие лакированные сапоги.

— Солидарности нет в деревне? — подумал я, раз прохожие долго не задерживаются, поскорее уходят, не помогают бедному водителю мотоциклета.

— Простите, с вашей машиной что-то случилось, нужна вам помощь?

— А вы думаете, что случилось? — раздается грубый голос водителя мотоцикла, глядящего на меня подозрительно.

— Я думал, что нужна помощь — я здесь живу и пришел только спросить . . .

— Помощь мне не нужна . . .

Я ушел, продолжая собирать опавшие яблоки.

— Кто это говорил со мною, осведомился ездок у мальчугана, шедшего в поле.

— Это якись то заокеанский гость, — отвечает подросток.

Я набрал четыре корзины яблок, почистил их, позавтракал. Вышел на двор, уселся на куче непорезанных дров, читал вчерашнюю „Сельскую газету". А мотоциклет все стоял, машина слегка потрескивала, водитель покуривал папироску.

По деревенской пыльной, ухабистой улице продолжали плестись возы, запряженные небольшими пухленькими лошадьма, изредка проезжали на мотоциклах, велосипедах, грузовых машинах. Больше всего пешоходов, женщин и подростков: они задержались из за домашней работы, их мужья давно ушли на колхозныя работы.

— Какой это военный вон там долго стоит с машиной? — спрашиваю я у старушки-соседки, пришедшей за водой к колодцу на краю улицы.

— Это наш лесник, — отвечает она.

— Зачем же он долго стоит там? — допытываюсь я.

— Пьяный. Не может ехать. Отдыхает. Отрезвится немного и поедет . . . Пьет за наши кровные гроши, беря

взятки за выдаваемые колхозникам дрова и дерево на постройки домов.

— Вы говорите берет взятки за все, все это знают, так зачем же они молчат? — задаю старушке вопрос.

— Молчат! Попробуй сказать, что он не так делает, как нужно. Он вам ответить, что не вы его поставили и не вам спрашивать, что ему делать.

— Так кто же его поставил? — спрашиваю старушку я.

— Лес у нас казенный. Хозяин леса — район или область. А там чужие люди, присланные из других районов, области. И они там ничего не знают, что их партийный назначенец делает здесь. Мы же на месте все видим. Но ничего не можем сделать: у наших (читай крестьян Д. Г.) нет прав контролировать его. А потому лесник у нас и бог и царь. Он, как в старину медведи и волки в лесу — полный хозяин леса.

— А председатель колхоза — тоже назначенец у вас? — спрашиваю я.

— Были все время чужие, присылаемые районом или свыше. Только годков пять уже начали избирать своих.

— И свои стали лучше или хуже? — допытываюсь я.

— Свои лучше. Бывало чужим никто сказать не может слова, что они ошибаются. За такие слова отвечали, наказывали. Своих же можно критиковать, переизбирать.

— А кто дал право избирать своих председателей? — спрашиваю я.

— Район разрешил. Партия увидела, что так лучше. И разрешила колхозам ставить своих во главе. Вот почему уже начали давать больше и травы для колхозных коров, и за трудодни больше платить и обращение с нашими улучшилось: стали меньше ругать, за пустяки не наказывают, жить стало лучше.

Слышу: быстро мчится по улце машина, застопорила у ворот и колодка, где стояла старушка с водой и сидел я. Старушка оглянулась, презрительно посмотрела на водителя машины и молча ушла с наполненным водой ведром. Это был „бог и царь" леса.

— Простите, могу ли я задать вам несколько вопросов? — говорит лесник.

— Пожалуйста.

— Вы из какой страны приехали?

— Из Америки.

— Долго там жили?

— Прожил 54 года.

— Вы что, уехали молодым?

— Восемнадцатилетним юношей.

— Скажите, пожалуйста, зачем ваш президент Джансон посылает свои войска во Вьетнам за 12 тысяч километров воевать с нашими?

— Президенты не спрашивают своего народа, что делать. Народ часто протестует, не хочет войны, но с его мнением не считаются, — говорю я.

— И демократ Джансон не спрашивает народа своего тоже? — говорит лесник.

— А ваш коммунист Сталин в свое время спрашивал у народа, когда посылал молодых людей на принудительные работы в Сибирь задаром? А Никита Сергиевич позже посылал свои войска на подавление революции в Венгрии? А после смерти Сталина разоблачил его на 20-ом партийном с'езде, поснимал все памятники в городах, выбросыл его мумию из Мавзолея?..

— Верно, — говорит лесник. — Вы, живя за океаном, много знаете и о наших делах тоже. А как вы все это знаете о наших делах? — неожиданно слышу наивный вопрос.

— Читаю свои и ваши газеты, журналы, книги.

Мой нежданный собеседник задал мне много других вопросов из иностранной жизни, и ни одного о жизни советской.

— Очень приятно побеседовать с иностранцем, знающим свою там и нашу здесь жизнь, — сказал лесник, — пожимая мне крепко руку на прощанье.

О злодеяниях Сталина, угробившего миллионы невинных молодых людей в ссылках и разорившего своими экспериментами крестьян, можно свободно говорить в беседах с советскими людьми, окончившими средние и высшие школы. Но говорить о нынешнем положении в своей стране они озбегают. Сталинский режим еще страшит их, и они находят нужным избегать внутренних вопросов. Это в присутствии других. Наедине все свободно говорят, выслушивая критику и сталинского режима и хрущевской семилетки, оказавшейся неосуществимой в Советском Союзе.

Хозяйственный мельник

При царизме все большие деревни в Белоруссии имели свои ветряные мельницы светряки с большими крыльями, похожие на кресты. Вид квадратной коробки или бруска, стороны около трех метров и высота немного меньше городских треэтажных домов. Крылья повешены на оси третьей части на одной стороне, нижние — в полуметра от земли, верхние — много выше здания млына. Весь млын, как коробка, повешен тоже на оси и свободно поворачивается стороной с крыльями к ветру. Крылья состояли из тонких широких досок, их добавляли в каждое крыло или отбавляли в зависимости от силы ветра: меньший ветер — больше досок, больше ветра — меньше досок.

История этих ветряных млынов давняя, — появились они задолго до освобождения крестьян от панщи-

ны в 1861 году. Ставили их недалеко от деревни на возвышенном месте, где всегда дуют сильнее ветры. Жернова внутри на крепком каменном фундаменте, над ними в коробку сыпали зерно, и оттуда выходила мука по желобу вниз прямо в мешки.

Хозяин ветрака один, а иногда несколько крестьян. За помол считали гроши, обслуживали всех односельчан.

Кроме того, у каждого крестьянина в сенях дома был свой небольшой жернов с тонкой палкой, один конец которого ставился в дыру в потолка, другой — в дыру каменного круга. Правой рукой вертели эту палку, левой пригоршней из корзины брали зерно и сыпали в отверстие жернова. Мука выходила по сторонам камней.

Зерно на хлеб мололи в ветряных мельницах, а дома только зерно для свиней, скота, лошадей. Ветрянка с крыльями украшала скудные хаты и сараи однообразной деревни.

Прогресс западной техники 19-го столетия пришел и в отсталую Белоруссию в начале 20-го столетия. Все уездные города и некоторые волостные местечки получили электричество, немецкие коммерсанты строили большие мельницы с электрической тягой. Сюда привозили на мукомол зерно помещики и немногие крестьяне, деревни, которые расположены вблизи городов.

Городские мельницы были долго в дефиците, не оплачивали расходов по содержанию служащих и рабочих. Тогда хозяева стали при мельницах строить лесопильные и небольшые кирпичные заводы, которые частично обслуживались мельничными рабочими. Зимой больше мололи зерна, но тогда меньше делали кирпича и обрабатывали дерева.

При Ленине и Сталине долго и упорно велась пропаганда среди крестьян, чтобы бросить помол зерна в своих ветряках и на дому. Указывали на лучшую выгоду для

крестьян возить его на городские мельницы. Но там, на национализированных государством частных мельницах, за мукомол больше взимали, да еще тайком крали муку заведующие мельницами и рабочие. Особенно в годы ужасной продразверстки и больших налогов.

Крестьяне замечали, что мешки с зерном везлись на мельницу полными, с мукой — далеко неполными. Некоторые убедились в этом, свесив зерно и муку, и тогда перестали возить зерно на государственную мельницу.

Сталинская власть бесилась, считая, что это прямой бойкот ее. Но терпели до 1932 года. В эти годы и посевная площадь сильно сократилась: не было расчета даром работать: больше засевали, больше налогами брали, уравнивая с разбитыми на группы крестьянами-бедняками, середняками и кулаками.

Совхозы на лучших помещицьих усадьбах хирели, батраки удирали в города. В 1933 году Сталин начал загонять „добровольно" в колхозы крестьян. И одновременно были организованы городские бригады, ездившие по селам, деревням и хуторам закрывать сельские церкви, в поле млыны, ходили из хаты в хату и разбивали крестьянские жернова, чтобы они больше не мололи зерна дома, а возили на городские мельницы, стоявшие без сырья.

Кулаков, как дармовую силу и часть средняков арестовывали ночью и в скотских вагонах посылали на Соловки и в Сибирь. Так продолжалось двадцать лет вплоть до смерти жесточайшего на Руси тирана Сталина.

Н. Хрущев освободил оставшихся в живых ссыльных, но не всех. Дал больше свободы и воли крестьянам и рабочим. Жизнь немного улучшилась. Но его семилетка хирела, не выполнялась и он начал урезывать усадьбы крестьян.

Я посетил родные края в 1934 году и видел, как ликвидировали церкви, оставшиеся закрывали, а крестьянские ветряки все были запечатаны, оставлены временно, как музейные реликви.

В 1966 году я опять посетил родные края, ходил и ездил по родному району, заглядывал в другие районы Минской и Брестской областей. В Слуцком районе не оставили ниодного ветряного млына. Все остальные поразбирали, жернова колхозника сохранили, позже использовали для колхозов.

Проходя со своим десятилетним гидом по проселочным дорогам, я увидел в стороне запыленный большой сарай, расположенный недалеко от деревни и ленинских хуторов. Я заглянул туда. В одном конце сарая была колхозная лесопилка, в другой — колхозная мельница, работавшая летом в вечернее время. От пиления толстых деревьев на доски большими круглыми пилами и от мучной пыли все рабочие были запылены.

Мельник сказал, что он починить скоро крыши жернова и пыли не будет, и тогда можно будет осмотреть мельницу. За два дня перед оставлением родной деревни я заглянул туда.

Семь часов вечера. Рабочих в лесопилке трое. Все молодые, собирались домой. В другом конце сарая — мельница. Широкий и длинный приводной ремень электрическим током приводит в движение и лесопилку и мельницу.

Мельник позволил осмотреть мельницу.

На дворе стояло две телеги с запраженными лошадьми и с зерном на помол. Внутри больше не было пыли, и еще стояло четыре человека.

— Могу ли я посмотреть жернова? — спрашиваю мельника.

— Пожалуйста. Только осторожно поднимайтесь по ступенькам, берегите там голову.

Поднялся. Но стоять не мог — крыша мешала. Жернова, плотно до самого пола, обтянутая вокруг очищенными узкими досками, пыль нигде не просачивается. Над жерновами установлена конической формы деревянная коробка, наполняемая зерном, — жернова жужжат, перетирают зерно в муку, струящуюся в желоб в низу, а из него в подвишенный мешок хозяина.

— Только хороший столяр может так ловко и плотно закрыть со всех сторон жернова, откуда не проскользнет нигде мука наружу, — сказал я мельнику. Он улыбнулся — работу выполнил он.

— В вашей стране дают премии за такие хорошия работы, а вы получаете ее?

— Не ожидаю. Наше дело — колхозное, кто сделает хорошо, будет польза для колхозников, — сказал мельник.

— Надеюсь, что я опять через 32 года приеду к вам в гости, тогда у вас будет лучшее помещение и жернова не 18-го, а 20-го столетия, — сказал я.

— Обязательно приезжайте, все сделаем, — разом заговорили все четыре колхозника со смехом.

Я пожал им руки и ушел. А про себя думал:

Одни партийцы - большевики закрывали сельские мельницы, другие, через 33 года, молчат, когда те же колхозники практически находят, что лучше и выгоднее иметь мельницы в колхозе, а не возить зерно на обмол далеко в города. И теперь, сохранившиеся жернова, используют в интересах самих колхозников.

Больше инициативы, прав, свободы колхозникам и они скорее и лучше обновят свою жизнь в интересах самих и страны. Пора советским самодурам отказаться от мертвящих марксистских теорий 19 века, перестать

понукивать народом: в нем имеется много творческих сил и практических знаний и он тогда меньше будет делать ошибок в строительстве новой социалистической жизни, чем правящая партия большевиков в России в течении 50 лет.

19. РЕЛИГИЯ, ЦЕРКВИ, КЛАДБИЩА

Деревенские церкви снесены, а уцелевшие приспособлены для колхозных складов, или стоят запертыми, разваливаются. Кладбища огородили от скота, повреждавшего памятники, могилы, заросшие высокой травой, бурьяном. Некоторые из них с железной оградой, и лишь немногие близкие наведываются своих дорогих покойничков, украшают их могилы.

В большой деревне Бульково, Брестского района и Брестской области, насчитывающей свыше 200 дворов, кладбище огорожено глубоким рвом; там, мне передавали, достать дерево для загороди нелегко, и потому нашли другой способ для обороны . . .

В районных городах церквей тоже нет. Например, на весь район в Слуцке одна церковь и одна баптистская молельня, а было до революции 13 православных церквей, два костела, две синагоги. Молятся теперь, главным образом, старухи, изредка старики, а молодежь в божницы не заглядывает.

Браки, крестины гражданские, но кое-кто крестит детей и в церкви. **В церковь, как и в театр, запрещено ходить до шестнадцатилетнего возраста.** Полное отсутствие веротерпимости, хотя Хрущев вечно твердил, что по советский конституции, вера в Бога — дело добровольное — хочешь верь, хочешь — нет.

Ленин в этом смысле был еще более толерантен: он, например, по словам французского коммуниста Бориса

Суварина, был против уничтожения религии декретами, ратовал за право религиозной и антирелиозной пропаганды даже иезуитами, считал, что священик с коммунистическими убеждениями может быть в рядах партии (см. книгу „Сталин" Б. Суварина на английском языке).

Ленин не был таким уж от'явленным атеистом, каким выставляется его последователями: в сибирской ссылке он, например, венчался с Н. Крупской в церкви. Герцен, Бакунин и другие вольнодумцы тоже не обошлись без „Исайя ликуй"... Теперь же в советском государстве бюрократия монополизировала церковные функции: санкционирует крестины, браки, похороны — партийцы как бы превратились в попов.

Если кое-где и уцелели церкви, то они влачат жалкое существование. Отношение к ним у власти издевательское, о чем можно судить, например, по статье К. Буковского „Малые города" в „Новом мире", август 1965 года. Речь идет о городе Зарайск (22½ тысяч душ) в северо-западной части Рязанской губернии, граничащей с Москвой:

„Можно посмеяться, ломается — К. Буковский, — над рачительным молодым священником с усиками и в модной шляпе, выбеливший единственную действующую церковь в городке и повесившим на дверях об'явление, что все требы выполняются только при пред'явлении справок и разрешений местных властей. Можно высмеять керосиновую лавку в угловой сторожевой башне исторического зарайского кремля и пивной ларек в часовне бывшей церкви Св. Троицы, ныне краеведческого музея. Можно сиронизировать по поводу церкви Иоана Предтечи, занятой под зимний городской театр"... Тут, как говорится, комментарии излишни...

Нет сомнения в том, что нетерпящая никакого инакомыслия компартии использует мощь государства, а,

следовательно, и большинство верующих людей для подавления христианства, замены его верой в марксизм, ленинизм, причем новая коммунистическая вера, как и мусульманство в период зарождения, — нетолерантна, агрессивна в отношении старых богов, в свое время тоже изводивших идолов, капища. В общем, история повторяется...

Но как же все-таки многовековое христианство, которого „врата адовы не одолеют", дошло до нынешнего плачевного состояния? Ведь не могло же это почти двух тысячелетнее здание рухнуть по одному мановению руки компартии, от ее декретов, бессилие которых понимал лукавомудствующий Ленин? Были, значит, какие-то иные причины упадка православия, какая-то гниль, неизлечимая болезнь, подтачивавшие величественное здание религии Христа, повалившееся от дуновения большевистского поветрия.

В чем же загадка гибели старых богов, торжества новой большевистской религии? Только ослепленные внешним блеском обрядности князи церкви не замечали давно начавшегося заката христианства, превращения в слугу кесаря, религии „нищих духом" — в опору трона, мирского могущества, отвергнутого Христом в известном искушении дьяволом.

Христос предвидел отступничество Великого Инквизитора от подлинного христианства, говорил: „Иной препояшет тебя и поведет за собой куда ты не хочешь", то есть прямо в ленинский уголок. В предупреждениях Церкви о надвигающейся катастрофе не было недостатка: Достоевский носился с видением Великого Инквизитора, бичующего явившегося в мир Христа в темнице; Леонтьев пугал последним словом — „концом всему" (т. е. церкви); Л. Толстой, Н. Бердяев, В. Розанов, Д. Мережковский и др. „града нового взыскующие" неустанно

твердили о духовном банкротстве официальной церковности. „Христианство поклонилось Христу на небе, и Зверю (Мамону) на земле! — восклицает Мережковский. „Есть ли Бог или нет? Вот, кажется, самый нелюбопытный вопрос в наши дни" (писалось в 1914 году — „Не мир, но меч"). „Кто-то недавно хотел" убить Бога". Жалкое безумие — убивать мертвого.

„Впрочем, жив Бог или умер, — какое дело людям до Бога. На что им Бог? Они наги — Бог не одел их; голодных — Бог не накормил; в рабстве — Бог не освободил. У зверей нет Бога, а люди живут хуже зверей. Сначала сделайте людей людьми, потом говорите им о Боге"...

И Мережковский, пожалуй, не совсем прав в том, что „религия есть именно то, что отличает вид животного человека от всех прочих животных человек религиозное животное"..., хотя надо заметить. что есть люди хуже животных. Иллюстрируем эту мысль небольшой выдержкой из статьи Ю. Юзовского „Польский дневник" („Новый мир", февраль 1966):

„Собака — друг человека. И та собака, которую дрессировали в Освенциме, могла бы быть другом человека, если б не человек. Собака, которую научили при слове „юде" разрывать в клочья женщину и ребенка, была приобщена к идее и сразу опустилась до уровня человека, одержимого злой идеей"...

Единомышленный с Д. Мережковским В. В. Розанов поставил точки над „и": „Христианство не предупредило ни войны, ни безхлебицы. И только все поет, и только все поет, как птичка ... Слушали мы вас, слушали. И перестали слушать"... Вот причины ныне разыгрывающейся в СССР религиозной драмы.

20. СОВЕТСКИЕ ПАСПОРТА. — ОГРАНИЧЕНИЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ. — СТУКАЧИ. — СТЫЧКА С БДИТЕЛЬНОЙ МИЛИЦИЕЙ

Мне кажется, что нет в мире страны, где для своих граждан введены паспорта и специальные пропуски на посещение ими других городов, деревень. В СССР все эти прелести налицо.

Сов. гражданин прикреплен к своему району, колхозу или совхозу. Район — это бывший уездный город. Из одного уезда выкроили несколько районов и сельсоветов. В каждом — в двадцать раз больше служащих, чиновников, счетоводов, чем было при царизме. И все они лучше оплачиваются, чем рядовой колхозник и рабочий в совхозе. Это — целая свора паразитов, живущих за счет трудового крестьянства.

Все жители должны иметь паспорта по достижении 18 лет. И никто не имеет права оставить свой колхоз или район и ехать в другие районы, имея только паспорт. Все советские граждане, едущие навестить своих родных или друзей, живущих даже в ближайшем районе, обязаны брать разрешение у милиции своего района, и сказать там — куда едешь, когда вернешся, кого хочешь видеть.

Обычно никто не спрашивает у вас розрешения в пути, если вы не останавливаетесь на ночлег. Везде стукачи и вас на второй день попросят показать документ на перебывание в другом районе. А за поездкой гостя в другой район еще более зорко следят. Сов. гражданам еще не беда: им выдают пропуски. Гостям же, приехавшим из других стран навестить родных, не всегда их дают. А в другие области — совсем не выдают. Я в этом убедился.

Приехав в гости, каждый обязан немедленно пойти в милицию, там выполнить три анкеты с вопросами на

обеих сторонах, сдать милиции. Сдается паспорт тоже. Если вы не явились немедленно в милицию, то должны об'яснить — почему опоздали, где находились. На посещение родных или друзей в других районах вы должны просить разрешение, выполнив особий бланк. Его не сразу получите: начальник милиции сделает запрос в областную милицию по телефону потребуется полтора часа. Вам даже обещают разрешение на посещение родных вдругой области. И только пообещают. Но не дадут.

Я ждал три недели. Не дождался, сел на дальний автобус и поехал. Но как только заметили, что я не ночевал одну-две ночи там, куда мне выдана виза, за мной началась погоня стукачей.

Что сабою представляют эти стукачи? Обычно район тайно назначает два лица на пару десятков дворов, одного деревенского, а другого из ближайшего хутора, каждому приказывается никому об этом не говорить. На их обязанности лежит слежка за „крамолой", подстрекателями и хулителями советской власти, донесение об этом начальству в район. Раз в неделю.

Но районные власти — почти все пришельцы, назначенцы областью, а иногда и Москвой. Людей на месте они не знают. И получается смешное положение: назначают иногда людей следить за человеком, который является старым другом этих стукачей.

Стычка с бдительной милицией

Приехал я к родным вечером в Брестскую область. Переночевал. Ранним утром с родными поехали в Брест. Вернулся поздно вечером. Переночевал. Утром уехал в другой район. Там не заметили до утра.

Завтрак. Девять часов. Без стука в дверь на веранде в кухне появляется в форме начальник милиции со своим помощником.

— Кто здесь посторонний? — сердито спрашивает начальство.

— Я посторонний, — говорю ему.

— Ваши документы?

— Вот мой паспорт и виза.

— А где разрешение на пребывание в нашем районе?

— А советская виза — это и есть разрешение на посещение родных.

— Вы не шутите, говорите правду, а то будет вам плохо, — говорит начальник милиции, повысив голос.

— Я 54 года прожил в США и никогда и никому не говорил неправды, — отвечаю повышенным голосом, чтобы показать ему, что я не боюсь его, находясь в стране по законной визе. Меня задело такое нахальное требование и я сказал, что позвоню в Москву Косыгину и скажу ему, что обращаетесь со мной не как с гостем . . .

Грозный начальник смягчил тон, начал спокойно говорить со мной, ссылаясь на законы страны, которые он должен выполнять. А также сказал ему, что я выполнил анкету на поездку сюда в милиции своего района, что от меня требовалось.

— А почему они не дали вам пропуск?

— Я ждал три недели, не получил и уехал.

Составив протокол, он спросил, когда я уеду в свой район?

— Завтра, — сказал я.

— Нет. Вы должны уехать сегодня.

— А кто еще здесь посторонний? — спросил он, глядя в открытую дверь столовой.

— Я, — сказал мой родственник, приехавший со мной.

— Ваше разрешение на пребывание?

— Я всю войну провел на фронте, воевал за родину и после мобилизации никогда в ближайший район не

брал и не возьму разрешение, считая это унизительным для себя, — возмущенно заявил он милицейскому.

— Это — закон. Я — начальник и то беру пропуск, все мы должны иметь его.

Вернулся я поздним вечером туда, куда приехал три дня назад. Родственники мои не спали, сидели, ждали меня, волновались. Они были перепуганы. Два милиционера дважды приходили к ним, спрашивали, где я, что я делаю здесь, куда уехал.

— Пошел осматривать деревню, где то загулялся, обещал вернуться, — ответили мои родные.

— Когда вернется, скажите ему, пусть немедленно придет в милицию, — сказали непрошеные гости.

В девять часов утра я пошел в милицию в сопровождении старухи-родственицы. Посылаю старуху вперед, следую за ней. Старуха знает давно начальника милиции.

Такая кукуруза в родной деревне.

— Што то робится (делается) на свете божьем теперь, — я пригласила к себе родственника в гости, а ваши подчиненные два раза были у меня и все пугали, пугали меня . . .

— А ты зачем приглашаешь к себе гостей из другой области, не могла бы ты туда сама к нему поехать, — говорит чисто одетый средних лет начальник милиции, блестя своими погонами и выглаженным чистым мундиром.

— Простите, ей 84 года и она далеко одна не может ездить, — сказал я.

— А, здравствуйте, это вы — Горбацевич, — сказал начальник милиции обернувшись ко мне и вежливо слегка наклонившись. Я прихватил с собой магический портфель.

— Да, я. Что случилось, почему мою родственницу-старуху до смерти напугали ваши подчиненные вчера вечером?

— Она еще здоровая и могла бы поехать сама в гости, а не приглашать к себе, — сказал сердито начальник, обращаясь к старухе.

— Я приехал к родным по визе, легально, а вы почему то боитесь, ищете меня, как преступника в Америке, — говорю я обращаясь к начальнику.

— Вы приехали в Минскую область, там и должны гостить. Здесь другая область и требуется разрешение на посещение нашего района, а вы не имеете разрешения.

— Я повторяю то, что сказал вчера другому начальнику, что я выполнил анкету и мне обещали дать разрешение на посещение родных здесь.

— У нас области дают разрешения, а не районы, — сказал сердито начальник милиции.

Пробовал я доказывать, что я приехал из капиталистической страны, где прожил 54 года без всяких пас-

портов и бумажек от милиции, для него это было не убедительным. Я указывал, что интеллигентный человек, приехавший к родным в колхоз, не может сидеть два-три месяца возле сарая, нюхать навоз — он хочет побывать в других деревнях, городах. Только в старину садили курицу-наседку высиживать цыплят. Я — человек, не курица. Такому человеку нужен простор там, где нет военных запрещенных об'ектов, где живут люди, а не хрюкают свиньи в сараях...

Начальство, конечно, ссылается на законы страны, глупые, смешные. Даже в царское время в своей губернии ходили и ездили без паспортов. А в коммунистической стране и это урезали: разрешение требуется даже на посещение другого района. Боятся не только туристов, а и своих граждан, едущих в другие районы. Вот тебе и советский социализм!

Почему такой надзор в России? И не только за туристами-иностранцами, а и за своими? Что-то странное в природе советской власти — уж воистину — пуганая ворона боится куста. Боятся тесного общения колхозников, народа, рабочих, ибо помещиков и капиталистов там давно нет, — могут спеться, столковаться и, совместными силами, требовать свободы и прав, узурпированных сталинцами, а сов. диктаторы этого не хотят, их пугают тени трудящихся, при помощи которых они захватили обманным путем власть и вот уже 50 лет все обещают всяческие блага, но не дают их. Сами же партийцы хорошо пристроились у государственного пирога, получая за свой труд в 3-5 раз больше, чем рабочие в городах, крестьяне в деревне. А уравнения они боятся хуже капиталистов. Вышли из среды трудового народа, получив свое образование и профессии бесплатно, тогда как другие работали на них. Разве это социализм?! А какой получится коммунизм во втором полустолетии? Над этим

следует подумать тем, которые наивно верят своим партийным главарям, управляющим государственным кораблем.

Без прав, инициативы, свободы — вольной жизни не построишь. Это показывает полувековое существование большевизма в СССР. И это знают многие советские жители. Но пока молчат. Боящимся свободы и справедливости партийцам можно напомнить о поговорке американского президента Линкольна: „народ можно обмануть раз, два, несколько раз, но обманывать всегда и весь народ невозможно". Это должны знать диктаторы всех стран, захватившие власть обманом и удерживающие ее силой...

21. СОВЕТСКАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Из России я уехал еще восемнадцатилетним юношей в 1913 году и все время жил в США. За этот период времени в Россию ездил три раза туристом летом 1934, в 1960 и 1966 гг.

Первая моя поездка в родные края была невеселой — в самый разгар насильственной коллективизации деревни. Крестьян „добровольно" загоняли в колхозы, как скот. Старые устои сельского хозяйства разрушались, новое для власти было неясно: не строили, а мучились сами и мучили крестьян.

Запасы хлеба истощились. Деревня разорялась различными налогами. Лошадей для запашки полей не хватало, скота было мало — длительная Мировая война и гражданская внутри, как саранча, сожрали все добро в хозяйстве, царила везде нищета, разорение. Хлебопашцы голодали. На столе у большинства хлеб был наполовину с куколем, черствый, невкусный. Купить не было денег. Да и продажа была запрещена. Сельские хозяйства наполовину были частные, наполовину колхозные.

И те и другие не имели хлеба насущного вдоволь. Чахли. Проклинали свою судьбу. А по ночам молодых и здоровых власти брали как рабсилу и посылали в далекую и холодную Сибирь на строительство дорог, фабрик, заводов.

Жизнь замерла. Революционные песни запретили, крестины и свадьбы были убогие, грустные, невеселые. Народ молчал чего то ждал.

Об этой тяжелой жизни никто за рубежом не писал, ничего не знал. По возвращении в США я неохотно взялся за перо и поместил жуткие воспоминания в чикагской газете „Рассвет", а позже сами читатели собрали деньги и издали мои очерки книгой „Что я видел в сов. России" за подписью Минский Мужик. В Риге было издано второе издание. Оба скоро разошлись.

В 1936 году в России была издана сталинская конституция. Она много „обещала народу" — почти все земные блага и свободы. На словах. На деле же и сталинская конституция и сами сталинцы фальшивили, двурушничали. Я в этом убедился. Не мог перенести. Возразил. Возражение растянулось. Пришлось издать отдельной книгой.

В это время разразилась революция в Испании, страна раскололась. В Мадриде властвовали большевики, в Барсолоне — социалисты, демократы, синдикалисты, анархисты. Мне было предложено поехать туда и написать правду об испанской революции. Поехал. В пути узнал: Муссолини с Гитлером бомбят и Мадрид и Барсолону. Пришлось ждать 9 дней в Париже.

Революция в Испании была раздавлена. Я поехал в Польшу. По дороге пересмотрел все написаное о сталинской фальшивой конституции, написал несколько глав и в Риге сдал в печать вторую книжку „Правда о Сов. России". Мои обе книги получили широкое распро-

странение в Польше и во всех прибалтийских странах, отошедших от России по Брестскому договору.

В Нью Иорке в сталинском „Новом Мире" меня оклеветали, назвали помещиком, царским генералом, кулаком, предателем. Я поблагодарил их, конечно, не за ругню, а за то, что они этим дали знать своим читателям о том, что пишет Минский Мужик. За мною началась слежка, шпионили, угрожали...

По доносу в Москве меня включили в черный список, в 1960 г. не давали туристской визы восемь недель. Агентство сделало запрос, там об'яснили задержку канцелярской оплошностью, наскоро пересмотрели мою просьбу, визу выдали. В это время в Москве ожидали американского президента Эйзенгауэра, приготовили для него дорогой подарок. И ко мне, как американскому туристу, отнеслись благожелательнее.

За 28 дней, передвигаясь быстро на самолетах, я побывал в четырех советских республиках и городах — Москве, Минске, Киеве, Крыму, Сочи, на Кавказе, Одессе и других, прилегающих к столичным, местах. Но в деревню тогда никого не пускали. Не пустили и меня. Пришлось выписать родных в Минск, а родных жены — в Киев. А кто был гостем — они у меня или я у них — я до сих пор не знаю. Но за душевными беседами, без сна, провели 24 часа.

О посещении туристом городов я написал две статьи, помещенные в журнале „Дело Труда — Пробуждение" (номер 65, 1962 р.). В них я писал о растущем обновлении городов, в которых я побывал, о хрущевском ослаблении гайки, его семилетке и других обещаниях.

Мне хотелось заглянуть и в сов. деревню, увидеть, как живут крестьяне в колхозах и в совхозах. Получив осенью 1965 г. туда визу, я поехал летом 1966 года. Войной и нуждой крестьяне давно разбросаны по СССР.

Прочной оседлости там давно нет. Города с ее промышленностью увлекли туда многих хлебопашцев, и ежегодно молодежь из деревни уезжает на лучшие заработки.

Советская бдительность в деревне за инакомыслящими большая, чем в городах: в деревне все видно, в городах трудно за всем усмотреть. Особенно строгий надзор за туристами, приезжающими из других стран к своим родственникам. В городах стучат в дверь, когда приходят в дом. В деревне — все свои и никто не стучит в дверь. входя в хату. И советские стукачи заходят в хату, как в лес, свободно.

Обычно я вставал рано утром вместе с землеробами, садился за стол, читал газеты, книги, журналы, писал письма, затем слушал радио. Об этом стукачи немедленно донесли куда следует: я, рано встаю, много читаю, а еще больше пишу. — Значит пишет третью книгу, полагали они. И еще строже стали присматриваться ко мне . . . Стоило мне пойти в другую деревню к родным, переночевать у них — стукачи доносят об этом. А если на другую ночь не вернулся в дом поручителя — бьют тревогу, делают розыск — куда поехал, с кем встречаюсь.

Двое суток я был в пути по транзитной визе, спрашивают, где был. В районной милиции, конечно. Там все советские граждане получают паспорта. Там туристы регистрируются по приезде. Там всегда многолюдно, полно учащейся молодежи, как пчел в улье: учащаяся молодежь приходит с паспортами, переводится в школы другого района, области или переезжает в этот район из других соседних районов. Всех записывает, выписывает начальник милиции, две его секретарши. Большой стол в приемной всегда занят заполнением анкет.

Я оказался почетным лицом. Мне дали столик, застлали его скатертью, принесли стул и предложили сесть рядом с молоденькой и пухленькой секретаршей, дав для

заполнения три бланки с многочисленными аналогичными вопросами на двух сторонах и на двух языках — русском и белорусском. Шрифт мелкий взяло больше получаса на заполнение. Голова моя закружилась от этой формальности, я устал порядочно.

А в это время люди с заполненными анкетами направлялись к начальнику милиции — человеку средних лет — блондину и он ставил на них печать, принимал и выдавал паспорта.

За все время я не слышал ни одного слова по белорусски: все спрашивали, им отвечал начальник милиции по-русски. И я был удивлен . . .

— Могу ли я задать вопрос, не относящийся к заполнению анкет, — спросил я начальника милиции. — Можно, — буркнул он.

— Все время, когда я выполнял бланки, к вам обращалась молодежь обоего пола по-русски, на чисто литературном русским языке, и мне казалось, что я нахожусь в Москве, а не в Белорусской республике, в которой стали говорить только по-русски!

Он блаженно и стыдливо улыбнулся и тихо, но уверенно сказал, что молодежь их не любит белорусского языка, предпочитает русский белорусскому.

— Так зачем же его преподают, раз на нем не хотят говорить, — спрашиваю я.

— Это не по моей части и я ничего не могу сделать в этом вопросе, — был ответ.

В своем районе можно свободно ходить, ездить, переночевать у родных. Но задерживаться надолго — рискованно. У милиции все туристы обязаны получить разрешение на посещение других районов. Иначе их ждет неприятность. Нужно все указать, кого и когда хотите видеть, имя, отчество, фамилию, адрес, время пребывания у знакомых. Туристам не дают разрешений на поездку

в другие области. Это я знал, но поехал в Брест. В пути никто и ни у кого ничего не спрашивает.

По возвращении в свой район в семье родных, куда я приехал по визе — большое волнение, все перепуганы, в доме мертвая тишина, как в приемной пограбальщика. Оказывается, лицо, поручившееся за меня, было вызвано спешно в районную милицию для об'яснения. Спрашивали, почему он пустил меня в другую область, должен туда поехать и привезти меня к себе, следить за мной, чтобы я никуда не отлучался.

— Он мне говорил, что имеет визу на два месяца в СССР, не говорил, куда поехал, когда приедет ... — Страна большая, где же я его могу найти ...

— Будешь отвечать, если не привезешь к себе, — был наказ нач. милиции.

Мой родственник-поручитель вернулся домой вечером, я приехал тоже скоро.

Слуцк. Новый широкоформатный кинотеатр.

На другой день мы поехали в милицию. Начальник уже был другой — не тот, который мне обещал достать пропуск.

— В чем дело, — спрашиваю начальника милиции, — за мной, как за собакой, гоняются, моего родственника, поручившегося за меня, отрывают от работы в летнее время, заставляют волноваться из-за меня, — спрашиваю у начальника средних лет.

— Произошло недоразумение, я должен составить протокол и все будет хорошо, — успокоивает начальство.

— Об'ясните, в чем же дело? Я выполнил анкету на посещение родных в Брестской области, мне обещали...

— Вы разрешения не получили, а без разрешения поехали...

Протокол написал, прочитал, спросил, имеются ли поправки. Я подписал бумажку.

Чтоб немного сгладить этот неприятный инцидент, районные власти предложили прокатить меня по своему району, показать все, что я хочу видеть. Весь день возили по городам, колхозам, угостили обедом, обещали еще взять, если я пожелаю. Но летом все они заняты и я отказался от услуг. Предложили даже, чтоб я написал о своих впечатлениях. В своей статейке я высказался неодобрительно о колхозных клубах, самих колхозниках: полки с книгами в клубах запылены, не видно читателей, на досуге колхозники много пьют самогона, мало читают, при еде, вместо кофе или чая, пьют сырые яйца или запивают водкой.

Словом, такая же картина, как в стишке Демьяна Бедного:

В деревне Босове
Яким Нагой живет.
Он досмерти работает,
До полусмерти пьет...

Начальники посмеялись, но мое творчество забраковали — не было похвалы в их адрес, а лишь мои восторги огромными колхозными полями и летней страдой на благо отечества.

22. СОВЕТСКИЕ НЯНЬКИ

Всем взрослым известно, что няньки нужны для детей только до известного возраста. Когда же дети вырастают, делаются более или менее самостоятельными, они в няньках не нуждаются. Больше того, взрослые дети инстинктовно презирают своих нянек, когда, например, некоторые зажиточные люди хотят дальше иметь их со своими детьми. Какое то подсознательное чувство вызывает у них эту неприязнь к нянькам.

Советские няньки — это комсомольские организации, разбросанные по всей стране, вернее — секретари на местах. Они, получив инструкции свыше, задают тон массам, ежедневно поучают их, подгоняют на производстве, в совхозах, колхозах. Они шумят, кричат, кого то пугают, от кого то требуют, другим дают, третьих наказывают. И изо дня в день в течение полувека длится эта игра в „коммунизм". Массы возмужали, а их считают детьми, угощают диаматом вместо того, чтобы признать, что партийный аппарат плох, плодит бюрократов, лентяев, усиливает раздражение, недоверие в народе.

К услугам подгонял радио, пресса. Ежедневно радио вопит (в Белоруссии сначала диктор, судя по голосу — пожилой — по-русски, затем сокращенно переводит диктор-женщина по-белорусски): уборка с полей начинается, или началась, требуют всех подтянуться, покосить, пожать, собрать с поля, не отставать от других. Указывают, кто и сколько собрал с поля, кто еще не начал и что следует собирать и т. д. С раннего утра каждые два

часа весь день об этом гарланит радио, после обеда. Каждым колхозником и рабочим в совхозе получается газета „Сельская жизнь" на русском языке и, небольшой по размеру, центральный орган коммунистической партии Белоруссии в четыре странички на белорусском языке, которого почти никто не читает, — его всегда можно найти в уборных за сараем.

Работы в деревне много летом, все спешат рано вставать, накормить свиней, птицу, подоить корову и, наскоро перекусив, идти на работу в колхоз или в совхоз. Радио в деревне имеется у 90% крестьян. Дикторы оповещают раньше всего о погоде по всей стране. Этим все крестьяне заинтересованы, им это нужно знать, что они смогут сделать в течении летнего дня.

Но, чтобы подбодрить хлеборобов на тяжелый труд, после сведении о погоде и расписания работ, в Белорусской республике начинается трескучая и пискливая музыка пластинок на русском и белорусском языках, режущих, как пилой, нервы хлеборобов, спешащих на работу.

Муж одной колхозницы привык завтракать под музыку. Жена его предупреждала много раз, что музыка нервирует ее, — она не может переносить ее, когда спешит на работу.

— Заткни уши и не слушай, — отвечал муж. А мне интересно слушать все...

Нервы среднелетней женщины не выдержали, она схватила аппарат, бросила его о пол, крикнув: „Трасца твоей матери — я лячу на работу, а ты, гультай, будешь грать мне песни"... Аппарат разбился вдребезги.

Где здесь корень зла? Корень зла в полноте власти партийных верхов, в бесправии и подавлении беспартийной и комсомольской массы, вынужденной насилием беспрекословному исполнению приказов партийной клики.

Ленин со своей диктатурой над пролетариатом много обещал, мало дал, пришел Сталин. Этот еще больше обещал, но дать ничего не мог народу, — все пришлось брать у него. Брал и так много, что разорили крестьян, миллионы уморили голодом. В добавок ввел ссылку, организовал позорные концлагеря, рабсилой строил социализм.

Но нет ничего вечного на земле. Все изменяется, прогрессирует, благодаря технике, науке, социальным идеям. Не хотят этого знать только большевицкие главари, стоящие у руля правления. После смерти Сталина, коллективное руководство тоже не скупилось на обещания и, конечно, в сравнении с прежними правителями, немного облегчило жизнь — в СССР стали лучше питаться, одеваться и меньше издеваться, чем прежде. В старой суровой музыке слышатся более мягкие нотки . . . Но народ все еще в неволе, над всем господствует партийная иерархия. Она пока не верит народу , держит его в узде.

Комсомол, рядовые партийцы, трудовая интеллигенция, выросшие при советской власти, хорошо знают все это, борятся посильно за полную свободу и права, пытаются высвободиться из партийных свивальников. Партийные секретари и редактора советских газет, думаю я, сознают ненормальность положения, пагубность партийного режима, но они, как шарманка, вынуждены по-лягушачьи кракать ежедневно, подтягивать, навязывать народным массам свои дурацкие рецепты ленинизма.

Народы российские закалились во многолетней борьбе за жизнь. Многие помнят, как при царях с их помещиками, купцами и православным синодом они боролись, горемыкали. Знают цену и советской власти, не особенно церемонящейся с ними. Но теперь другое время. Старое ушло в область предания, безвозвратно, наступило новое время, пред'являющее к ленинизму справедливое

требование о вольной жизни без партийных нянек и диктаторов. Трудящиеся СССР стремятся к полной свободе и равенству — политическому, социальному, экономическому, обещенным Лениным в канун Октябрьской революции в его книге „Государство и революция" без эксплуатации, привилегии, принуждения вплоть — „до отмирания государства".

23. ЖЕСТОКОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

О воровстве и пьянстве в советской деревне и в городах я не думал писать. Этого насчастья полно во всех странах мира. Больше всего в цивилизованных странах. Нищета большинства народов, эксплуатируемых сильными мира сего, с одной стороны; богатство и роскошь незначительного меньшинства, живущего за счет большинства — с другой, давно породили жадность, влечение к деньгам, богатству, роскошной жизни у всех людей. Это безумное любостожательство особенно развито в промышленных странах. Ради достижения земных благ капиталисты используют власть правительств и на законном основании умножают свои богатства за счет эксплуатируемых рабочих, платя за труд гроши, загребая все барыши.

Темы об этих народных пороках, порожденных бедностью многих, касается С. Ломброзо в книге „Преступление" и она меня заинтересовала. И хотя написана в конце прошлого столетия, в эпоху зарождения капитализма, а в русском издании появилась в 1910 году, заставила меня вспомнить, что я видел и слышал о преступном мире, когда был в СССР — самой большой в мире социалистической стране.

Июль. 1934 год. Я в родных краях Белоруссии. Мало сплю, веду разговоры с односельчанами, наблюдаю

за жизнью в деревне. Время напряженных полевых работ. Все взрослое население — колхозники и частники (последних тогда было 40%) в поле с раннего утра, до захода солнца. Чтобы не отрывать хлеборобов от работы, я ежедневно, как цыган, кочую пешком из одной деревни в другую, заглядываю в город Слуцк. По дороге останавливаюсь, наскоро беседую с крестьянами, работающими в поле, говорю им, кто я, они, оглядываясь вокруг с опаской, охотно расказывают мне шопотом о их горьком житье-бытье, не боясь, что я могу выдать властям. Потом сравниваю сказанное с другими разговорами установления реальных фактов.

Моя младшая сестра и семья брата жили в 24 километрах от старшей сестры, еще не вступившей в колхоз. У нее была 23½-летняя лошадь. С матерью поехали к сестре. Ехали три часа. Ночь — темная. Дороги песчаные. Проезжали по проселочной новой дороге через лес и заросли. У меня в кармане были все американские документы.

— Нет ли разбойников здесь, осведомился я у матери.

— Были, сынок. Года два у всех ехавших из города забирали все с'естное.

Я призадумался: с чем я поеду, если потеряю документы? В это время впереди мелькнула лошадь. Я шопотом: скажи — везешь больного от доктора.

— Кто едет и куда? — был вопрос ездового. — Везу больного из больницы, еду домой — был ответ.

— Я еду в деревню Омговичи, заблудился, как туда заехать?

— Два километра назад, поворот направо, вторая хата и будет сельсовет, — говорит мать.

Я посмотрел на ездока: лошадь хорошая, в седле, два кожаных ремня через оба плеча, по бокам — два нага-

на. Незнакомец быстро повернул лошадь и галопом помчался. Это был посланец из города, везший спешные приказы начальству сельсовета. Телефонная сеть была и тогда, но ей, видимо, не доверяли.

В пути мать шопотом рассказала мне, как теперь ночью арестовывают молодых людей, куда-то высылают поездами из города. Я видел глубокой светлой ночью как вели из хаты с узелком кормильца семьи и посадили связанного на воз. Наутро все деревня знала, кого взяли, но гадали — за что забрали.

Для острастки оставшимся, раз летом, из многих деревень, десятские (у каждого числилось 10 дворов) ранним утром согнали всех в поле, прилегающее к лесу; там уже была воздвигнута деревянная платформа. Тысячи крестьян с женами, детьми, поставили в ряды полукругом и громкоговорители об'явили, что кулаки не дают налогов, продналогов, убивают защитников революции по дорогам, что собравшиеся все знают, но скрывают убийц, вредят советской власти. И при этом ставили 10 молодых крестьян на платформу, затем сводили их, приказывали обернуться лицом к лесу и особый вооруженный отряд давал три залпа.

Видя это кровавое и небывалое в белорусской деревне зрелище, многие женщины падали в обморок, рвали на себе волосы, неистово кричали, плакали, протягивая исхудалые руки к небу, моля Всевишнего придти на помощь, спасти невинных людей от расправы во имя какого-то, им непонятного, социализма, советской власти... А сколько умерло людей от разрыва сердца преждевременно при этой вакханалии, — никто не считал жертв сталинского разбоя.

Интересно, отметят ли это „советское достижение" и многие сталинские зверства в юбилей 50-летия сов. власти?..

24. ПИСАТЕЛИ-РЕВИЗОРЫ О ПРИЖИМЕ КОЛХОЗНИКОВ. — РАСПРАВЫ С ПИСАТЕЛЯМИ. — ШОЛОХОВ ТРАВИТ ОПАЛЬНЫХ КОЛЛЕГ

В Союзе Советских Писателей в СССР насчитывается свыше 16.000 писателей. Большинство — партийцы. Имеются молодые писатели, не состоящие в партии. Также имеются писатели, не принадлежащие к Союзу сов. писателей.

Не все писатели пишут книги. Последние в меньшинстве. Большинство же работает посыльными ревизорами по всей стране. Москва получает тысячи писем ежедневно с фабрик, заводов, колхозов, совхозов о злоупотреблениях партийцев. Писателей посылают на места, они производят ревизию, узнают, кто прав, а кто неправ в своих жалобах. По пути даже один писатель со своими секретарями ревизует одновременно несколько учреждений. Возвращаются обратно в Москву, оставляют в известном жалобном учреждении свои материалы, заключения. На досуге же, получая гонорары от газет и журналов, они помещают в них иногда добросовестные статьи, вскрывая обнаруженные мерзости на местах. Пишут они в „Новой мире" — органе сов. писателей, „Литературной газете", в „Правде", в „Известиях" и другой партийной прессе. Тот, кто читает эти и другие советские органы, знает, сколько там злоупотреблений вскрыто и ежегодно вскрывается. А воз все стоит на месте. Злоупотребления не уменьшаются, а увеличиваются. Бюро жалоб в Москве и ревизия начались еще во второй половине 1918 года. И с тех пор ростут и множатся. И не видать им конца.

Где же корень зла? Что заставляет плодить и размножать злоупотребления? И какая борьба ведется с ними? Вначале революции и долго после Октября говорили

и писали, что старорежимники саботируют, вредят, не хотят допустить, чтобы в России был настоящий социализм, чтоб жизнь устроилась на братских началах, как того требовали „отцы коммунизма" Маркс, Энгельс, Ленин. Обещали вырастить и воспитать настоящих коммунистов и тогда будет и подлинный социализм, и коммунизм.

Выросшие после Октября партийцы давно прошли советские школы, ВУЗЫ и ВТУЗЫ, куда принимают только надежных большевиков, вступивших в комсомол еще в юности, получивших даровое казенное воспитание. По мере выпуска, они занимают ответственные посты с высокими окладами жалованья и, как коммунистам, Москва им доверяет. А злоупотребления росли и продолжают расти, множиться.

Новый дом в районном городе.

Почему? Да потому, что на местах отнята у народа всякая свобода критики партийных руководителей. А богатая и привилегированная жизнь даже коммунистов соблазняет — они воруют, злоупотребляют властью, расстроенное предприятие становится убыточным, не дающим дохода государству, не повышается зарплата, продукция разбазаривается. (Об этом пишут с мест жалобы в Москву, а по их следам едут ревизоры).

Прежде, когда заведующими были не-коммунисты, их часто наказывали штрафом тюрьмой, конфискацией имущества. Когда же эти безобразия стали совершать коммунистические руководители государственными предприятиями, наказания уменьшились: их переводят с одного места на другое, давая возможность и там обманывать, красть государственное добро, восстановляя этим народ против социалистического государства.

Кроме того, сама же эта дурацкая система — без организации и нужного контроля на местах, порождает головотяпство, кражи, разбазаривание общественного добра.

Расправы с писателями

Многие писатели-коммунисты видят это зло, посильно борются в печати. При Сталине это строго запрещалось. Хрущев немного развинтил гайку. Теперь писатели не только ревизируют, но и пишут о злоупотреблениях, давая всем возможность знать, что делается в стране.

Но и ревизирующие подвластны, за ними следят услужливые стукачи, их выдают „бездарные" (некоторые) молодые писатели-карьеристы, обвиняя в нарушении партийности. Они давно подкапываются под талантливого поэта-писателя и многолетного редактора журнала

„Новый мир" А. Твардовского, желая занять его место. Декабрьский и январский номера были задержаны, вышли с опозданием, двух лучших сотрудников сняли, А. Твардовского потребовали в Президиум Писателей для об'яснения.

О преследовании советских писателей резко говорит в своем докладе Белорусских писателей (13 мая, 1966 г.) молодой талантливый писатель (бывший активный партизан) В. Быков, автор замечательной повести „Мертвым не больно" („Новый мир" номер 1-2, 1966 г.): — Увы, плохо нас читают в ЦК, а если и читают..., то чтоб в этом тексте, семь раз просеянном через различные сита, найти какую-нибудь крамолу и с детским восторгом выставить ее на собрании „смотрите, вот какие мы бдительные".

В том докладе, зная повадки цензоров, он говорит, что своей грудью в партизанских рядах в прошлой войне показал, что был лоялен советской власти и таким же остался... Он, например говорит, что „в сельском хозяйстве уже минуло то время, когда председатели колхозов назначались в райкомах и привозились на отчетное собрание в облике знаменитого „кота в мешке". Теперь колхозники голосуют с большим выбором и большим разбором. А мы, писатели, по словам В. Быкова, до сих пор не имеем права, даже на таком форуме, как с'езд, выбрать президиум и председателя нашего человека".

А еще смелее и рисковнее о цензуре пишет советской писатель А. И. Солженицын четвертому Всесоюзному с'езду советских писателей 16 мая, 1967 г.

„Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века..." пишет А. И. Солженицын и требует удалить цензоров над издевательством литературы... „Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов

принять и смерть", — заканчивает свое письмо А. Солженицын.

Шолохов травит опальных коллег

При Сталине не церемонились с писателями. Многие из них покончили с собой или погибли в ссылках — Гумилев, Маяковский, Есенин, Зощенко, Я. Купала и другие. А что сделали позже при Хрущеве с петроградским поэтом Иосифом Бродским? Судили, как „тунеядца", якобы не работавший „никогда", хотя жившего скромно на гонораре за переводы поэтов и запрятали его на пять лет в колхоз возить „навоз". Не помогли даже просьбы и протесты молодых писателей Ленинграда.

А какой расправе подверглись в начале 1966 года писатели А. Синявский и Ю. Даниэль за то, что послали свои повести в заграничную русскую печать! Их судили, дали каждому по пять лет каторжных работ, несмотря на их преклонный возраст. Не помогло и заступничество 62 московских видных писателей (К. Чуковский, И. Эренбург, Л. Славин и др.), желавших взять их на поруки, ходатойствовавших об этом перед Президиумом писателей и Президиумом 23 с'езда компартии.

В. Тарзиса выпустили за границу без права возвращения как умалишенного.

Я был на читке собственных повестей В. Тарзисом и убежден, что он далеко не „умалишенный". На мой вопрос, почему его выпустили за границу, а А. Синявского и Ю. Даниэля послали на каторгу, был ответ:

„Меня признали умалишенным, а судить таких нет закона в СССР, и меня потому и выслали за границу без возврата на родину".

Придирались много раз и к поэту Евтушенко. Он дважды побывал в США в 1966 году и публично читал свои

стихи, может быть и грустные, но уж, конечно, не антисоветские.

Любимец Сталина, Шолохов, к его стыду, сказал, что в другое время обвиняемые получили бы больше (читай при Сталине. Д. Г.), чем теперь за „измену" родине, то есть посылку статей в заграничную печать. Шолохов, обогатившийся на гонорарах, готов удушить своих коллег-писателей, осмелившихся критиковать его кремлевских божков.

25. МЕХАНИКА КОЛХОЗНОГО АППАРАТА

Старшее колхозное поколение все еще вздыхает о добрых старых временах — ленинских хуторах, сельскохозяйственных артелях на добровольных началах без вмешательства начальства, существовавших несколько лет до сталинской коллективизации. Колхозы и совхозы, как казенные предприятия, особенно популярностью не пользуются: панские городские выдумки, непроизводительны, убыточны-один с сошкой, а семеро с ложкой.

Но и старички не против механизации-машины облегчили тяжелый крестьянский труд. Беда лишь в том, что слишком обирают деревню налогами, хлебозаготовками, все для прожорливого городского брюха, тяни лямку, а зубы на полку, довольствуйся „обецанками" (обещаниями).

Молодежь имеет смутное представление о прошлом, думает, что иначе нельзя все устроить, но, конечно, и не против улучшения. Осуждают жестокости Сталина, ошибки Хрущева. Угон крестьян Сталиным, как рабью силу, обложение оставшихся небывалыми на Руси налогами — все еще живо в памяти у многих и о Сталине вспоминают, как о жестоком тиране и несчастьи для крестьян. Хрущев снял эту тяжелую тяжесть с крестьян. Но он имел слабость ко всему анормальному, большому,

крупному, особенно к тучным руководителям колхозов и совхозов.

От его укрупнения колхозов и совхозов получился один конфуз, большой убыток для государства, новое руководство поспешило восстановить прежнее положение, и стало немного больше хлеба. Увеличили доли сена буренушкам частников (при Сталине и Хрущеве воровали общественное), дали пенсии старикам, открыли колхозные базары, нет и недостатка в обещании будущих благ.

Колхозный социализм — это сдельщина (из-за недоверия к крестьянам), мелочный учет вплоть до аптечных весов не только в торговле, но и в распределении кормов для скота. Доярки доят коров машинами, руками, ведут записи здаваемого приемщику молока, а последний записывает от кого, сколько, когда поступило продукта, для каждой — отдельная запись. Развешивается сено,

На молочной ферме колхоза.

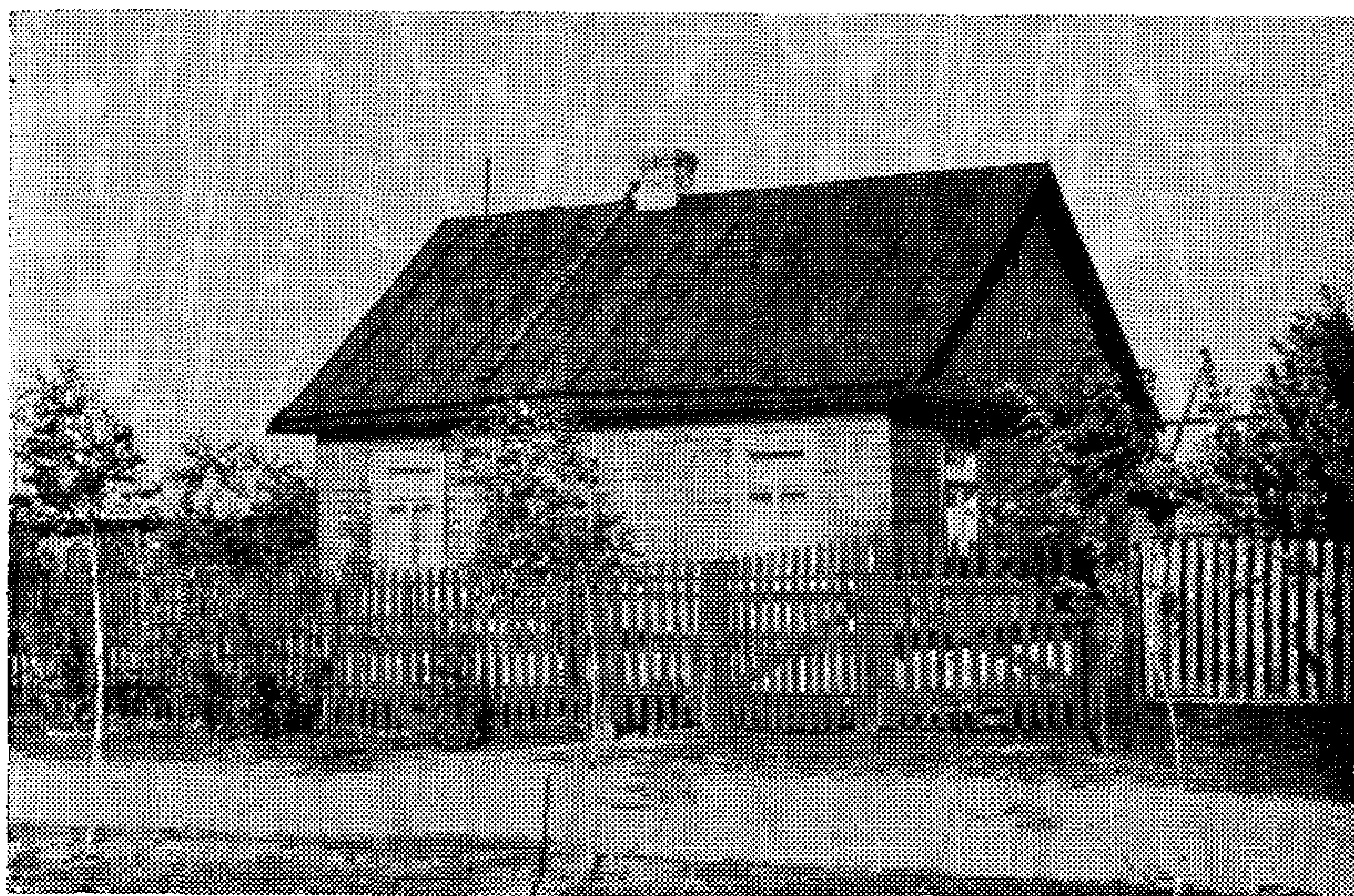
мука, кормящими коров: на 160 коров два кормовщика, один приемщик молока — все пишут, учитывают, контролируют, а доярки присматривают за этими архаровцами, чтоб не обвесили, не обидели их буренушек, иначе получится меньший удой, заработок снизится.

Бригадир все записи принимает, заводит в книгу и первого числа каждого месяца сдает в контору колхоза на учет. Он же берет из общего склада сено, муку, солому для подстила (на ней экономят, дается мало из-за боязни нехватки кормов зимой). Ежедневно бригадиром, с оформлением документа, молоко сдается доставщику в маслобойню в таких же металлических бидонах, как в США. Привозят расписку о сдаче молока и сыворотку — белая водица для свиней. Все это заводится в книгу бригадиром трижды в день — всюду учет, подсчеты, контроль, чтоб, чего доброго, буренушка не надула государство на литр молока.

Бригадир глядит в оба, чтоб кормовщик, беря сено наугад, не перебрал и соломинки, мука же отпускается определенной меркой. Рабочий день кормовщика — 9-10 часов (3½ часа в три смены). Столько же работают и доярки, а бригадиру требуется еще больше времени на запись всего. Бригадир ответственен за содержание скота, сохранность кормов. Солома остается в стогах в поле, сено тоже, и только часть оставляется у коровника. Коров подкармливают соломенной сечкой с мукой. В коровниках — автоматические баки для варки картофеля, вода из артезианских колодцев 100-метровой глубины (325 футов). Словом, большая заботливость о коровушке, которая все еще немного отстает от своих буржуазных подруг.

Полевая продукция — зерно, лен, овощи, фрукты и прочее записывается, сдается в контору. Правление колхоза разрабатывает посевной план, а бригадирам да-

ются указания для его выполнения: один отвечает за сад и огород, другой за зерновые посевы, третий — руководит уборкой, покосом. Из-за обширности площади посевов, на полях устраиваются складочные помещения в 2-3 местах. Словом, начальство постановляет, руководит, а контора пишет: стучат на счетах, подсчитывают, регистрируют, записывают колхозные дамы со средним образованием, полученным за счет казны, и пристроившиеся к колхозному пирогу — все смотрят, чтоб мужичок не дремал, шевелился, не оставил начальства без хлеба насущного.

Новый дом в деревне.

26. ЛИХОИМСТВО. — АВАНТЮРЫ КОЛХОЗНОЙ БЮРОКРАТИИ

„Я не знаю, зачем
Я примчался сюда . . .
Новый свет ваш совсем —
Ад кромешный труда".

Об одном из таких молодцов-председателе колхоза „Рассвет" Кировского района, Могилевской области, К. П. Орловском, с большой похвалой отзывается секретарь Белорусской компартии К. Т. Мазуров, ныне даже повышенный в должности („Правда" 12 января 1962 года): г-н Орловский на сооружение здания колхозной школы отвалил из „собственного сбережения" 20 тыс. рублей. И никто из начальства не заинтересовался тем — не слишком ли много „зарабатывает" этот председатель колхоза, и, может быть эти купеческие заработки следовало бы немного ограничать, чтоб у рядового колхозника оказалося более ценный трудодень. К. Мазуров расхвалил, смазал своего любимщика-председателя вместо того, чтоб немного умерить его аппетит.

Но все это, пожалуй, мелочи в сравнении с другой, подобной же историей, на Алтае, в которой „героем дня" оказался председатель колхоза „Луч Востока" В. В. Дидковский, перещеголявший могилевского Орловского (уж не родственники, не одного ли они поля ягоды?). Дидковский, как говорится, хапнул совсем не по чину: 50 тыс. жалованья в год — масштаб прямо американский. От него немного отстал бухгалтер Авсиевич — 40 тыс. жалованья в год.

В с. хоз. артели „Луч Востока" — 190 коммунистов — они тоже не остались в обиде: распределили 6,5 миллиона дохода от торговли „крепкими винами и даже самогоном" („Правда", 14 января 1962). В этой же артели

и, конечно, не без покровительства руководства, какой то жулик Фурсов и его торговый „штат" обокрали колхоз на 290.961 р. „на незаконных оценках овощей и фруктов".

Неудивительно, что трактористы стали требовать прибавки, а Н. Хрущев в одной из своих сибирских речей урезонивал их: жалованье ваше — выше учительского или врачей: 40 р. в месяц учителя в 1-4 классах, до 86 р. — в старших. В Нью Йорке же — 6 тыс. долл. в год, в СССР — 480-500 р. В 1963 году на образование в СССР — 4 миллиарда рублей — меньше 1/20 госбюджета — гораздо меньше, конечно, сравнительно с затратами на партийных кормленщиков, бюрократов, иностранных приживальщиков и прочие авантюры.

Продукцию по пятилетке — зерно, мясо и другие изделия, по установленной государством цене, колхоз сдает

Солигорск. У клуба строителей.

району под расписку, а от него получает заказанные по оптовым ценам машины, приобретаемые в расрочку платежа, погашаемого в конце года. Раз в месяц появляется районный бухгалтер для ревизии книг, копается в бумагах, отчетах, вынюхивает, сверяет, подсматривает, чего-то ищет, кого-то подсиживает, выискивает воображаемых расхитателей казенного добра, лихоимцев, вредителей.

На весь этот бюрократический фискальный розыскной аппарат тратится изрядная часть колхозного труда — официально до 16%, а всего с самого начала значительно больше, и колхознику уже на трудодни остаются крохи с барского стола. Верно, труд колхозника при машинизации значительно облегчился, но плодами ее пользуются не те что с сошкой — полевод на свои трудодни выганяет 250-300 р. в год, а те, что с ложкой, вернее — с черпаком, выуживающим из колхозного котла самые лакомые куски, загребают двойные, тройные, а то и повыше оклады жалования.

Расточительство в совхозном хозяйстве

Совхозное хозяйство, по своей организации приближается к фабричному предприятию, возглавляется директором под наблюданием партийной бюрократии. В общем в нем орудуют специалисты, а само предприятие пользуется особым попечением государства, не жалеющего затрат на его процветание. Директора, как и на фабрике, делают все, что хотят. Бригадиров нет, один-два эконома, как прежде у помещика, управляют всей работой. Слабый контроль, воровство, расточительство и т. д.

Когда Н. Хрущев немного присмотрелся к хозяйствованию в совхозах Ленинградской области, то оказалось,

что в совхозе „Сосновая горка" (1.633 га земли в обработке) „земля загублена, ничего не дает, даже не оплачивает расхода на обработку" (Московская речь Н. Хрущева, „Правда" 10 декабря 1961). Ленинградский совхоз „Возрождение": пашни 2.407 га. В 1960 году убыток 146 тыс. рублей; в 1961 г. — 212 тыс. р., а в новосибирской речи 26 ноября 1961 г. экс-генсек заявил, что отдача в сельских хозяйствах Алтайского края, Тюменской области, Красноярского края и т. д. настолько никчемна, что „это, знаете-ли, только секретарю обкома и председателю облисполкома на калачи хватит, да и то не на весь год" (смех, аплодисменты). Иначе говоря, сельское хозяйство почти всей Восточной Сибири работает в убыток государству.

А что можно ожидать в будущем?

В связи с предстоящим 50-летием советской власти в 1967 году заговорили о вступлении в эру коммунизма, о новых встрясках в советской деревне, превращении колхозов в совхозы. Пойдет ли новое руководство на эти новшества в условиях и без того тревожного времени? Как будто незаметно порывов в этом направлении.

Неожиданно занялись совхозным хозяйством, и в появившихся в „Новом мире" статьях в результате ревизии совхозов происходит как бы переоценка ценностей. Оказывается, — славны бубны за горами, а на поверку вышло, что эти государственные имения во многих случаях не оправдали себя, убыточны, гнездо бюрократизма: „семь начальников управляют семью работниками" (ташкенская речь Н. Хрущева, „Правда", 19 ноября 1961); „84 ветеринарных врачей, животных не лечат, а разрабатывают директивы, как лечить" (его же целиноградская речь, „Правда", 24 ноября 1961). В Омской области часть валков подобрали со снегом и льдом, превра-

щая в грязь, не вымолачивая до 30-40% зерна. Потом эту смесь отправили на заготовительный пункт, как пшеницу, которая еще ранее была „продана" государству, и на нее уже выписаны квитанции.

„К 3 ноября на Коломзинский пункт поступило более 700 тонн такой „смеси" — управление заготовок стало смешивать ее с сухим зерном — сожгли несколько електродвигателей, выведена из строя механизированная линия" (он же в новосибирской речи, „Правда" 29 ноября 1961).

В Крымской, Вологодской и многих других областях выявилось отставание совхозов от колхозов по производительности и, таким образом, еще раз подтверждено преимущество хозяйственного мужичка в сравнении с советским директором, который, по словам все того же бдительного экс-генсека, больше заботится об устройстве своего отпуска на курорте, чем о производительности труда, прыбильности своего предприятия.

А вот еще статейка „Арсенал плодородия" А. Бесчетвертева, бригадира колхоза „Победа" Ставропольского района („Правда", 11 ноября 1965), завывшего благим матом от партийной безхозяйственности, бюрократии, обычно топчущейся на одном месте в канцеляриях, сковывающей хозяйственную инициативу колхозников: „Будь у нас приличные дороги, справились бы с этим делом на 20 машинах (вывозка зерна на элеваторы), а то едва-едва управляемся на 80-ти, находимся в плену у бездорожья. И не только в пору дождей трудно ездить по здешним дорогам.

„До элеватора ехать далеко, и все по ухабам да ямам. Как безхозяйственно эксплуатируются машины! Сходила в рейс — ни рессор, ни тормозов . . . Весной и осенью, примерно, 3-4 месяца в году, находимся в плену у бездорожья . . . За 10 лет наш и соседние колгозы столько по-

теряли, что на эти средства могли бы построить хорошие дороги...

„До сих пор в Поволжье, хлебородной стороне, нет крытых токов. Зерно из бункера высыпается прямо на землю и лежит под открытым небом... Колхозные тракторы, комбайны, сеялки хранятся также под открытым небом. Их моют дожди, засыпает снегом... Сами высыпаем тысячи тонн зерна прямо в поле, содержим под открытым небом дорогую технику"...

Трудно вообразить себе подобный способ хозяйствования где либо в другой стране нашей планеты!.. Это было, скажет читатель, давно. — Это я видел почти во всех колхозах (девяти) недавно, летом 1966 года. Машины стоят без прикрытия на дворе.

В гостях у школьников.

27. ЭКОНОМИКА КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ

Коллективизация деревни („Сталинское разорение") началось 17 ноября 1929 года специальными отрядами сталинцев — „25-тысячников". Восемь миллионов голов. (Проф. С. Н. Прокопович „Народное хозяйство СССР" 1952, Н. И.). Много кровушки было пролито, много жизней загублено... Но колхозы (37.000 в 1965 г.) и совхозы (10.075) все-таки завели, они укрепились.

Что же собой представляют эти государственные коллективные предприятия? Советские экономисты оказались изобретательнее помещиков, придумали более сложную, замысловатую, выгодную для государства систему эксплуатации труда колхозников.

Колхозы — это государственные деревни с совместной обработкой земли, общим коллективным хозяйством. Бывшим хозяевам наделов оставили в условном пользовании (выработка установленного минимума трудодней) лишь приусадебные участки в тридцать или сорок „соток" гектара (около акра) с домом, пристройками, на которых колхозники ведут крошечное личное хозяйство — единственный след от уцелевшей прежней крестьянской собственности.

Советское государство не только фактический хозяин бывшей помещичьей, крестьянской земли, оно в одном лице — помещик и царь. Искушенный в диамате Ленин ловко закомуфлировал партийный тоталитаризм, немного подкрасив диктатуру заманчивыми лозунгами, обещаниями, придав советскому государству видимость „народной демократии".

Советская жизнь сверху донизу пронизана этой игрой в „демократию". Всеми колхозными делами верховодят, конечно, партийцы, но и в колхозе соблюдается ленинский ритуал — все как будто бы совершается „по воле народа".

Колхозников тащат на собрания, ведут с ними разговоры, дискуссии, одобряется годовое задание поставок, выполнение которого, если оно чересчур завышено, а цены занижены, может посадить их на голодный паек. Они же поднятием рук „избирают" Правление колхоза (13 человек), председателя, другое сельское начальство, предложенное, разумеется, руководством, начальством из района, а то и повыше.

Колхозник может пошуметь, покритиковать соседа, донести на него (доносы поощряются даже на родных), но осуществляющее политику правительства руководство — не тронь, иначе дадут по рукам. Все, не отвечающее видам начальства — от лукавого, воспрещается — деятельность колхозников свободна лишь в пределах, указанных властью.

Инициатива, свобода действия поощряется в тех, случаях, когда она направлена на осуществление поставленных колхозу заданий: колхозник может расшибиться в плошку в соревновании на работе, при перевыполнении плана, но не погладят по головке того, кто задумает усомниться в целесобразности заданий, в непогрешимости руководства — государство, мол, представляет народ, важно, чтоб оно процветало, было богатым, сильным, а если труд плохо оплачивается, то это делается в интересах всего народа, то есть для блага же колхозников и им нельзя протестовать против самих себя.

За поставленную государству продукцию оно расплачивается по им же установленным, выгодным для казны, ценам без предварительного соглашения, торга с колхозниками: после войны, например, в 1940 году за кило пшеницы правительство платило около 10 коп., а пшеничную муку продавало по 13 рублей кило — ничего себе гешефт (Проф. С. Прокопович), и оно здорово наживается на торговле с деревней по завышенным ценам, —

словом, мужичка не балуют, помаленьку стригут, чтоб слишком не зазнавался, не обуржуазился.

В урожайные годы у государства полны закрома хлеба, а в неурожайные — оно тоже выметает из амбаров колхозное добро, и колхозником же приходится своим горбом, карманом расплачиваться за капризы погоды, неурожаи и всякие ошибки безответственного руководства.

Ознакомление с колхозной жизнью в Минской и Брестской областях (я посетил девять колхозов, конечно, укрупненных, сравнительно благоденствующих) происходило, разумеется, при содействии руководства, снабдившего меня статистическими данными об их экономике. Вот, так сказать, официальная версия колхозной жизни:

Средняя годовая выработка колхозника — 400 трудодней, колхозницы — 300. Оплата трудодней — полугодовая — деньгами и натурой, и она, конечно, не во всех колхозах одинаковая: в зависимости от урожая, выработанных трудодней, а главное — от выручки за поставленную государству продукцию, оплачиваемую, разумеется, по ценам, установленным самим покупателем (государством) — неслыханная вещь в капиталистических странах!

Колхозное руководство и некоторые категории специалистов на месячном жалованьи: оклад председателя колхоза — 90 трудодней (примерно в три раза выше рядового колхозника). Бывают председатели с более высокими окладами, у них „газик", то есть казенный автомобиль с шофером, которого нет даже у хрущевского приятеля — американского фермера — миллионера Гарста). Такой же почти месячный оклад (80 трудодней) агронома, землемера, врача, учителя; жалованье бригадира, шофера, механика — 60 трудодней.

В некоторых случаях применяется сдельщина, например, выдойка машиной 18 коров (три раза в день), а руками — 12 коров — трудодень доярки. Очистка зерна машиной-автоматом — от тонны. Тракторист или комбайнер на свой трудодень должен скосить урожай или вспахать поле (пятилемешными плугами) в 16 гектаров (40 акров в день).

Легче всего достаются денежки колхозным пастухам (вот уже действительно — из грязи прямо в князи): они зарабатывают в течение года 700-800 трудодней (почти председательское жалованье!). Им многие завидуют, но в пастухи не идут: трудодень пастуха с 6 ч. утра до 9 ч. вечера (15 часов) с передышкой 2-3 часа во время дойки коров, тогда они отдыхают или летом возятся на своих огородах.

Экономическое положение трех осмотренных мной колхозов представляется в следующем виде (официальные данные):

Колхоз „Россия" — две большия деревни, 18 поселков, 2 тысячи душ населения, 3 тысячи гектаров земли (7½ тысяч америк. акров). Под зерновыми — 50 процентов пашни, кукурузой — 100 га, садом — 6 га, огородом — 12 га, картошкой — 14 проц., сахарной свеклой — 7 проц., льном — 8 га. Инвентарь: 6 тракторов, 4 комбайна, 1 кукурузный комбайн, 12 коммерческих машин, 16 иной марки легковых коммерческих машин, 1 легковая, 150 лошадей, 360 дойных коров, 20 телок, 40 убойных коров, 18 телят, 1 бык, 6 бригадиров. В колхозе имеются две мельницы, 2 лесопилки, 2 бакалейных магазина, больница на 16 кроватей, два клуба, две библиотеки, начальная и средняя школы, 320 учеников, 16 учителей, 2 бани.

2) Колхоз Дзержинского: — 18 деревень, 5.900 душ. Трудоспособных — 3.112, летом работает — 4.000 чело-

век, 7 тысяч га. земли, 13 бригадиров. Инвентарь: 37 тракторов, 45 гусеничных, 13 прицепных, 8 зерновых комбайнов, 4 кукурузных, 4 молотилки, 3 льняных, 27 автотроков, 5 молочных и др., одна бензиновая автомашина, три легковых, одна пожарная.

Под кукурузой — 240 га, зерновыми — 50 проц. пашни, 1.200 коров, 2.000 молодняка, 400 лошадей, 3 тыс. свиней, 300 маток, 600 овец. В колхозе 7 клубов с библиотеками (12 тыс. книг), в каждой деревне школа и бани, две мельницы, 2 мастерские, 4 продовольственных магазина, строят Дом Культуры, парк, в нем памятник Дзержинскому, двухэтажная контора и прочес.

3) Колхоз имени Кирова: 8 деревень, 2 тыс. душ, 6.070 га земли (пахотной 3 тыс. га), 150 лошадей, 37 грузовиков, 21 трактор, 8 комбайнов, 4 силосовых машин, 6 картофелекопалок, 6 землероек, 2 легковых машины, одна тыс. коров, 3.500 свиней, 38 убойных коров, 25 телят, бани и клубы в каждой деревне и прч.

Центр колхоза — дер. Козловичи, она асфалтирована, в ней много новых кирпичных домов городского типа. Средняя трехэтажная школа, 429 учеников, 27 учителей, ремесленная школа, библиотека, клуб, кино и проч. В домах газовые плиты, у многих радио, во всех деревнях 150 телевизоров, девять бригадиров.

Все три колхоза механизированы на 90 процентов. Один рабочий обслуживает одну тысячу свиней, доярка машинами доит 18 коров три раза в день. Средний удой от коровы — 3.260 литров. Годовой оборот трех колхозов 5.780 тыс. рублей. Колхозник обратывает 4,7 га земли в году. (10 америк. акра). Н. Прокопенко „Курс на рентабельность", 1966, Минск. — В общем небольшая нагрузка на одного колхозника.

За первое полугодие 1966 года колхоз „Россия" уплатил на трудодень 1 р. 50 коп. деньгами и натурой — два

кило зерна, три кило картошки. В колхозах Дзержинского и Кирова оплата трудодня выше — 1 р. 84 коп. и натурой тоже больше, чем в „России' — лучшая земля, урожаи, прибыльнее хозяйство.

Колхозные сады и огороды (не личные колхозников) занимают большие площади: стройные ряды плодовых деревьев, тщательный уход, хорошая отдача. То же самое с огородами: выращивают огурцы, помидоры, фасоль, морковь, капусту и проч.

В последние годы колхозы летом ежедневно доставляют фрукты и овощи свежими на городские колхозные базары. Таких базаров имеется по два в каждом районном городе, а в областном — Минск — пять.

На базаре собирается около пяти тысяч продавцов и покупателей, торгующих с 8 ч. утра до 6 ч. вечера, шесть дней в неделю, седьмой же, понедельник — выходной, на базаре пусто, торговля идет только в некоторых государственных лавках по сторонам базара, торгующих мануфактурой, конфетами, сельтерской водой.

Прежде колхозных базаров не было. Товары залеживались, портились, цены были высокие, теперь же они понизились (цены устанавливают сами колхозники), продукты свежие, горожане довольны.

Базарные цены: помидоры кило — 35 коп., огурцы — 35 к., лучшие сорта яблок и груш — 35 коп., средних — 25 коп. Поставляют колхозники свою продукцию и на городские консервные заводы, но цены там казенные, низкие: лучший сорт яблок и груш — 25 коп. кило, смесь — 10 коп. (кило — 2½ фунта).

Цены в городских и колхозных (государственных) магазинах: ржаной хлеб — 14 коп. кило, ситный — 15 к., белая булка — 20 к., свинина — 1 р. 80 к., сало — 2 р. 20 к., десяток яиц — 70 коп., кило говядины — 1 р. 20 к., сливочное масло — 3½ р., свежая рыба — 70 коп.,

колбаса — 2 р. 30 коп., говяжая печенка — 1 р. 30 коп., маргариновое масло — 1 р. 44 к., куриное мясо — 2½ р., поллитра молока (2½ чайных стакана), — 20 коп. Колхозы продают молоко и колхозникам и государству — 16 коп. литр.

Продаваемые колхозниками на базаре яйца — 1 рубль десяток — дороже на 30 коп. продаваемых государством, но они свежие, а в государственных лавках залеживаютса. Колхозы выполняют задание по мясозаготовкам, сбывая государству свой скот, свиней, птицу. Цены на одежду, обувь в государственных лавках выше английских, канадских, американских, но товаров достаточно, выбор большой; отсутствуют шерстяные изделия.

У входа в колхозный Дом культуры.

28. РАЗНОБОЙ В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИКИ

В то время, как в Белоруссии экономику в колхозах изображали в радужных красках — сравнительная высокая зарплата, полная и даже сверх-обычной нормы (270 дней) занятость, видимо, в лучших образцовых хозяйствах, — более авторитетные официальные источники в оценке колхозного благополучия по стране далеки от восторгов.

В обстоятельной статье Ю. Черниченко „Помощник-промысел" („Новый Мир", август 1966 р.), посвященной затруднениям в колхозной жизни, — главным образом проблеме занятости в колхозах — миллионы безработных колхозников, особенно в зимнее время — и возможностям использования этой огромной резервной рабочей силы, — автор ее ратует за возрождение когда-то прибыльного, доходного, но запрещенного сталинцами, промысла, кустарничества.

Выясняются довольно пикантные подробности хозяйствования колхозной бюрократии, подавления инициативы, предоприимчивости хозяйственного мужичка, чтоб „не дать забогатеть" ему, но все это — особая тема.

„Сельское население страны, — информирует Ю. Черниченко, — составляет 107, 5 миллиона человек, из работающих в общественном секторе села 70% — колхозники . . . В среднем по стране трудоспособный колхозник занят в общественном хозяйстве 197-199 дней в году; это составляет лишь 73-74% годового фонда рабочего времени, так как за норму обычно принимается 270 дней.

„Хуже всего используются сельские ресурсы труда в колхозах юго-запада Украины. Центрально-Черноземного, Северо-Кавказского и Волго-Вятского районов России, в Белоруссии, Молдавии, Азербайджане. Если в 1963 г. в РСФСР средний трудоспособный колхозник

отработал 241 человеко-день, колхозница — 182 дня („полевод", то есть рядовой колхозник лишь 140 дней), то в Армении эти показатели соответственно 207 и 138, в Молдавии — 189 и 124, в Азербайджане — 187 и 121, — чем гуще население в районе, чем лучше его возрастной состав, тем хуже занятость.

„Главная причина в сезонности затрат труда. В июле 1964 года по Союзу работало 24.381 тысяча колхозников, ими выработано 498 миллионов человеко-дней. В декабре данные соответственно: 14.934 тысячи человек, 278 миллионов человеко-дней. В среднем, за минувшее пятилетие зимние затраты колхозного труда в половину меньше летних, **9,5 миллиона колхозников зимой оставались без работы.**

„Не могли в меру сил трудиться и пенсионеры, а их 14 миллионов ... Местами и временами, верно, не хватает рабочих рук, но в большинстве артелей (данные статистики это неопровержимо доказывают) есть значительные резервы труда".

Зарплата колхозников (цифры Ю. Черниченко): „В российских колхозах председатель артели в 1964 году за человеко-день 7.22 р., агроном — 4.35 р., бригадир — 3.01 р., тракторист — 3.83 р., животновод — 2.28 р., а занятый в полеводстве — лишь 1.79 р. Средняя годовая зарплата по перечисленным профессиям соответственно: 2.223 р., 1.270 р., 933 р., 844 р., 733 р. 345 р.

„... В зависимости от экономики колхозов зарплата председателя колебалась в пределах 1.746-3.064 р., тракториста — в границах 651 и 1.116 р., а „полевода" — между 172 и 614 рублями ... Аппарат управления в артелях пока многочисленный, его содержание в 1964 году по колхозам федерации обошлось в 16% фонда оплаты труда".

29. МИФ БЕЗРАБОТИЦЫ РАССЕИВАЕТСЯ

Избыточное сельское население, разумеется, ищет приложения своего труда на стороне (безработица, плохие заработки в колхозе), и особенно молодежь, возбужденная заманчивой пропагандой, стремится в города в силу материальных, карьеристских соображений: 7-часовой рабочий день, более легкая, лучше оплачиваемая фабричная работа или госслужба, возможность выдвинуться по партийной линии.

Но и в городах, по признанию Ю. Черниченко, искатели лучшей жизни натыкаются на затруднения: „Из сел Псковский области в четырнадцать ее городов за 1960-1963 гг. ушли 26.8 тысяч человек, и удивительно точное совпадение: в этих 14-ти городах теперь 26.8 тыс. человек нетрудоустроенного населения". Иначе говоря, ушедшие из деревни тысячи ненужных ей людей не устроились в городе, остались там на положении безработных.

„По расчетам экономистов, — замечает г. Черниченко, — „поглощающие" возможности промышленности на ближайшие 10-15 лет очень ограничены: поточное автоматическое производство понизило среднегодовой темп прироста числа рабочих вдвое по сравнению с предвоенным временем... Московский автокомбинат, например, где использовалась новая система планирования и стимулирования, сразу же сократил число работников на семь процентов. Так поступают и на других предприятиях"...

Еще, значит, рассеян один миф хваленой планированной экономики — СССР догоняет, а, может быть, уже превзошел капиталистические США и в безработице. Большевики вечно кололи глаза капиталистам неисчезающей безработицей: „У нас, мол, нет безработицы".

На фальш подобных протензий указывал, в числе других, и югославский опальный коммунист Милован Джилас (в книге „Новый класс", Нью Иорк): „В коммунистической экономике отсутствие безработицы означает **скрытую безработицу** (теперь уже советчики заговорили о ней официально). Нужда, в которой живут все граждане, прикрывает безработицу некоторых из них точно так же, как нобычное развитие некоторых секторов экономики прикрывает отсталость других секторов".

Отставание, торможение, огромные потери в сельскохозяйственной экономике СССР происходят, по мнению М. Джиласа, „оттого, что коммунисты суеверно боятся крестьян и производят ни с чем не соразмерные капиталовложения в тяжелую промышленность, а плановое советское хозяйство таит в себе **анархию особого рода.** Несмотря на свой плановый характер, это хозяйство едва ли не самое расточительное, какое когда-либо существовало" — не в бровь, так сказать, а прямо в глаз...

И в статье Ю. Черниченко множество примеров подобного разорительного, вредительного хозяйствования советской бюрократии. Сталинцы, например, ликвидировали колхозный промысел, кустарничество, монополизировав консервное производство. И вот результат: „С делом не справились, год за годом гибло много добра. В 1963 году, согласно годовым отчетам, колхозы скормили 36,4 тонн плодов и ягод, потеряв на том 120 миллионов рублей. Это в стране, которая импортирует фрукты.

„Кроме того, скоту же стравилось около 1,2 миллиона тонн овощей, то есть 22% от сдаваемого государству... сфера потребления недополучила громадную массу ценностей", — сетует г. Черниченко, и он же, ссылаясь на экономистов, запрещенную сталинцами промысловую продукцию, оценивает в **восемь миллиардов руб-**

лей, — крупная потеря для колхозной деревни. Теперь, конечно, спохватились, возрождают промысел, но деревне причинены миллиардные убытки, покрить их некому — вредители наследили и в кусты.

30. ГРАНДИОЗНЫЕ СКАНДАЛЫ В ИНДУСТРИИ

В промышленности тоже разразился грандиозный скандал: „К середине прошлого года скопилось „лишних” товаров народного потребления на 2½ миллиарда рублей” (Статья П. Волина „Продиктовано жизнью”, „Новый Мир”, октярбь 1965 г.), то есть выбросили на рынок громадное количество никому ненужного брака, обобрали страну на миллиарды рублей.

Раздосадованный П. Волин ополчился против централизма, планщиков, наговорил много горьких слов: „Из Москвы всего не охватишь. Зачем же тогда брать на себя задачу столь же непосильную, сколь и неразумную: распоряжаться всем и вся до последней капли, не допуская никакой самостоятельности на местах”. ... Святая истина, г. Волин ... Даже анархия производства больше не пугает его, он ратует за децентрализацию, успокаивает встревоженных плановиков, бюрократию тем, что в капиталистических странах обходятся без планирования, и что „капиталисты вполне уживаются с анархией производства и чувствуют себя при этом совсем неплохо” ... Вот куда г. Волин поворачивает накренившийся советский корабль ...

31. НЕРЕНТАЛЬНОСТЬ СОВХОЗОВ

Кризисное состояние сельского хозяйства, как когда-то сталинский искусственный голод на Украине, — в результате хрущевской болезни элефантизма (гигантизм), его бестолковых комбинаций, перетасовок, переделок

экономики, — принудило новое руководство более внимательно приглядеться к совхозным хозяйствам (с.-хозяйственные фабрики), долженствовавшим, по мысли создателей, урбанизировать деревню, покончить, с остатками пугающей марксистов „деревенской буржуазной стихии", преобразовать сельское хозяйство на коммунистических началах.

Совхозы укрупняли, в последний раз, во время сталино-хрущевского владычества (1953-1954), оттяпали 1/3 колхозной земли („Сельская жизнь", 8 октября 1965 года), их щедро субсидировали, насыщали техникой, в общем не жалели крупных затрат на процветание этих государственных имений, а многочисленная совхозная бюрократия не могла не пожаловаться на трудности жизни в привилегированном положении: высокие оклады жалованья, короткие часы работы, автомобили, путевки, даже полевых работников обеспечили гарантированной зарплатой с коротким рабочим днем по примеру городских рабочих.

Казалось бы в совхозах созданы благоприяные условия для процветания, обильных урожаев, высокой доходности. Фактически же в совхозах повторяется знакомая в прошлом картина разорения, угасания прежних барских имений, поставленных в прилегированное положение. Оказывается, люди погибают не только от плохой, но и хорошей жизни — подобных примеров немало и в буржуазной Америке, но не о том теперь речь.

Вспомним лишь, что до революции, несмотря на то, что помещики (100 тысяч человек — меньше полумиллиона душ с семьями) владели не менее 1/3 лучшей пахатной земли, но из товарного хлеба на экспорт (свыше миллиарда пудов из общего урожая в шесть миллиардов пудов в урожайные годы) крестьяне поставляли 78% — не по добру конечно, а принужденные высокими налога-

ми (крестьянин платил 40 коп. с десятины, помещик — 21 коп., удельная земля (царская) — 12 коп., иначе имущество продавалось с молотка, разорялось хозяйство. (Проф. М. Покровский „Русская история в самом сжатом виде”, Москва 1926 г.).

При прощупывании советскими ревизорами совхозов оказалось, что хозяйничающие в них бюрократы ведут себя по-помещичьи: разгульно, расточительно, а не так, как подобает заботливым, старательным землеробам, кровно заинтересованным в своем хозяйстве, вкладывающим в него свою душу. Громоздкая совхозная машина как бы вертится вхолостую, нерантабельно, во многих случаях в убыток государству, или с ничтожной отдачей на капитальные вложения.

В статье Г. Лисичкина „Гектары, центнеры, рубли” („Новый мир”, сент. 1965 г.) приводятся примеры подобной бесхозяйственности совхозной бюрократии: „В 1963 году совхоз „Большевик” произвел в расчете на 100 га с.-хозяйственных угодий в два с лишним раза меньше валовой продукции, чем колхоз „Дружба народов”, а в 1964 г. — в полтора раза меньше. На 100 га угодий у колхоза в полтора раза больше рогатого скота, а коров — почти вдвое.

„Та же тенденция в других сопоставимых хозяйствах Крыма. В Вологодской области — то же самое: совхозы, несмотря на более высокую техническую вооруженность, получают с каждого га земли меньше валовой продукции, чем колхозы”. И вот почему: „В совхозе „Большевик” день с 8 утра, но лишь к 9-ти человек добирается в поле, а часов в 5 уже можно кончать, идти домой. В „Дружбе” же особенно летом, работы начинаются в 6 ч. утра и до 8-ми, а иногда и больше”. . .

Рачительный председатель колхоза оправдывается: „. . . в жизни люди боятся чаще не того, как бы не пе-

реработать, а ищут, как бы заработать". В совхозе же „общество вынуждено оплачивать не только действительно полезный труд, но и тот, что вложен в овощи, которые сгнили в совхозе", скот, который пал по недосмотру". Комментари, как говорится, излишни.

32. МНОГО ЗЕМЛИ, А ХЛЕБА НЕ ХВАТАЕТ

Но вот парадокс: в стране, по словам проф. В. Ключевского, равной 20-ти Франциям по одной только территории Европейской России (90 тыс. кв. миль, более 400 миллионов десятин), превосходящей почти в три раза США земельной площадью, — не может быть речи о нехватке земли. Земли много, чересчур много, — а хлеба не хватает.

В чем же загадка земельной недостаточности? Проф. С. Н. Прокопович („Народное хозяйство СССР", Нью Иорк, 1952) об'ясняет: 10 миллионов кв. километров (47% территории ССС) — непригодная для пахоты мерзлота. На юге России — около 10 тысяч кв. миль — маловодная, безлесая степь. Только под болотом три миллиона десятин в Озерной области (Новгородская, Архангельская, Олонецкая, Тверская губернии). Два миллиона десятин болот на Полесье (О смежных частях Гроденской, Минской, Волынской губерний).

Площадь песчаных заносов в Европейской России проф. В. Ключевский определяет в 2½ миллиона десятин с лишком, и она ежегодно возрастает на 1% — приблизительно 25 тыс. десятин превращаются в овраги, заносятся песков, заболачиваются и т. п. Угодий для хозяйских надобностей в СССР сравнительно не так уж много: по вычислению проф. Прокоповича — 4.370 тыс. кв. километров, из них 21,9% в Европейской России (в 1939), а по всей стране — 6,5%.

Зато огромны, неисчерпаемы природные ресурсы СССР — они мало еще исследованы, слабо эксплуатируются. Одного леса 100 миллионов десятин — 64% лесной площади Европы и 60% в Азии — ведь русский человек „лесовик", а московское государство возникло в пущах. Ежегодный экспорт леса проф. Ключевский оценивал в 57-58 миллионов рублей, достигший в 1913 году 164.900 тыс. рублей. (С. Либерман „Дела и люди" Н. И. 1944 г.).

В общем, как будто бы нет оснований для пессимистических прогнозов экономического будущего СССР. Даже невполне благоприятные суровые климатические условия, по мысли проф. С. М. Соловьева (1820-1879), должны послужить ко благу русского народа: „Природа более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего в возбужденном состоянии, а природа роскошная усыпляет деятельность как телесную, так и умственную, но все-таки москвичи в зимнее время, как птицы небесные, стремятся на юг, в теплые края.

Как бы, однако, не относится к нынешнему кризисному состоянию в СССР, главное средство лечения деревенского недуга — в самом крестьянстве и колхозах, а не в таких тепличных созданиях, как совхозы и другие бюрократические учреждения. Дело даже не в об'еме земельной площади в СССР — всем хватит земли, — и не в агрономии — болезнь советского сельского хозяйства скорее всего — политическая, в отсутствии „промысла" (в смысле смекалки), в пагубных последствиях догматизма, бюрократизма и т. п.

Человек без свободной инициативы, душевных порывов уподобляется существу, лишенному пищи, воздуха, движения, не может развиваться, процветать, жить полной жизнью, он обездушен. Всех этих присущих живому существу качеств лишили русского крестьянина, вы-

вернули у него душу наизнанку, превратили в искусственного робота. У русского крестьянина издревле высоко развито чувство взаимной помощи, кооперации, содружества. Без этого он прозябает, как растение без влаги.

Раскрепостите деревню, дайте крестьянину вздохнуть свободно, не мешайте ему, и он покажет чудеса: расчистит запущенные государством поля и луга, прибавится пахатной земли, увеличится урожай хлеба, не придется закупать за границей и СССР сможет своими излишками кормить, как и прежде. — Европу и даже Азию. Дайте только крестьянину право хозяйствовать на родной земле без чьей либо указки, опеки, принуждения, обрабатывая землю артелью, общино, на колхозных началах или даже в индивидуальном порядке, и тогда Матушка-Земля вознаградит своих пахарей обильными плодами.

Старый дом колхозника.

33. ЧТО ГОВОРЯТ ЦИФРЫ? — РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ

Рыночные цены в СССР очень высокие. Заработная же плата низкая. И по ним можно судить о жизни в СССР. Кроме хлеба, транспорта и квартир все с'естное, одежда, обувь и другие предметы домашнего потребления стоят очень дорого.

Пища: кило черного хлеба — 14 коп., белого — 15 к., десяток яиц — 1 рубль (свежих на базаре), десяток яиц в сов. магазинах — 70 коп. (но они не свежие), на колхозных базарах кило хороших яблок и груш — 35 к., мясо в сов. магазинах и на базарах: кило свинины — 1 р. 80 к., сало — 3 рубля, говядина — 1 р. 20 к., колбаса — 2 р. 30 к., говяжья печенка — 1 р. 30 к., маргариновое масло — 1 р. 44 к., сливочное масло — 3½ рубля, куриное мясо — 2½ рубля, молоко ½ лтра (2½ чайных стакана) — 20 коп.

Государство платит колхозам за литр молока — 16 коп. Колхозники, не имеющие своих коров (и такие имеются), платят за молоко в своих колхозах ту же цену, что и государство. Кило сахару — 36 коп., картофеля — 16 коп. Средний сыр — 1 р. 25 коп.

Старая (8 лет) корова — 350 рублей, молодая (три года) — 500 рублей. В среднем надой молока в день три литра (15 кварт).

Одежды, обувы и фабричной материи в магазинах везде полно. Но цены астрономические. Особенно лучшего качества. Пара мужских или женских ботинок — 18-30 рублей, мужской костюм — от 50 до 80 рублей, женский — 35-70 рублей, мужские чулки — 60-76 коп., женские — 2-3 рубля, найлоновые — 4-5 рублей, женское платье — 35-50 рублей, метр (39 дюймов) фабричной материи — от 3 до 6 рублей, белая мужская рубашка — 5 рублей, галстук — 2 рубля. В общем цены на обувь

и одежду — много выше английских, канадских и американских. И качество их ниже заграничного.

Средний радиоапарат — 60-80 рублей, телевизор — 350 р., швейная машина — 65 р., холодильник — 200-350 рублей, легковая машина („Волга") — 3.400 рублей, „Москвич" 2.600 рублей, малого размера легковая машина — 900 рублей.

Средняя заработная плата полевого колхозника и рабочего в совхозе — 2½ рубля за восьмичасовый день, уборщицы улиц в районных городах — 45 р. в месяц, чернорабочего на льняных, сахарных, макаронных и др. фабриках — 60 р. в месяц, колхозного механика — 3½ рубля в день, председателя колхоза — 4½ рубля, шофера легковой машины в колхозе — 3½ рубля в день, тракториста — 3 р. 75 коп., бригадира — 3 р., сельского учителя — 70 рублей в месяц, сельского бухгалтера — 70 р., агронома — 85 р., землемера — 70 р., колхозного пастуха — 50-60 р. в месяц, доярки — 70-90 рублей. И пастухи и доярки работают круглый год. Доярка доит 12 коров при ручной работе, машинами — 18. Удой производится три раза в день летом и рва раза зимой. В среднем работают 10 ч. в день. В лучших механизированных колхозах к денежной плате за трудодень выдается натурой по два кило ржи и по 2-3 кило картошки. В отсталых колхозах, имеющих худшую землю и меньше машин, получают меньше и деньгами и натурой. А в некоторых — натурой ничего не выдают.

Плата в совхозах, подобно фабричной или заводской, месячная — 60-70 рублей и больше. Пенсия у совхозных рабочих — 35-45 рублей в месяц. Пенсия в колхозах — 12 рублей. Большинство приусадебных участков у колхозников и рабочих в совхозах, остались у них. Но Н. Хрущев, накануне своего ухода, отобрал их у многих. Приусадебные участки имеют: председатели колхозов,

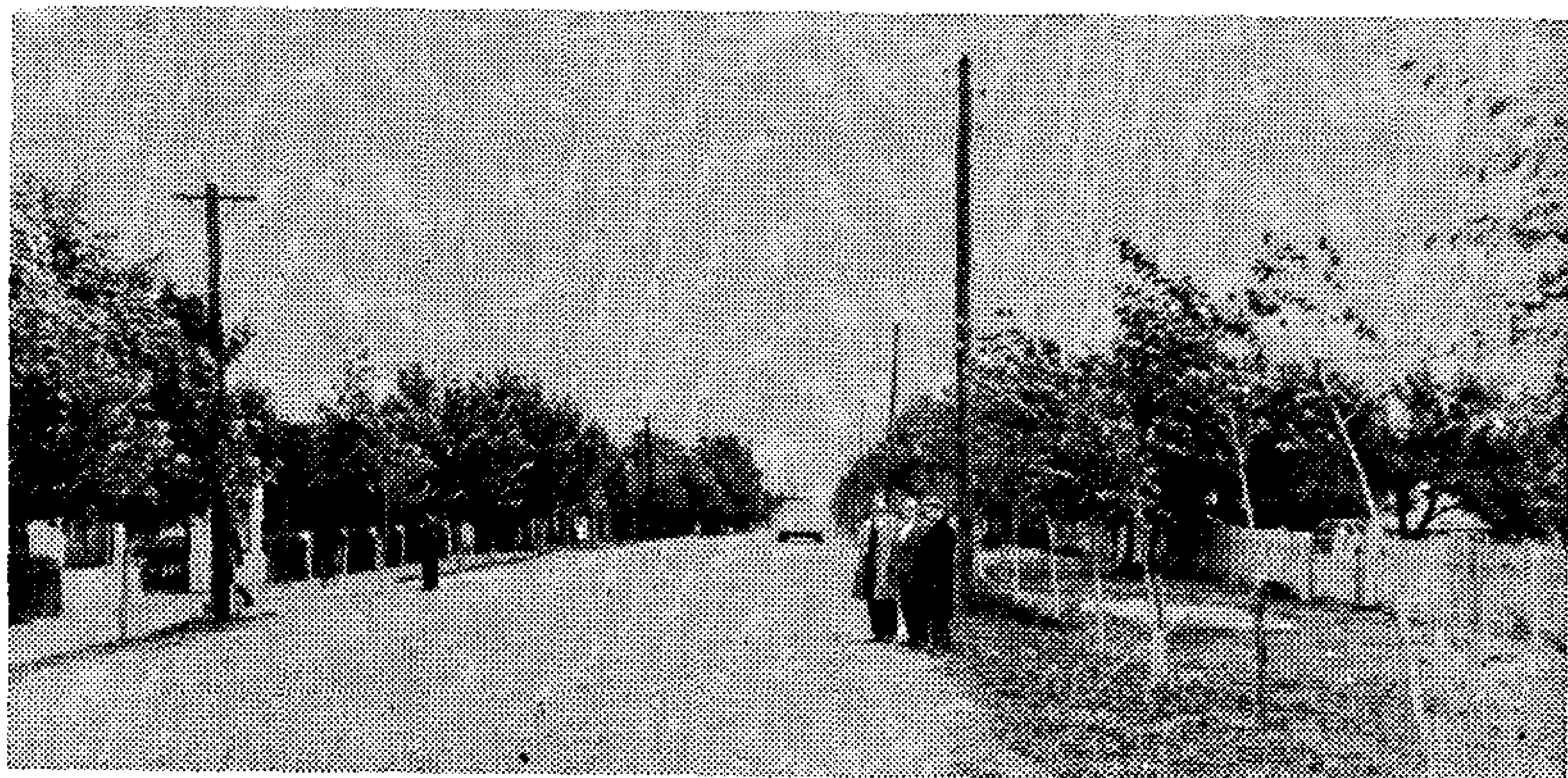
бухгалтеры, агрономы, учителя, заведующие школами. Даже у горожан подальше от центральных улиц сохранены небольшие огороды и сады при каждом доме собственников-горожан.

Вдобавок все — и горожане, и колхозники и совхозники — имеют небольшие участки в поле, недалеко от приусадебных в деревне.

На каждом приусадебном участке — от 10 и больше плодовых деревьев. Остальную землю используют под огород, картошку, зерновые, клевер для корма коровы. Хороший хозяин снимает три раза клевер.

Яблоки и груши сушат для компота, продают на базаре и государству на консервные заводы, отбросы и худшие сорта идут на корм корове и свиньям.

В большой деревне Василинки, в трех километрах от Слуцка, где пока незамощенные, пыльные улицы пересекающие на крест разросшуюся деревню, как в городе, — сплошные сады с богатым урожаем, доходящие до 50-ти плодовых деревьев в каждом. Кроме выгоды, сады в деревне так же служат украшением усадьб и деревни.

Улица д. Козловичи, асфальтирована.

34. ПОДСТЯГИВАНИЕ. — КОЛХОЗНЫЕ БОЛЯЧКИ

Деревня живет под все усиливающимся нажимом государства: давай больше хлеба, давай больше с. х. изделей, еще разок подтянись. Так твердит радио советское ежедневно летом. Газеты тоже требуют подтянуться, собрать поскорей с поля, не отставать и прочее. А отстающих на денек-два — требуют подтягнуться выполнить задание...

Трудодни то не особенно жирные, а мясо, одежда, обувь дороже американской. Платят же столько в месяц, сколько в США зарабатывают в неделю.

Правда, хлеб дешевый (в 5½ раза дешевле американского и лучший), квартиры и налоги тоже ниже американских. За проезд из Ленинграда через Витебск в Минск я уплатил около 11 рублей, на самолете в Минск — 15 руб., в Москву — 12 р. В деревне гостили сибиряки — трехдневный полет обошелся 50 р. в одну сторону. Бесплатное обучение, лечение в больницах и на дому, все это — хорошо.

Строят города, фабрики, заводы — тоже не заберут с собой большевики в могилу, как достался потомству и построенный Петром Великим крепкий каменный Петроград, успешно защищавшийся от немцев. А ведь град Петра обошелся в 270 тысяч мужицких жизней, ну, а большевики еще опередили этого крутого царя на одной только стройке Балтканала. А в Сибири? Сколько там полегло деревенских людей в тундрах, в вечной мерзлоте, на новостройках?! Зачем эта бешенная спешка?

Конечно, бедствия военные, сталинщина, коллективизация вредно отразились на физическом состоянии народа — нынешнее поколение хилое, болезненное, не долговечное — 40-60 лет и уже жизнь молодая клонит-

ся к закату. Множество алкоголиков — просто народное бедствие. Продолжительность жизни алкоголика — 40-47 лет. Осеротелые дети с отцовскими пороками. Работа под опекой партийных нянек, лишение хозяйственной инициативы. Принудительный труд. Политика кнута и пряника. Не скупятся на обещение. Каждая пятилетка обещает горы добра. Руководства, специалисты, не обижены в смысле земных благ, а трудящимся — обглоданная кость. Главки и спецы знания — то получили на народные денежки, а высокими своими окладами жалованья обирают трудящихся, получающих мизерную зарплату, а цены на товары в магазинах одинаковые для всех.

Капитализм начала 19-го столетия!

Даже в 1964 году побывавшая в СССР итальянская профсоюзная делегация (16 человек всех фракции) не могла не отметить в своем коммюнике после возвращения домой, что „итальянские рабочие меньше работают, лучше питаются, живут в лучших квартирах, зарабатывают больше у капиталистов, чем советские рабочие в социалистическом государстве". Подписавшего это коммюнике секретаря партии исключили. Мол, коммунист не должен сравнивать жизнь при капитализме с жизнью в советской России, — говорить правду.

Слуцк. Новая улица Пионерская.

35. РАБОТАТЬ СТАЛО ЛЕГЧЕ, ЖИТЬ — ТРУДНЕЙ

Спокон веку мужик
О земле привык думать —
Привык долго не спать —
С петухами вставать.

В. Ильин

Опыт моего наблюдения показал, что при машинизации колхозов и совхозов крестьянин меньше и легче работает, чем прежде. Но получает в среднем мало, особенно если у него слабая нетрудовая жена, малые дети. Промыслы у Крестьян Хрущев отнял, запретил. Приходится жить только на трудодни. А их полевой колхозник мало вырабатывает, живет бедно.

И если даже имеет молоко от своей коровы, сало, яйца, кур, то купить для себя и семьи одежду, обувь представляется затруднительным. Для школьников-детей требуется приличная одежда, фабричная материя и полушубки очень дороги. Вот здесь то и все горе колхозника и рабочего в совхозе. Меньше ртов — лучше питаются, больше ртов — живут в проголодь.

В Белоруссии еще уцелел один жалкий промысел: некоторые колхозники плетут коши (корзины) для уборки картофель и мастерят березовые веники для подметания двора и хаты. Но это делают только немногие пенсионеры: за неделю и только в четырехнедельный сезон кустарь срабатывает 4-5 штук, и в воскресенье продает их в районе на базаре по 1 р. 50 коп. В бытность мою пастухом 60 лет назад я ухитрялся сплести два днем и третьий, принеся материал, дома вечером, всего 18 кошиков в неделю. Тогда было больше лозы, ракиты. Теперь многие болота очищены, осушены и ракиты мало.

Прежде школ не было, дети помогали в хозяйстве. Теперь дети мало помогают, больше требуют, идя в шко-

лу. Школы бесплатные, но одеть детей нужно. Когда же посылают их в средние школы, в город, расходы на них еще больше возрастают. Квартиру, пищу дает государство. Но проезды, кино, одежда и обувь — за счет родителей. Я видел таких крестьян, которые, сами будучи неграмотными, предпочитали жить (и живут) впроголодь, чтобы дать своим детям образование. Но многие из них даже не закончили семилетки, вынуждены оставить школу, и помагать родителям в хозяйстве.

О колхозах, утечке живой силы в города в советской печати много пишут. Об этом говорили в деревнях Минской и Бретской областях. Колхозами и совхозами пренебрегают, их путь скользкий. Города застраиваются за счет деревни. Этого не скрывает советская печать, хотя осторожно касается этого больного вопроса.

Крестьянина обидели. Создав колхозы и совхозы, у него отняли инициативу, душу, превратив в автомата без порыва, стремления устроить свою жизнь по-человечески. Крестьянин стал простым винтиком государственной бюрократической машины.

Многие советские писатели знают это, но не многие пишут об этом при удобном случае, когда делают ревизии о злоупотреблениях в сельском хозяйстве, им разрешается немного писать о болячках советского крестьянина, пролить крокодилову слезу в адрес бедствующего мужика.

Писатель Б. Можаев написал интересную повесть „Из жизни Федора Кузькина" („Новый мир", № 7, 1966 г.), в которой справедливо описал борьбу одного крестьянина с большой семьей, жившей впроголодь в колхозе и решившей уйти в город на лучшие заработки, куда никого из колхоза не выпускали.

Федор Кузькин, по прозвищу Фомич, тайно ликвидировал свое крошечное хозяйство и переехал с семьей

в ближайший город. Там его скоро нашли, угрожали судом, но не судили: большая семья спасала его. Фомич доказывал, что прокормиться в колхозе ему с семьей нельзя и он ни за что не вернется в колхоз. — Теперь там бригарирам да всяким учетчикам платят много, а таким, как Фомич? Как же может быть в таком колхозе всем хорошо?"

36. ЗАПУСТЕНИЕ ЗЕМЛИ. — ОСУШЕНИЕ БОЛОТ

По пути из Ленинграда в Минск, наблюдая из окна вагона пейзаж, всюду бросались в глаза огромные площади лесов, кустарников, заболоченных мест песков, наступающих на пахотные поля, а в колхозной деревне поразили дремучие леса, знакомые мне еще с детства, а от Второй мировой войны пошли все разрастающиеся поросли, кустарники — очевидно бедствия войны, занятость людей человекоистреблением помогли превращению пахатной земли в дикое поле, которое не приносит никакой прибыли, и даже летом не служит пастбищем для скота. Спрашивал я колхозников, их руководителей — почему не выкорчевывают эти кустарники, не осушают заболоченных мест, не борются с песками, чтоб иметь бльше пахотной земли, больше хлеба.

— Нет времени, не с кем корчевать. Машин не хватает. Молодежь уходит в города на лучшие заработки. Ежегодно двухпроцентная убыль деревенского населения. Больше теперь нельзя сделать, чем делается. Правды то они и не сказали: нет у колхозов фондов сделать эту работу.

Это поземельное разорение, разбазаривание пашни навело меня на размышление: зачем Хрущеву нужно было молодых землеробов гнать на целину с ее короткими летом, суховеями, эрозией, со всеми трудностями

выращивания хлеба в условиях казахстанских степей (об этом неоднократно писалось в журнале сов. писателей „НовыйМир”), тогда как здесь, в Белоруссии, с ее умеренным климатом, дерново-подзолистыми, торфяно-болотными почвами, с вегетационным периодом в 200-205 дней (юговосточный район) и 185-195-дневным (восточный район), с обилием осадков, сносными путями сообщения, можно было бы, с малой затратой средств, техники, труда добиться бльших результатов отдачи на капитальные вложения, чем на целине с ее капризами погоды, отдаленностью от главных центров страны, трудностями освоения степи и т. д.

Ведь в Белоруссии уже теперь эксплуатируются нефть, калийные соли, используемые для минеральных удобрений, завозимых в отдаленные уголки страны. В недрах ее — пока еще нетронутые запасы светильного газа и прочие природные богатства. Почему бы не использовать все ресурсы, богатства тут же, на месте вместо того, чтоб охотиться на журавля в небе на целине?

Осушение болот. — Запущение пахатной земли

Советская пресса часто указывает на свои бригады по осушению болот и превращение их в пахотное поле, дающее прибыль. Верно, существуют бригады, их посылают на осушение болот и чистки рек, которыми богата Белоруссия.

В Пинских краях, например, издавна существует много болот и рек, покрывающих большую площадь земли. Польша, владевшая пинскими болотами 25 лет, осушала ежегодно до десяти процентов. Московские заправилы утверждают, что они осушают еще больше Польши.

В СССР, конечно, по мере сил, осушают болота. Я видел это в родных краях. Там многие болота с дикой тра-

вой, покрытые лозой и кустарником, осушены, превращены в луга с двумя покосами в году. Но многие канавы давно занесены илом, задерживающие поток воды, требуют чистки, углубления. А по обоим сторонам канав растут и ширятся кустарники, занимающие большое пространство.

В 1934 году, на обратном пути из России, я остановился в Польше, ездил много раз по полесской жел. дороге Брест-Пинск, где, кроме пинских болот, много болот, прилегающих к ж. д. линии. В 1937 году от станции Жабинки до местечка Иванова осушены были почти все болота. Особенно велики болота кобринские. За три года их осушили, превратили в хорошие луга.

Болота — то сов. власть осушает. Но что она делает с заросшей лесом и кустарником пахотной землей? Ничего не предпринимается, нет кому и нет чем корчевать. И огромные лучшие поля, прилегающие к осушенным болотам, заросли и никто их не чистит. По моему наблюдению, в посещенных нескольких районах Минской и Брестской областей, поля покрылись кустарником и даже местами до двадцатипяти процентов, не дают прибыли и даже непригодны для пастбища. Очищенные луга покрыты у многих местах широким кустарником. Пастбища тоже.

Осенью, в бесснежное время, зимой и ранней весной, полевые рабочие не заняты, могли бы расчищать заросли. Но они лишены инициативы — земля не их, а казенная. Казна же не отпускает средств на очистку и заросли ежегодно расширяются, сгущаются, местами становятся непроходимыми даже для скота. На осушенных болотах канавы заваливаются, покрываются кустарниками, и его никто не корчует. Везде и всюду безхозяйственность, на которую я указывал районным властям, возившим меня из одного колхоза в другой по моему желанию. Все

молчали, словно в рот воды набравши. Может быть стыдились, что им говорил бывший с детства корчевщик лугов и лесов.

Я им говорил, что занимался этой работой с отцом. Старший из них даже не выдержал и сказал: „хорошо было бы, чтоб вы написали о том, как вы корчевали луга и леса". Я, конечно, немного написал и об этом, но нигде не похвалил правящую власть и мое писание, как и следовало ожидать, не увидело света.

И это еще раз выявляет незнакомство советской власти с сельско-хозяйственной жизнью деревни. Это были чиновники средних лет, люди, рожденные в городах, деревни не знающие и довольствующиеся тем, что другие хлепопашцы сделают. Они, как партийцы, шаблонно выполняют инструкции партии, задания центра. Их к этому приучили. Больше ничему лучшему не научили и они без указки свыше — ни шагу.

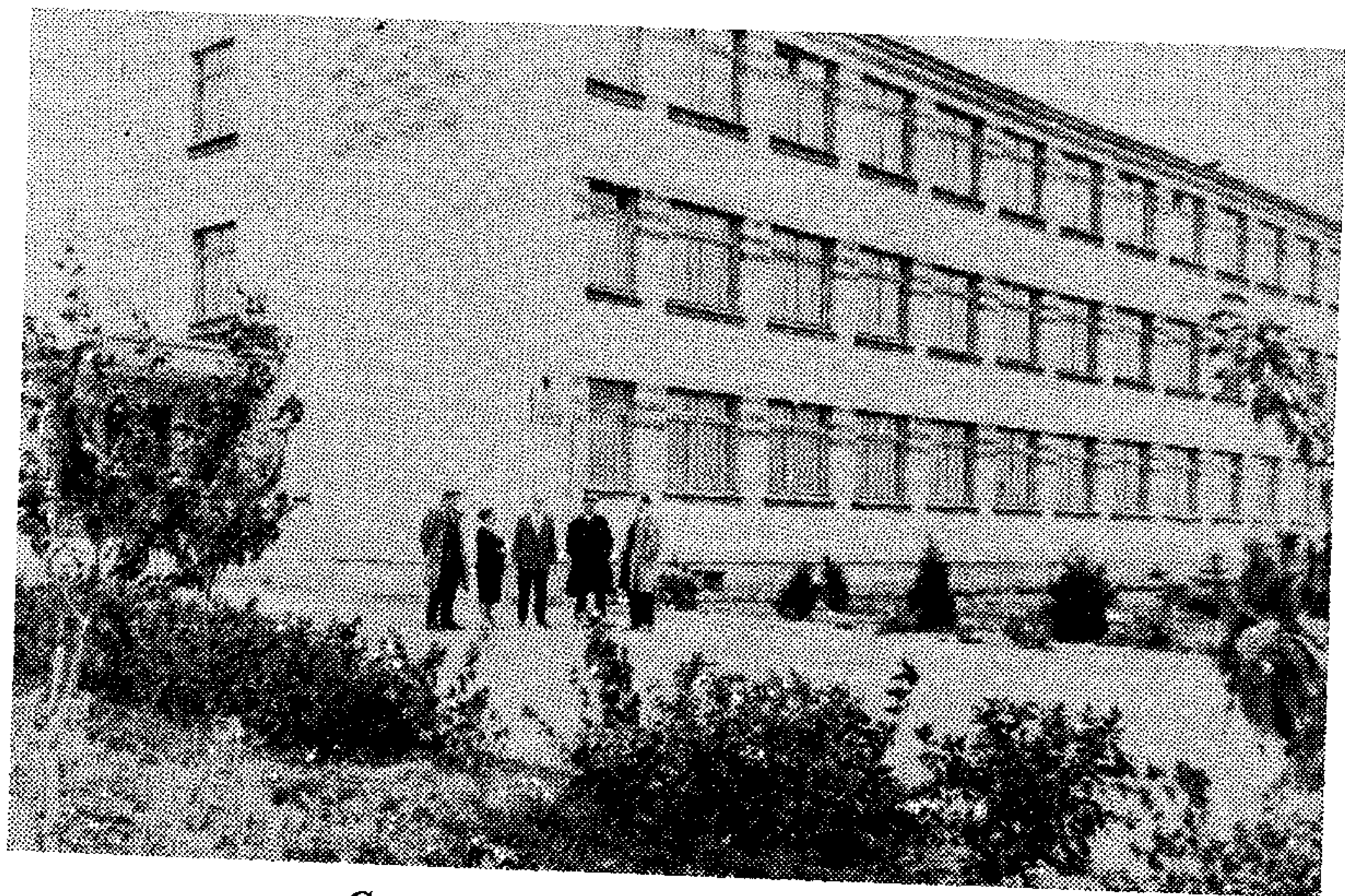
Не знание — не порок. На ошибках мы учимся, говорил Н. Ленин. Пора бы и его последователям признать свои ошибки, начать действовать безоглядки, не прикрывая свое безделье бумаготворчеством.

Эта новая советская буржуазия поставлена только руководить народом, править им, как плохой пастух, скотом. Им внушди, что советская власть дала крестьянину лучшую жизнь, чем была при царизме, что крестьянин больше теперь зарабатывает, легче работает, больше имеет.

С ними, не знающими прошлого, мне трудно было спорить: теперь колхозник зарабатывает в день около 2½ рублей, раньше он, в том числе и автор этих строк, работая у помещика косцом или с плугом в поле, зарабатывал 60 к. в день. Но тогда и селедка стоила две-три копейки, а теперь 30 коп., сапоги — семь рублей, а теперь такие сапоги — 40-50 рублей, ботинки — пять руб-

лей, а ныне 30 рублей, десять яиц — 15 коп., теперь — один рубль, сливочное масло фунт — 30 коп., ныне — 1 рубль 40 коп., (2½ фунта (кило) — 3½ рубля(, метр фабричной материи — 16 к., сегодня же — 3½ рубля, хлеб теперь дешевый, но в пять раз дороже довоенного времени, корова прежде — 50 рублей, теперь — 450 рублей и т. д.

Если колхозник потеряет корову, на покупку другой нужно работать целый год. Вот теперь и рассудите сами, когда было лучше и когда стало хуже.

Средняя школа в д. Козловичи.

37. ХРУЩЕВ СВИХНУЛСЯ НА ИГРЕ В ДОГОНЯЛКИ

Я снова здесь и жадным взором
Гляжу на ширь родных полей.
В. С.

В родной деревне я обошел колхозное поле, полюбовался посевами на огромных площадях колосившейся ржи. Поля, сады, огороды и даже хрущевская кукуруза, довольно рослая, порадовала сердце бывшего селянина — урожай получился выше среднего, значит колхознику не придется горевать, думать о предстоящих затруднениях.

Завел я беседу со стариками-колхозниками, а потом и с колхозными руководителями, преимущественно молодежью, учителями колхозных школ и узнал, что урожаи и прежде были лучшие и худшие, чем в этом году. Были в стране и засушливые годы, недороды. Все это бывало еще в дореволюционное время, а почему то Россия не покупала, а продавала свой хлеб за границу. А вот три года назад стали закупать крупными партиями заграничный хлеб, расплачиваясь золотом из своего тощего казначейства.

Некоторые из моих собеседников сделали удивленное лицо (советская печать, разумеется, не рекламировала это „достижение"), отрицательно покачивали головой. Но когда я сослался на цифры закупок в 1963 году — 239 млн. бушелей канадской пшеницы, в 1965 г. 187 млн. бушелей, в 1966 г. 336 млн., и накануне моего от'езда в СССР (23 июня 1966 г.) — 200 тысяч тонн французской пшеницы (и это, конечно, не все, что было закуплено за границей), то изворотливые колхозные коммунисты стали заверять меня „что закупки производятся по коммерческим соображениям, а не для голодающего Советского Союза.

Они проявили в отношении меня свойственную к туристам осторожность, бдительность, но потом немного присмотревшись ко мне, убедившись, что я не американский соглядатай, и знаю о советских делах более, чем они предполагали, стали со мной откровеннее, поведали мне об „об'ективных" причинах этого неприятного явления.

В пассиве СССР — революция, гражданская междоусобица, две мировые войны, сталинский погром сельского хозяйства, ударническое головотяпство на стройках и прочие прелести сталинского культа личности, обессилившие страну, подорвавшие экономику, ресурсы.

Во всех этих потрясениях, передрягах, потеряли множество молодежи, падкой на приключения. Пахать землю не было кому и нечем. Ленин спас положение, ухватившись за столыпинские хутора, дав наделы крестьянам. Хлеба стало больше, страна ожила. Но Ленин умер, а его преемник Сталин, желавший перещеголять своего учителя, вздумал одним взмахом покончить с „крестьянской мелкобуржуазной стихией": началась принудительная колективизация, загоняли крестьян в колхозы и совхозы, как скот, не имея для них ни опытных руководителей, ни нужной техники — ее и сейчас еще не хватает, сталинские болячки все еще не изжиты. Обрушились ссылки на принудательные работы, раскулачивание, уход молодежи в города на стройки, деревню обирали, товаров не было, колхозник жил впроголодь.

Грянула Вторая мировая война, страшная, губительная, ввергшая деревню в пучину новых бедствий. И тут пришлось подставить плечи, выстоять, выдержать напор, чтоб отбиться от жестокого врага, грозившего захватом страны, уничтожением „подчеловеков".

Война окончилась счастливо, колхозы ожили, но снова, как из рога изобилия, обрушились неслыханные бед-

ствия: в спешном порядке проводилась индустриализация, заграничных кредитов не получали, и бремя строительныех затрат взвалили все на того же мужичка: обложили непомерным налогом сады, свиней, коров, кур, поросят, цыплят и т. д.

На стройках не хватало рабсилы, хватали без разбору здоровых людей, отправляли на принудительные работы в Сибирь, в Нарым или куда вздумалось. Население устрашали чистками, бессудными расправами, чтоб оно было послушным, покорным, не вздумало противодействовать маниакальным замыслам диктатора. Страна превратилась в кладбище. И вдруг снова прояснилось — не стало Сталина.

Появился Н. Хрущев, немного ослабивший удила: прикрепленные к станку городские рабочие получили свободу передвижения, городским старикам — пенсии, многих ссыльных вернули с принудительных работ, но не всех; свободнее вздохнули в колхозах — приусадебные участки, освобождение от тягостных налогов, стало больше хлеба, можно было уже жить.

Но лавры „отца народов" не давали покоя его наследнику, которому вздумалось превзойти своего учителя: вместо сталинской пятилетки появилась хрущевская семилетка: претенциозная, фантастическая — обогнать Америку, занять первенствующее место в мировом хозяйстве. В теории, на бумаге, все выглядело превосходно.

Стали снова нажимать на деревню. Послали на целину полмиллиона комсомольцев, тормошили колхозников: „Давай больше хлеба!", но деревня еще не оправилась от сталинского разорения, фашистского опустошения, поля были запущены, урожаи — низкие из-за нехватки навоза, минеральных удобрений, плохого технического оснащения, а Хрущев на собраниях вопил: „Давай! Давай! Плохо работаете, лодыри, больше заняты лич-

ным хозяйством, чем колхозной работой, богатееte, обуржуазились! Отберу приусадебные участки!" Тут уж одна смелая колхозница не удержалась, выпалила: „Без усадеб голодные колхозники разбегутся!"... А Хрущев все нажимал. Чтоб осуществить свою хиревшую семилетку к 1970 году, в 1960 году приказал прекратить убой всего молодняка — телят, поросят, и разводить скот на молоко, а свиней на мясо. Догоняй Америку!..

В бытность мою летом 1960 года в СССР, во время раз'езда по городом четырех республик, я наблюдал гибельные последствия этой сумасбродной хрущевской политики, в которой отсутствует логика и здравый смысл. Неожиданно для меня в сентябре 1960 года в советской печати появились победные реляции: советской общественности возвещалось, что СССР по удою молока обогнал Америку, а по мясозаготовкам обещал превзойти в 1961 году; что, мол, Вашингтон посрамлен, генсек поймал США за хвост, и быть теперь Дяде Сэму у него на веровочке. Скептики пожимали плечами: „Чтоб нашему советскому теляти да капиталистического волка споймати"...

А игра в доронялки с Америкой все продолжалась, крепили животноводство, расплодили уйму скота, но не позаботились о кормах для него: руководителей, сочинявших госплан в Москве, очевидно мало интересовали такие пустяки, как шаманье для буренушки или хавроньи. Ударники состязались с американскими и на индустриальном фронте, в спешном порядке обгоняли их по методу Балалайкина — „тяп-ляп и корабль", понастроили множество бракоделочных, убыточных предприятий, ухлопали уйму народных средств, труда...

Главное же преступление хрущевского руководства в том, что оно довело земельные угодья до **небывалого запустения**: значительные пространства пахоты и лугов

заросли кустарником, заболочены, занесены песками. При все сокращающейся площади посевов, без достаточных удобрений, нужной техники, отливе из деревни рабочей силы, пренебреженная земля отомстила Хрущеву в момент его призрачного торжества: непомерно разбухшие стада рогатого скота, свиней в зимную пору, без кормов, на голодном пайке, очутились в катастрофическом положении: **падеж скота в Белоруссии достиг 25-50 процентов.**

Колхозники, конечно, не могли предотвратить этого бедствия, вызванного самодурством диктатора, но они спасали свой личный скот: скупали в магазинах хлеб, кормили им своих коров, свиней, птицу. Запасы хлеба быстро таяли — сколько ни привозили в магазины, его разбирали нарасхват.

Создался хлебный кризис. На верхах заговорили о закупках зерна за границей, выложили капиталистам золото, обзавелись хлебом, выдававшимся в городах по карточкам. Немного удалось выпрямить положение с помощью капиталистов, которых слишком увлекшийся Никита Сергеевич грозился не только превзойти, но и „поховать" в успешной конкуренции

Не вышло. И сам очутился в большом конфузе: колхозникам, рабочим он давал дурацкие, невыполнимые директивы, а потом кричал: „Если предприятие плохо работает, значит руководство ни к чорту не годится!" К этому зазнавшемуся бюрократу его дружки применили его собственный афоризм, и втихомолку спихнули, не дав ему сказать слова в свое оправдание. Может быть и плохо поступили с Никитой Сергеевичем, но зато избавились от человека, посадившего СССР на голодный паек.

38. БЫВШИЕ ПАРТИЗАНЫ СТРЕЛЯЛИ В Н. ХРУЩЕВА

Когда-то В. Молотов возражал против индустриализации Белоруссии, хотя в недрах ее оказались нефть, газ, богатые залежи соли, минеральных удобрений и даже железная руда, а Н. Хрущев, очарованный первыми успехами на целине, сбросил Белоруссию со счетов как производителя зерна, превратив ее в „картофельную республику".

Свою последнюю поездку в Белоруссию Н. Хрущев предпринял в поисках Козлов отпущения, сваливая на них свои наудачи на целине, отказавшейся давать высокие урожаи из-за бездарных методов эксплуатации степной земли. Хрущев кинулся в Белоруссию за хлебом, но его вырастили в 1961 году, главным образом, на потребу местного населения 135 миллионов пудов (1.341 колхоз и 355 совхозов), и сдали государству только 15,7 миллиона пудов — меньше одной Черниговской области.

В Минске придерживались инструкции Москвы, полагавшейся, главным образом, на целинный хлеб, выращивали картошку, поросят, лен — белоруссам огказали в технике, нужной для выращивания хлеба, которой все еще насыщали целину, и вследствие подобной политики не было возможности использовать под зерновые 600 тысяч гектаров осушенных торфяников с затратой 105 миллионов рублей на их мелиорацию, и 61,6% этой первосортной земли оказалось под травами.

Выявился и порыхв в животоводстве: усиленное размножение скота не соответствовало кормовым возможностям: в 1961 году вырастили 952 тыс. свиней, а пало 516 тыс. или 15% всего поголовья, в том числе 395 тыс. поросят или 20% молодняка. Перспектива оказать-

ся без поросенка, излюбленного комиссарского блюда, взорвала генсека:

„Хрущев приехал, чтоб раскритиковать, разнести нас... — А что вы думали? Я приехал к вам стихи Пушкина читать? Стихи вы и без меня прочтете. А я приехал вскрыть недостатки, поговорить с вами на чистоту, призвать вас, чтоб вы проверили некоторые организации, напустить сквознячок на некоторых руководителей" (оживление в зале), („Правда", 16 января 1962 г.).

„Задумайтесь, товарищи, над этими цифрами. На 800 тыс. га сократили площоди зерновых в республике! Куда же вы смотрели, тов. Мазуров, кто руководит республикой — центральный комитет партии и совет министров Белоруссии или травопольщики"?

У первого секретаря Белорусской компартии К. Мазурова (фактически глава республики), как говорится,

Солигорск. Шахтерская столовая.

душа ушла в пятки, он онемел, и только в мыслях пожелал своему истязателю, чтоб „его маланка (молния) спалила и гром забиу" — ведь его разносили за хрущевские же промахи, инструкции, которым он пунктуально следовал, иначе его обвинили бы в ослушании партии, а теперь на публичном правеже он должен прикидываться провинившимся, кающимся грешником, спасающим своим позором опростоволосившегося Никиту, запутавшегося где-то в своих целинных махинациях и в соревновании с Америкой.

Конечно, колхозников надували, поощряли в ударничестве, а обещанного дополнительного вознаграждения не выдавали, ибо Хрущев отказал в ассигновках на это дело, но тем не менее он не постыдился и этот свой грех свалить на белорусское руководство: „Сначала обещают людям дополнительную плату, а затем бесцеремонно нарушают свое слово, лишают колхозников вознаграждения", и генсек чуть не разрыдался за надутых им же колхозников.

Угомонился Хрущев после изрядной выпивки на пирушке с традиционным поросенком, после которой направился в об'езд колхозов и совхозов. И здесь он стал вымещать свои неудачи на совхозниках — отнимал у них приусадебные участки, нисколько не заботясь о том — прокормятся ли они со своими семьями на мизерную зарплату, а у колхозников урезывал показавшиеся ему слишком большими усадьбы.

И без того бедствовавшая деревня взбудоражилась. Дошло до того, что во время проезда лесной дорогой озлобленные бывшие партизаны стреляли в Хрущева. Раненого в руку повезли в больницу, инспекционная поездка оборвалась. Конечно, в советской печати умолчали о покушении на жизнь Хрущева, как ничего не сообщалось и о его похождениях в ООН — битье башмаком по

столу во время расстроившей его речи английского премьера Мак-Милена.

В Москве у Хрущева возникли партийные осложнения. Затянувшаяся закулисная борьба окончилась, как известно, заменой болтливого, сварливого старика более молодым, проворным его дружком-украинцем Л. Брежневым в октябре 1964 года, а в Политбюро ЦК КПСС ввели ославленного, униженного экс-генсека-белоруса К. Мазурова, превратившегося из гонимого в партийного олимпийца.

39. СОВЕТСКАЯ БУРЖУАЗИЯ. — ВОСКОВАЯ ФИГУРА ЛЕНИНА

Советская буржуазия растет, крепнет, угрожает народным массам. Сталину нужна была опора и он пестовал партийные кадры. Им давались поблажки — товары по удешевленным ценам, большое вознаграждение за работу и другие привилегии. Годы шли. Росла и училась партийная и непартийная молодежь, с нею росли и множились требования за равенство. Подпольно, конечно. И теперь из подполья постепенно выпирают наружу. Даже на одном из партийных с'ездов в поданной записке требовали уравнения.

— Уравнение будет, но не теперь, а потом, ответил сенсек Н. Хрущев. И это справедливое требование становится лозунгом всей страны.

Требуют свободы, одинаковых с коммунистами прав, справедливого вознаграждения труда.

Уравнение в вознаграждении зародилось не в большевистской „научной" теории. Оно созрело в недрах самих масс, всего трудового народа, рабочих в совхозах и колхозников. С этим народным требованием партийцам придется считаться.

Живут еще в СССР и сталинцы на привилегированном положении. Они мечтают о новом Сталине, ждут его, но никогда не дождутся: рядовые массы выросли, окрепли умственно и требуют равноправия с партийцами. И получат по праву принадлежащее им.

Весной 1966 года, на 23 с'езде КПСС в Москве, было опасение: сталинцы могут „вернуться" и что с'езд восстановит их политику. Опасения не оправдались: „возвращения сталинщины не может быть", — так было сказано в речи одного советского сановника в конце с'езда.

Сталинцы пока провалились, не получили поддержки с'езда. Привыкшие к чрезмерной роскоши и самовластию — трудно довольствоваться ограниченным пайком. Товарищи на словах хотят иметь полные блага жизни. А на остальных — им наплевать. Вот какие „коммунисты" еще имеются в СССР.

В советском Союзе во всех учреждениях страны господствуют коммунисты. Там имеется только незначительная часть беспартийных. Все они получают большие оклады жалованья, чище одеты, лучше живут. А хлебопашцы-крестьяне кормят горожан, за их счет строят города, асфальтируют улицы, проводят дорогие подземные метро с художественно украшенными станциями (стены и даже потолки, в Москве), сооружают гостиницы, большие жилые дома, театры, кино, фабрики, заводы и прочее, а сами пахари живут в скромных хатах-домах, одеваются хуже горожан, питаются однообразной пищей, и, как крепостные рабы 19-го столетия, ежедневно ждут приказа бригадиров, поставленных руководить ими, указывать, что и где делать, когда начинать и кончать.

Все говорят, пишут, кричат по радио, телевизии, что социализм кончается, приходит на смену ему коммунизм, которому учил „мудрый" Ленин, лежащий в мавзолее в Москве. К нему едут не только советские граждане, рабочие и крестьяне, но и иностранные туристы, чтобы посмотреть восковую фигуру в мавзолее. Все каменные гробницы в России вскрыты, мощи в пещерах со „святыми" показаны народу. Смотрите, мол, во что верили религиозные в России? Никаких там святых не оказалось, даже тленных трупов не нашли: все было завернуто в тряпки, и этим „святым" многие верили, поклонялись, молились.

Ну, а Ленина зачем положили в мраморное подземелье, покрыв лучшим дорогим кавказским мрамором? Церковных святых выбрасывают, своих на их место кладут и ежедневно открывают мавзолей для тысяч советских и иностранных людей.

Как известно, волосы не гниют, не разлагаются. При вскрытых усыпальнях археологи находят волосы и по ним доказывают, что умерший жил столько-то веков даже до нашей эры. Ни одного волоска на руках „святого" Ленина вы не увидите. Увидите просто блеск восковой фигуры. И больше ничего.

Кроме того, где у отцов социализма Маркса, Энгельга, Каутского и даже Ленина, сказано, что при социализме будут класть в дорогие мавзолеи трупы вождей и ежедневно показывать всем? Ничего подобного в теории социализма нет и не может быть. Социализм основывается на философии, разуме, логике. Какой же смысл тогда создавать мавзолеи, класть и выбрасывать (Сталина, например) из мавзолея, на его место класть другого такого же „великого", чтобы через несколько лет, опять выбросить и этого проштрафившегося учителя?!

Солигорск — город шахтеров.

40. МОСКВА-МАТУШКА РАСШИРЯЕТСЯ

„Москва у всей России под горою, все в нее катится" (И. С. Тургенев „Новь") ... На обратном пути в США в Москве я пробыл только шесть часов, на такси об'ехал окрестности, центр города, заглянул в мавзолей Ленина, центральную библиотеку его имени, в музей Бородинской битвы — круглый, как бочка, в два этажа с экспонатами, трофеями: разбитые пушки, повозки и прч. Колхозница шопотом другой бабе: „это возы и колеса колхозников".

Старый ленинский мавзолей посредине площади, после удаления сталинской мумии, снесли, при самой кремлевской стене построили новый из кавказского красного мрамора: советский „святой" теперь лежит в одиночестве, поджидает нового напарника: Сталин оказался ему не по двору ...

„Пусть кто-то твердит:
„успокойся"? — спокойным
я быть не сумею,
Покуда наследники Сталина
есть на земле.
Мне будет казаться,
что Сталин еще в Мавзолее.

Рап. Евтушенко, („Правда", 21 окт. 1962 года).

Я был в Москве шесть лет назад. За это время Москва отстроилась. Сносятся старые барские дома, воздвигаются новые в 6-10 этажей. Самые шикарные, широкие длинные, озелененные улцы — Ленинская и Сталинская. Многие другие улицы — по их образцу. Немецкая чистота, опрятность. За городом застраиваются целые районы жилыми домами в 5-9 этажей на 80-200 семейств в каждом.

Гладкая асфальтовая дорога на берегу извилистой

узкой Москвы-реки, ведущая к красивому тридцатитрехэтажному Московскому университету с шестом на верху и пятиконечной звездой на Воробьевых (Ленинских) горах. По сторонам и впереди грядки из живых цветов украшают этот храм науки, вмещающий двадцать три лекционных зала, семьсот лаборатории, два концертных зала, библиотеку в 1.200 тысяч книг, свыше шести тысяч студентов и восемьсот преподавателей. По сторонам много четырех и пятиэтажных групповых домов для студентов и служащего персонала.

Большой новый Кутузовский проспект, ленинградское шоссе в четыре линии. Ленинградский проспект, деревья в три ряда с тремя автолиниями в оба конца.

Аэродромы Внуковский и Шереметьевский могут состязаться в отделке с парижскими, ньюорским аеродромом Кеннеди, а в некоторых деталях москвичи даже перещеголяли иностранцев. Строится гостинница „Россия" на шесть тысяч мест, И, видимо, для того, чтоб превзойти французов (Айфлева башня) или нью-йорцев (небоскреб на 5-ом авеню) в Москве возводится башня в 520 метров к 1970 году.

В общем градостроительство ведется в спешном порядке, в крупных масштабах, какая то неведомая сила влечет в города деревенский народ, жизнь здесь конечно, интенсивнее, интереснее, хотя вряд ли здоровее, сохраннее в условиях фабричной копоти, пыли, шума — как будто бы нарочно в них сосредоточиваются огромные массы народа в предвидении надвигающейся мировой катастрофы, о которой неустанно трубят обеспокоенные политики, все увеличивающие запасы атомных боеголовок, ракет, самолетов и другого истребительного оружия, которое и будет использовано против гигантов-городов и башен — прекрасных об'ектов, ориентиров для вражеских налетов.

„Припасены для вас иные сигареты.

Лишь чиркнуть спичку — к чорту полпланеты" — таково предположение советского поэта С. Щипачева, побывавшего в Калифорнии, о „злонамерениях" американцев, а советские „сигареты", видимо, припасены для салютов.

41. НАРОД БЕСПРАВЕН. — БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ВОЛОКИТА. — ЧАЕВЫЕ. — КРЮЧКОТВОРСТВО

У народа в Сов. России отняты все элементарные права, инициатива, свободное мышление, право на свою организацию, клубы, газеты, книги. Пресса большевиков занимается самовосхвалением, прославлением своих лидеров. Раньше превозносили Сталина до небес, пели ему гимны, считали его „отцом всех народов", а партия помогала производить незаконные аресты, посылать людей на принудительные работы, безжалостно эксплуатировать, морить голодом.

Больше того, сталинцы, переморив голодом миллионы молодых людей, ликвидировав старых большевиков, обескровили красную армию, расправились с маршалом Тухачевским и его штабом, дав этим возможность немцам в 1940 году напасть на СССР, забрать в плен более трех с половиной миллионов красноармейцев, довесть страну до величайшего бедствия.

Еще в 1934 году в своей книге „Что я видел в Сов. России", в главе „Красная армия", я указывал на небоеспособность красной армии, лишенной патриотизма, армии разоренных крестьян, придавленных и запуганных городских рабочих. Могла ли она храбро и упорно сражаться? Опыт показал, что нет. И только угон крестьянского молодняка поголовно с 16 лет в рабство в Германию, заставил советский народ задуматься и убедить-

ся, что своя власть плохая, а чужая еще хуже, и на местах стали партизанить, а взятые в Красную армию начали сражаться по настоящему, за свою родину.

Все это понял и сумасшедший Сталин, стоявший во главе армии, призвал на помощь всех ссыльных, в том числе священников, дьячков, так называемых классовых врагов, мнимых крестьян-кулаков. А для поощрения командиров ввел в армии погоны, денщиков (тов. коммунист денщик должен чистить тов. офицеру сапоги, козырять ему), выудили из истории национальных героев Кутузова, Суворова и других.

Кончилась война, кулаки давно перевелись, а нажим на духовенство — прямо и косвенно — все еще продолжается. Генералов выдвинули из партийцев, предоставили даже полковников из мужиков богатые дачи , денщиков, слуг, вороных коней для катанья. Как и при царизме, военкомы получают большие оклады жалованья, живут роскошно, распивают лучшие кавказские вина, шампанское. Пенсии за „заслуги" выдаются не в 65 лет, как рабочим и колхозникам, а гораздо раньше, с правом оставаться на службе. А колхозник, хлебопашец, кормилец всех горожан, армии и флота, должен довольствоваться 12-тирублевой пенсией в месяц: за эти деньги он может купить у государства три с половиной кило сливочного масла (около 8½ фунта, считая кило 3½ рубля). Вот какой советский социализм! А где равенство, братство, которыми Ленин прельщал во время революции, после сокрушения старорежимников, и введения рабоче-крестьянской власти?!

Чиновников в городах и в деревне, этих партийных паразитов в СССР, теперь больше, чем в царское время. Всех нужно содержать, платить увеличенное жалование, кормить и поить на государственный счет.

Где была прежде одна волость, теперь три-четыре,

дармоедов увеличилось в 15-20 раз. А сколько их в колхозах, совхозах? В почтовых и контрольных учреждениях? Все они получают большое жалование, живут в новых, просторных домах, у многих мотоциклеты и даже „газики" (легковые машины), лучше питаются; сами они и их семьи прилично одеваются, а их дети скорее и легче попадут в высшие школы, получат специальное образование, пристроятся на лучшие, хорошо оплачиваемые, должности, етануть членами партии, уже не партии Сталина и Хрущева, а Ленина, мощам которого в мавзолее покланяются, как прежде в Печерской и других лаврах православные молились и покланялись святым угодникам.

Советские чаевые

Чаевые в Сов. Союзе законом не разрешены. Но чаевые везде дают, их берут, скрывают. Чаевые в ходу в ресторанах, в коммерческих предприятиях, при всяких торговых сделках. Без них нельзя обойтись, они широко практикуются.

В ресторанах вас будут долго задерживать, не получив чаевых. Я в этом сам убедился. Приходите в лавку, спрашиваете нужный товар, вам скажут, что он вышел, скоро получится. Говорите: вам до зарезу он нужен и вы за это отблагодарите — за взятку вы его получите.

В деревне вам нужно дерево на постройку. В сельсовете выдают записку на покупку. С бумажкой идете к леснику. Там будут медлить и получите плохое, если не дадите взятку. Вам нужна казенная строительная артель и без взятки вы не скоро построите дом, придется выложить сто рублей. Тогда дом скоро начнут и быстро закончат.

Сосед моего родственника построил в деревне новый дом. А краски выкрасить не может получить. Случайно

я встретил его в городе. Пошли вместе с ним в лавку купить краску.

— Пока краски нет, вся продана, скоро пришлют новую партию, — говорит продавец, глядя на меня подозрительно.

— Я куплю газету в киоске и скоро вернусь, — говорю своему соседу. Вернулся. Мой сосед уже держит в руке завернутую пачку с краской, Она нашлась у продавца казенной лавки. Но он не знал меня, заколебался. Когда же продавец узнал, кто я, краска нашлась, но в моем присутствии он боялся брать взятку.

Ехал я на теплоходе „Пушкин" из Монтреаля в Ленинград, купив билет только в одну сторону. Для покупки билета обратно в США поехал из деревни в Минск через две недели. Заказал билет в конторе Интуриста, указав, что моя виза кончается 15 сентября, хочу выехать в последние дни ее истечения. Молодая брюнетка все записала, прочитала записанное, чтобы не вкралась ошибка. Обещала получить билет через две недели.

Приехал неделю позже. Билета нет. Еще через две недели — та же история. Стоимость же билета около 400 рублей. Время приближается к выезду, а билета нет. Вижу, что тут не будет конца.

Иду к директору, об'ясняю все подробно. Директор-женщина лет 30-ти, блондинка, идет со мной в контору, подробно распрашивает, почему так долго нельзя продать билета и почему именно он стоит 400 рублей, а не меньше.

— Один американец месяц назад купил и уплатил без малости 400 рублей, — отвечает продавщица.

— Да, гр-н Г. давно заказал билет Минск-Москва, Москва-Париж, Париж-Нью Иорк, — читает из книги продавщица. Задержка произошла в Париже, а не у нас в аэрофлоте.

Обещали выяснить за 10 дней. Я ждал. Приехал в Минск днем раньше. Билета нет. Моя виза истекала. Осталось поехать в Москву в американское консульство за помощью. Родные мои беспокоятся, волнуются. Я, скрепя сердце, шучу, не волнуюсь. Осталось три дня до окончания визы. Возобновить уже поздно.

— Уеду за два дня до истечения визы, — говорю родным, среди которых был мой поручитель.

— Завтра попробуем купить вам билет, — говорит он. Утром поехал в город. Там звонил три раза. Билета нет. Пришлось обратиться к районным властям за помощью. Там уже знали меня. Звонили сами раз, другой. Билета нет. В третий раз звонили уже с угрозой. Билет был готов за 360, а не 400 р. Поехал. Купил. Свободно вздохнул. Теперь я уже знаю сов. волокиту.

Наконец, Москва. Аэропорт. Большой чемодан ставлю на весы, малый с портфелем беру с собой.

— Ставьте оба на весы, за багаж ничего не считаем, — говорит весовщик, подмигивая. Поставил. Принял.

— Сколько мне полагается доплатить за багаж спрашиваю сидящую за столиком молодую конторщицу. Она оглянулась в сторону весовщика, что-то спросила его, тот что-то буркнул . . .

— С вас следует 18 р. 75 копеек.

— Мне весовщик сказал, что никакой доплаты не следует.

— Он ничего не знает, — был ответ. За этот багаж из Парижа в Нью Иорк посчитали ровно 40 долл.

Мой же знакомый, выезжавший из СССР, обратил внимание на подмигивание весовщика, ткнул ему пятирублевую кредитку за большой багаж, он уменьшил вес и обошлось без доплаты.

Можно привести много подобных фактов.

42. ЧТО ДУМАЮТ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ О ВОЙНЕ?

Как известно, первая и вторая мировые войны для СССР и русского народа были тяжелыми, разрушительными. О первой войне не все знают, многие забыли. Вторая же война более памятна, а перспектива третьей, атомной войны, вызывает страх и трепет.

Войны ни крестьяне, ни городские рабочие не хотят. Но что будет, если на СССР нападут? — спрашивал я у своих соотечественников, и везде слышал один ответ — „будем воевать до последнего".

Настроение русской молодежи, партийной и беспартийной, другое теперь, чем до второй мировой войны. Вся молодежь прошла за после военные годы школы. Многие получили или заканчивают высшее образование. Они больше видели, пережили, много читают, неплохо разбираются в мировых событиях. Больше, конечно, чем американская молодежь.

И если бы началась третья мировая война, зная настроение народа, рабочих и крестьян, можно сказать, что армия и партизаны дадут отпор всем, кто нападает на СССР.

Еще Бисмарк сказал, что Россию можно истребить, но не покорить. Наполеон, Кайзер и Гитлер провалились. И это тогда, когда Россия, как говорят, была немытая, небритая, не знала наук и не видала машин. Теперь наука в СССР доступна для всех. Бедняки получают высшее образование. Машина и знание пришли в деревню.

Народ прошел сквозь огонь и воду, прозрел, закален. Избавились от помещиков, капиталистов. Есть один хозяин: государство. Правда, это государство при Сталине разорило многих, лишило жизни. Все это знают. Знают и то, что это советское государство мало дает, больше берет, все обещает . . . Это факты, которых нельзя обойти.

Но с этим злом мирятся, — борьба трудящихся в СССР идет за полное раскрепощение и свободную, лучшую жизнь. Войны там, однако, никто не хочет. Будут воевать, если навяжут ее.

43. КУДА ИДЕТ СССР?

В заключение хочется сказать, куда, по моему мнению, идет Россия? Идет ли она к полному раскрепощению, свободе, братству и равенству, к идеалам, за которые пролито много крови в последние 50 лет? Или она остановится на полпути, как Великая Французская Революция и другие западные революции?

Я, конечно, далеко не пророк и в пророчества не верю. Но верю, что веками внедренное в народе, благодаря денежной системе, неравенство исчезнет, как искусственно возникшее и противное духу русского человека. Он не примирится с тем, что одни имеют все, а другие ничего, одни обжираются, а другие бедствуют, создавая благосостояние для эксплуатирующего привилегированного партийного меньшинства.

В течение трехсотлетнего царствования династии Романовых, народ кормили искусственной пищей: царю служи, Богу молись, исполняй церковные обряды и получишь царство небесное после смерти. На земле же терпи нужду, будь покорным помазаннику Божьему — царю.

Многие верили (и долго) этим сказкам. Немногие угодничали царям, получали дворянские чины, награду землей и крепостных крестьян, работавших на них. Появились господа и рабы. Одни жили припеваючи, другие бедствовали.

Нужно было несколько революций на Западе, чтоб покончить с феодализмом, господством аристократии над народными массами. И только с развитием индустрии на-

чалась борьба за политические права для всех и экономическое раскрепощение. Борьба эта продолжается.

Феодализм остался еще кое-где в азиатских странах. Но и там идет борьба за полное раскрепощение. В передовых европейских странах он уступил капитализму с политической свободой. И теперь уже капитализм не тот, который был вначале его зарождения: он ограничен в правах, благодаря политической свободе, политическим организациям, профсоюзам.

Русская революция 1917 года пошла еще дальше — до полного политического и экономического раскрепощения. Ленин, узурпировав власть, утверждал, что и государство, как высший орган в стране, тоже отомрет, его заменят власти на местах, и в нем не будет надобности.

Ленин ушел. Его последователь и преемник Сталин все политические свободы и организации инакомыслящих ликвидировал. Народ превратил в рабов-роботов, начал править людьми, как плохой пастух, скотом, не заботясь о человеке, его нуждах и свободе.

Сталин ушел. Его место занял Хрущев. Дал немного свободы народу: вернул многих из концлагерей, раскрепостил рабочих от станков, освободил крестьян от тяжелого налога. Жить стало лучше, веселее, свободнее. Я это видел, когда посетил в 1960 году ряд больших городов и республик.

Но „мужицкий" глава страны Хрущов наивно поверил в семилетку, и к 1970 году обещал народу все земные блага, поручив осуществление этой задачи своим партийным лидерам, которые использовали свое положение для личных благ, будучи на верхах во всех хозяйственных органах великой страны. Семилетка хирела, отставала, Хрущев бесился, угрожал, сменял руководство — все это нисколько не помогло. Страна медленно, но уверенно шла к банкротству.

Партийные дружки помоложе отстранили его от руля государственного корабля именем партии попрежнему правят страной, правда, уже мирным порядком, меньше кричат на весь мир, все улучшают, а воз стоит на месте. Верно, — города растут, ширятся, множатся. И все за счет хлебопашца-крестьянина, который, как жук в навозе, вечно трудится, но получает в пять раз меньше пенсии, чем городской рабочий и служащий.

Руководство же всеми хозяйственными органами в стране осталось партийным. Даже свобода передвижения из одного места в другое урезана. Доступ к высшему образованию беспартийными затрудняется, партийным же детям — ход свободный и всегда. В бесклассовом обществе в СССР образовались два класса — партийных и беспартийных.

Партийные, пристроенные к государственному пирогу, молчат; непристроенные недовольствуют вместе с беспартийными. Борьба разгоряется. „Чем ночь темней, тем ярче зверды". Чем больше идет это давно начавшееся обострение, тем скорее ущемленный народ добьется прав, свободы, воли.

Партия узурпировала все. Всюду хозяйничают партийные назначенцы. А работа тормозится; взяточничеством заразилась вся страна, везде нужно долго ждать, чтобы получить даже за деньги то, что вам нужно. Пишущий эти строки не мог за шесть недель купить даже билет в США, не дав взятку продавцу. Потребовалось вмешательство районных властей, чтобы получить давно заказанный билет.

Посылая меня за покупкой обещанного билета, мне дали адрес советского учреждения в Минске, куда я должен был зайти, а оттуда должны послать человека, чтоб заставить продать мне билет, если я не получу сам. Би-

лет я получил. А сколько слышал о таких лицах, которые без взяток никак не могли получить.

Внешне всюду выглядит неплохо. Но стоит только вникнуть в жизнь — получается совсем иная картина. Везде подставляют сов. гражданину ножку, тормозят всякое начинание или предложение. Это на экономическом фронте.

На политическом еще хуже. Свободы и прав нет. Многие видят непорядки, но бессильны бороться с ними. Пробуют искать прав, им не дуют их. Видят творящиеся несправеливости — вынуждены молчать. „А судьи то чьи?" — сказал грибоедовский герой Чацкий. Судьи то все партийные. И партийных не обижают — вор вора защищает.

За злоупотребления прежде наказывали, за кражу казенного имущества сажали в тюрьму, имущество конфисковали. Теперь совсем другое: воров освобождают, переводят в другие учреждения.

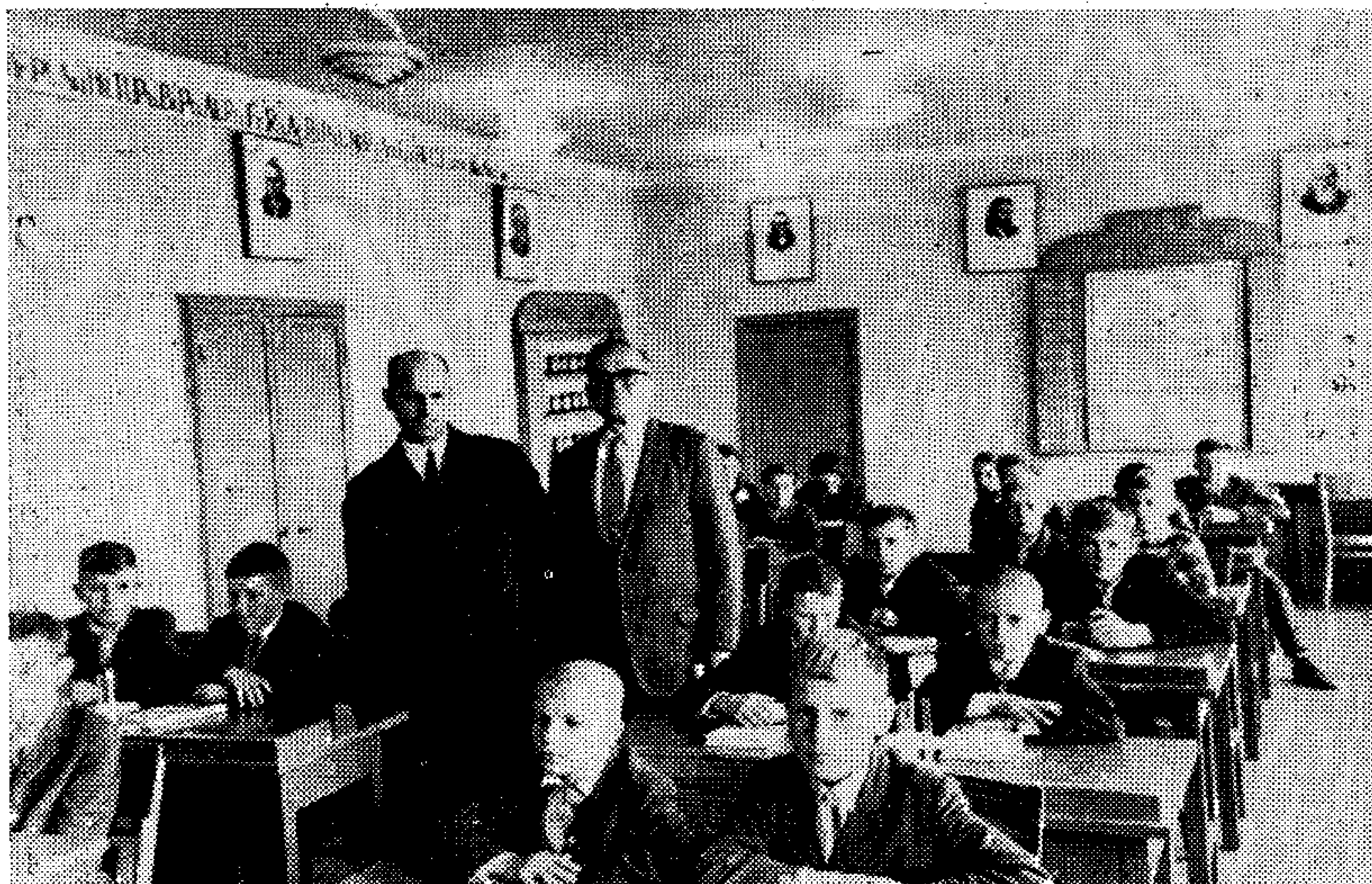
Оппозиции закрывают рот, сажают в тюрьму. Партийцев немного. Вся молодежь увлекается ученьем, среднее образование доступно всем. И многие учатся, читают, разбираются в жизни. Кормить такую молодежь обещаниями долго не придется: молодежь эта сама потребует всего, что ей нужно. И она уже кое-где требует. Дальше в лес — больше дров. В обещания никто не верит. Требуют реальных прав, свободы, справедливого распределения богатства в стране. И они получат.

Атмосфера в СССР накаленная. Недовольство советской диктатурой растет. В обещания большевистских партийных самодуров правящих народом, как плохой пастух скотом, пятьдесят лет никто не верит. Им не верят даже многие коммунисты-большевики, состоящие долгое время в партии. Писатель А. И. Солженицын,

выступивший недавно резко против советской цензуры, не один, их много, но пока молчат.

Народ — не скот, „хлебом единым" жить не может и не желает. Ему нужна духовная пища, свобода, как воздух, без нее счастливую жизнь нельзя построить. Жизнь без прав, инициативы, организации — не социализм, а его изорудование, издевательство над ним и правдой.

На уроке химии.